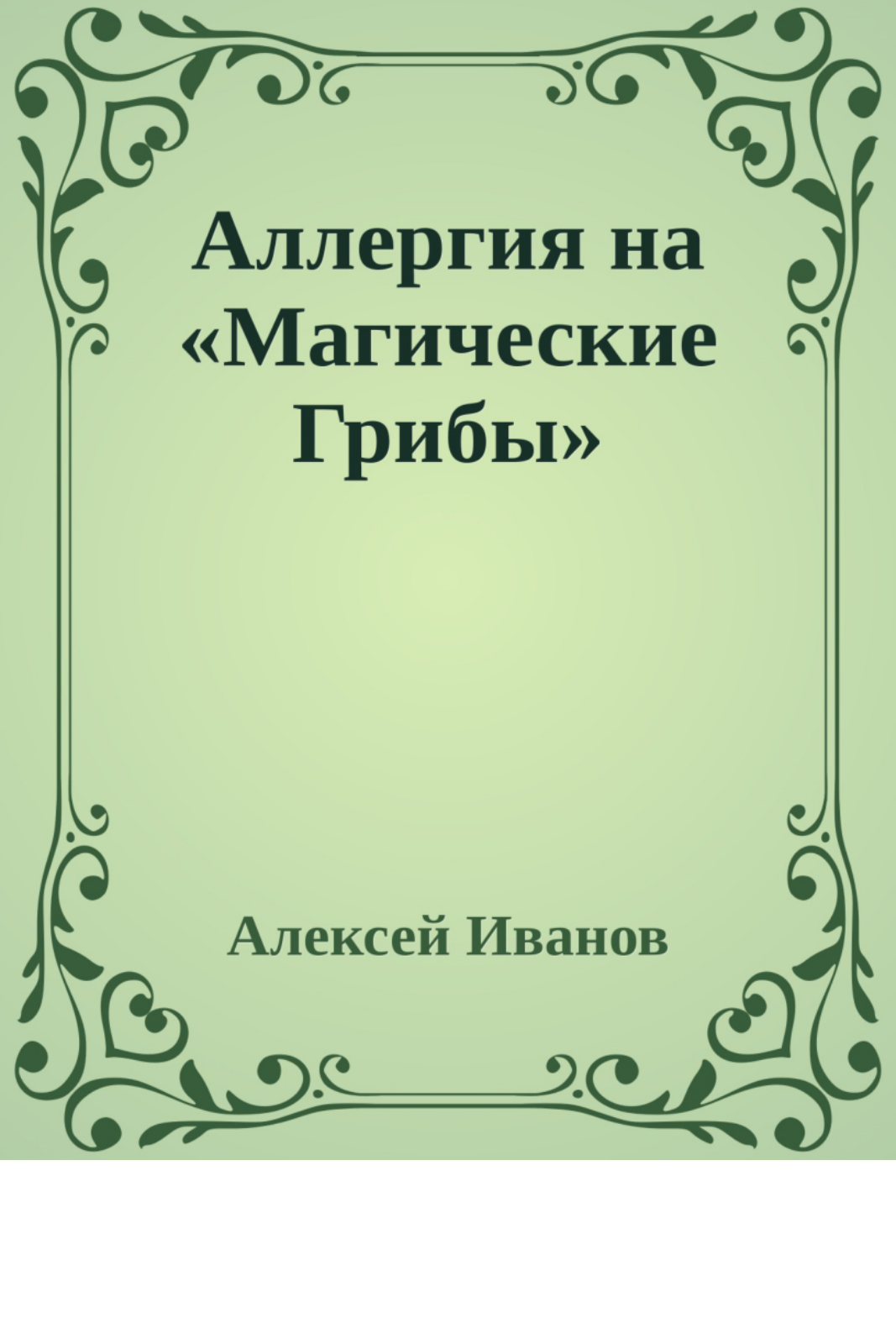

A decorative border with symmetrical floral and scrollwork patterns in a dark green color, framing the central text.

Аллергия на «Магические Грибы»

Алексей Иванов

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

Автор русскоязычной ирландской "Нашей газеты" Алексей Иванов написал книгу об эмигранте из России, который приехал в Ирландию работать на грибной ферме.

"Аллергия на магические грибы" рассказывает историю образованного россиянина, который вынужден бросить свою профессию юриста и уехать на заработки в Ирландию, чтобы прокормить семью. В итоге герой произведения оказывается в "глубокой ирландской дыре", на грибной ферме, хозяин которой эксплуатирует и всячески унижает его и его коллег-иммигрантов из России, Латвии, и Литвы.

Работники фермы вынуждены трудиться без выходных за 2 евро в день, а в ответ на любую жалобу хозяин фермы, ирландец по имени Падди, грозит "отвезти их в Белфаст и сдать полиции", которая их сразу депортирует.

Автор книги Алексей Иванов-Царёвококшайский (псевдоним автора "Нашей газеты" Алексея Иванова) сам провел несколько лет на грибной ферме в графстве Каван, и произведение во многом отражает его личный опыт, отмечает портал Russian Ireland.

- [Алексей Иванов–Царёвококшайский](#)

-

- [Извинения](#)

- [Прокламация автора](#)

- [Введение](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26
- ☐ 27
- ☐ 28
- ☐ 29
- ☐ 30
- ☐ 31
- ☐ 32
- ☐ 33
- ☐ 34
- ☐ 35
- ☐ 36
- ☐ 37
- ☐ 38
- ☐ 39
- ☐ 40
- ☐ 41
- ☐ 42
- ☐ 43
- ☐ 44
- ☐ 45
- ☐ 46
- ☐ 47
- ☐ 48
- ☐ 49
- ☐ 50

- notes

- ☐ 1
- ☐ 2
- ☐ 3
- ☐ 4
- ☐ 5
- ☐ 6
- ☐ 7
- ☐ 8
- ☐ 9

- ☐ 10
- ☐ 11
- ☐ 12
- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26
- ☐ 27
- ☐ 28
- ☐ 29
- ☐ 30
- ☐ 31
- ☐ 32
- ☐ 33
- ☐ 34
- ☐ 35
- ☐ 36
- ☐ 37
- ☐ 38
- ☐ 39
- ☐ 40
- ☐ 41

Алексей Иванов–Царёвококшайский

«Аллергия на «Магические Грибы»

*Посвящается моей жене Эльвире,
женщине, которая безропотно
соглашалась на реализацию моих
авантюрных решений, женщине,
которая наивно верила в
наполеоновские планы и воздушные
замки, женщине, которая слепо
любила, когда любить уже было
некого.*

Часто книги начинаются с благодарностей, эта книга
начнётся иначе, с извинений.

Извинения

Родители мои, простите меня за то, что я не оправдал ваших надежд.

Дети мои, простите меня за то, что я обокрал ваше детство.

Родственники мои, простите за то, что я вам не смог помочь.

Друзья мои, простите меня за то, что я лишил вас товарища.

Родина моя, прости за то, что я запутался на своём пути.

Прокламация автора

Несмотря на то, что многие факты, показанные в книге, реальны и взяты из жизни, просьба к читателям не пытаться узнавать себя в героях и ни в коем случае искать сходства описываемых событий с собственными жизненными ситуациями. Нельзя, чтобы подобное «узнавание» кому-то причинило вред, поэтому имена действующих лиц, некоторые обстоятельства намеренно изменены. Кроме того, автором было подписано «согласие о ненападении». Хотя юридическая сила такого согласия остается под сомнением, но названный документ хранится у адвоката заинтересованной стороны.

Введение

Июль 2000-го года. Москва.

Проливной дождь лил не утихая, пытаясь смыть с меня тяжесть тревог постсоветской действительности и бремя переживаний о неопределенности будущего. Дождь, словно пытался сказать: «Давай попрощаемся! С завтрашнего дня, тебя ждёт безоблачная погода и приятный бриз Гольфстрима. Money, money, money, Always sunny In the rich men's world!» Тёплый ветер подгонял меня по направлению к аэропорту «Шереметьево», и подбадривал: «Иди вперёд, к новой жизни, к радостному труду и интересным знакомствам! Виза в паспорте, это твой джек-пот, настройся на лучшее, ты теперь свободный человек со значительными возможностями!»

*Что родина?
Воспоминаний дым.
Кажись,
Пустое слово — Русь,
А всё же с ним теплее.
Да, я ушёл не сожалея,
Но знаю: со слезой вернусь.*

А. Мариенгоф

Я знаю, что я плохо кончу. У меня такая дурная наследственность. Среди моих родственников никто нормально не умирал.

Один мой дядя купил на рынке беляшей. Жуткие пирожки с мясным фаршем, приготовленные в кипящем масле. Он принес их жене. Она его обругала за транжирство. Она пожалела ту ничтожно скромную сумму, что они стоили. Недолго думая он вытянул ремень из штанов и повесился в кладовке пропахшей пчелиным воском.

Я никогда не любил беляши. В самом слове уже заложено нечто отторгающее, несъедобное, словно из патологоанатомической терминологии. Злые языки говорили, что в мясной фарш для беляшей кладут мясо собак.

Умереть в кладовке, в которой некогда хранили вошины для пчелиных ульев, наверное, спокойно, умиротворенно. Как в церкви. Маленькое окошко. Тишина. Всё пахнет стариной, именно стариной, а не старостью, потому что эта старина законсервирована живым воском, навеки въевшимся в бревенчатые стены, пол и потолок добротнo сложенных из досок, выпиленных в треть бревна.

Другой дядя присел на берегу реки, покрытой льдом, обхватил стройный стан плакучей ивы одной рукой, а в другой держал бутылочку водки. Выпил немного, да так и умер, не выпуская из рук ни ивы, ни чекушки.

Через несколько дней река поднялась и осталась торчать над водой, его не прикрытая голова. За две недели сороки и вороны обглодали лицо, выклевали глаза. Когда же, наконец, бедное тело достали из холодной воды, оно представляло собой реальное воплощение обложки первого винилового альбома группы «Iron Maiden» 1980-го года.

Члены закоченели так, что уложить тело в гроб не

представляло никакой возможности. Его обмотали покрывалом, положили на багажник крыши автомобиля, да так и везли двое суток на историческую родину. День и ночь, сквозь снег с дождём и ветер, пересекая недоумевающие взгляды пассажиров обгоняющих автомобилей и неправдоподобные объяснения с офицерами безопасности на дороге, его измученное тело добиралось к тому месту, где в промёрзшей за долгую зиму земле, его уже ждали папа и мама, братья и сёстры с такой же дурной наследственностью.

Старуха с косой прибрала его не случайно, она поймала его как рыбак щуку — на живца. Эта маленькая бутылочка с суррогатом содержала в себе жидкость очень трудную для употребления — технический спирт с явным запахом ацетона.

Нет, это омерзительно умирать со вкусом ацетона во рту. Наверное, быстро, но отвратительно противно. Русский бизнес. Продать гадость под видом чего-то настоящего. Ацетон вместо водки. Шубку из меха уличных кошек вместо ценных соболей. Подкрашенные шарики желе вместо икры.

Как в старинной сказке, злая мачеха колдовала со злым умыслом. На её кухонном подоконнике росли мини тропики. Она намешивала сок растений родом из юго-восточной Азии в домашний самогон, наговаривала магические заклинания. Она напоила своего приёмного сына этой немыслимой отравой, навела на него порчу и таким образом ушёл из жизни мой другой дядя. За три месяца он высох, как муха в паутине, как муха, из которой паук выпил весь внутренний бульон. Он превратился в такую мумию, что его невинной душе, просто уже не за что было зацепиться внутри невесомого тела.

Его старший брат работал министром машиностроения. Что подтолкнуло успешного человека запрыгнуть на подножку идущего поезда? Дурная наследственность, колдовские чары или собственная глупость? Преступная самонадеянность? Безумная храбрость?

Он попал под колёса, и ему отрезало ноги выше колен, смешав обрубки с песком железнодорожной насыпи. Он был честным и невинным человеком. Он был предан работе и родине всей своей жизнью. У него не было времени завести роман, так плотно он был занят. Он умер девственником, унося гены провинциального аристократа в небытие. На похоронах собралось множество народа. Люди, которые знали его, как хорошего человека пришли проводить его в последний путь и выразить друг другу своё желание жить. Каждый из них гнал от себя мысль о том, каково это — прокрутиться через мясорубку колёсной пары железнодорожного вагона. Каждый из них, не желая того,

чувствовал, как молния боли прошивает насквозь всё тело, и всеми силами пытался уйти от плена нелёгких чувств. Они ничего об этом не говорили, но в каждом взгляде читалось: «Я хочу жить. Боже! Как я хочу жить!»

Муж моей двоюродной сестры, контуженный придурок, сидит у меня дома и рвёт на себе тельняшку. До службы в армии он уже был безумным. В Афганистане он потерял остатки своего мозга. Натурально. Весь его череп в шрамах, осколки противопехотной мины вынимали из черепной коробки с частями его покрошенного мыслительного аппарата.

— Ты умрёшь раньше меня! Ха-ха, ты умрёшь раньше меня! Я клянусь тебе, что ты умрёшь раньше меня! — Смысл сказанного им, убивает меня без пули. Я — кандидат в трупы номер один.

В его потускневшем взгляде застыло стекло. На лице написано полное отрешение. Я должен умереть раньше его. Я каждый день думаю о нём и о том, что он мне сказал. Его слова звучали как страшное предсказание, как приговор к исполнению.

Каждый день я проживаю как последний. Каждый день я прокручиваю в голове то жуткое пророчество: «Ты умрёшь раньше меня! Ха-ха, ты умрёшь раньше меня! Я клянусь тебе, что ты умрёшь раньше меня!» Каждый день я жду смерти.

Он умер раньше!

Ура!

Сосед зарубил его топором, приревновав к жене. Господи! Спасибо тебе, что ты забрал его несчастную душу! Господи, спасибо, что дал мне пожить ещё немного!

На всех на нас лежит жуткое проклятие. Я уверен в том, что какая-то злобная старуха, завистливая и злобная ведьма, наложила на всю семью своё чёрное проклятие. Невероятно много колдуний проживает в наших местах. В далёких марийских деревнях ещё существуют старухи, которые наводят порчу на целые семьи, изводя их в небытие и, наверное, целый батальон Гарри Поттеров не справится с этой языческой силой.

Вся моя родня умирает смертью нелепой.

Вся моя родня умирает в результате мучительной и продолжительной болезни или глупо и безобразно, или остановившись на пути жизни слепым отростком без продолжения, как аппендикс.

Я не хочу умирать так! Я хочу жить долго и умереть здоровым, в кругу близких людей, которые проводят меня в последний путь с почестями.

Я хочу встретить Бога, будучи красивым стариком. Я хочу предстать перед Богом, будучи целым, и без печальных дырок в венах — следов от уколов и капельницы.

Я тоже хочу жить. Я отчаянно хочу жить. Более того мне хотелось жить хорошо, именно поэтому я поехал в Ирландию... собирать грибы...

Кому в Ирландии жить хорошо?

Кому в Ирландии жить счастливо?

На этот вопрос можно ответить старой доброй шуткой. Счастье, это ирландский дом, американские деньги, русская жена и китайская еда.

Когда я приехал в Ирландию, то заметил, что у всех жителей дома, как крепости, крепкие, красивые и к тому же тёплые. Деньги, такие, что американцам остаётся только завидовать. Завидует даже американский президент, у него зарплата меньше, чем пенсия у ирландских министров. Только ленивый ирландец не приобрел себе русской жены. С этим в последнее время нет проблем. В интернете русская жена приобретается быстрее, чем можно купить чернильный картридж для принтера на «eBay». С китайской едой проблем нет вообще — её приносят прямо домой по звонку телефона. Счастье!

Осталось разобраться со следующим.

Кому в Ирландии жить не хорошо?

Кому в Ирландии жить не счастливо?

Оказывается, что несчастье, это ирландская еда, американская жена, русские деньги и китайский дом. Надеюсь людей с такими условиями в Ирландии не много. Они, наверняка по-своему несчастны и уйдут из жизни плохо. Я один из них, но когда я приехал, то ещё не знал об этом.

Спору нет, я отдам свою душу не по-людски.

Я продал квартиру своей тётчи для того чтобы оплатить услуги рекрутингового агентства «Wide Gates International». Агентство устроило меня на грибную ферму.

В России квартира это ВСЁ. Это предел мечтаний, это вершина стремлений. Это больше чем дом в Ирландии. Если у тебя есть квартира — ты человек! Если у тебя есть свои законные 33 квадратных метра — комната, которая заменяет гостиную, спальную и столовую, ты можешь завести пять детей. Или шесть. Наследников! Да, все будут ютиться в одной комнате — но зато, она твоя!

В детстве я приезжал в гости к тётке. У тети была наследственность, как у всей родни. Ей было хуже, чем другим. Её жалко.

Когда ей было восемнадцать, в морозный день она шла из одной деревни в другую, и на узкой тропинке между двухметровыми сугробами, путь ей перегородили два ублюдка. Эти двадцати летние мерзавцы только что освободились из мест

заклечения, и искали приключений, они искали, где бы проявить своё криминальное сознание. Они повалили её в снег, по очереди насиловали её, а она беспомощно взмахивала подрезанными крыльями, отпечатывая снежных ангелов.

Эти монстры бросили её замерзать в снегу, надеясь, что весной, когда сойдёт снег, её несчастное тело будет съедено собаками, и это жестокое преступление останется безнаказанным. Чудом, проходящий почтальон заметил следы борьбы, окоченевшую девушку и оттащил её к себе в дом. Много замёрзших тел находят в морозной России в течение зимы. Милиционеры называют такие тела ласково: «Подснежники».

Натёртая самогоном, отогретая чаем с мёдом, девушка вернулась к жизни, но как впоследствии оказалось, она отморозила себе всё то, что приносит наследников. Тётя осталась бездетна. Она осталась без своего продолжения.

Моя тётя само воплощение доброты и любви, она была рождена для того чтобы стать матерью, но доктор вынес свой удручающий вердикт — она никогда не сможет дать росток новой жизни. Это ужасно.

Она молила Бога наградить её радостью материнства, чтобы получить эту желанную несвободу — жить в постоянной заботе о ребёнке. Он увидел её страсть к самопожертвованию и сделал её настоящей матерью. Бывают матери родные, но она стала **НАСТОЯЩЕЙ** матерью для всех своих многочисленных племянников и племянниц.

Тётя бесконечно хотела жить. В коммунальной квартире, где она жила в одной из комнат, пахло жизнью. Пахло концентратом жизни. Этим запахом можно было удобрять сады и огороды. Чем больше в этом коммунальном жильё поселялось жильцов, тем меньше им хотелось жить коммуной.

Три десятка параллельно существующих, смердящих жизнью и страстью взрослых особей, полтора десятка обсиканных и обкаканных недорослей. Общественное место, регулярно убираемое, но, несмотря на это, несущее неистребимую гамму всех созданных природой органических запахов. Кухня, на которой одновременно готовилась дюжина специфических ужинов из странных продуктов с недоказанной свежестью. И подвал, вход в который, вёл прямо с главного лестничного пролёта. Подвал. Это кладбищенский запах гнилой картошки, поедаемой вечными спутниками человеческой жизни — крысами.

Мне не хотелось жить в таких условиях. Я продал квартиру тёщи, чтобы в Ирландии заработать на свою.

Извлекаю из конверта свой любимый винил. И, как Бандерлог, очарованный голосом Питона Каа, тону в гипнозе

мистического голоса Пола Ди'Анно^[1].

Unchain the colours before my eyes,
Yesterday's sorrows, tomorrow's white lies.
Scan the horizon, the clouds take me higher,
I shall return from out of fire.

Завтра меня уже не будет. Либо я сгорю. Либо я вырвусь из
огня.

Налево, направо, вперед и назад бескрайнее поле. Или болото. Торфяное болотистое поле. Это как пустыня. Общее с пустыней то, что вокруг никого нет. Только я и Владимир — мой напарник, мой товарищ по приключению.

Вот тебе и Ирландия!

Как мы оказались тут? Загадка...

Хотим ли мы работать на этом поле? Никто не поинтересовался...

Что нас здесь ждёт? Никто нам ничего не объяснял...

Ладно, потерпим, подождём, если покормят, значит, надежда есть. Во всём неизвестность, непредсказуемость, тайна, словно это всё игра в «Казаки–разбойники», а не наше финансовое взросление, благополучие к которому мы стремились.

Только вчера, в Москве, я наслаждался прогулкой к Красной площади от шумной Театральной площади, на которой любители Большого Театра и Малого академического снуют в поисках лишнего билетика. И вот, сегодня я утопаю в нетронутых цивилизацией травах. Да, пожалуй, кажется, что, я нахожусь в травах и мхах нетронутых даже эволюцией.

Ни деревца, ни холмика. Один сплошной вереск, цветущий нежными сиреневыми цветочками и не единой души вокруг, но разница с пустыней глобальна!

Разница в том, что в 4 часа нас отсюда заберут. На новеньком АУДИ А8. В Москве на таких авто представительского класса ездят руководители нефтегазовых холдингов.

Шон простой фермер. У него две сотни дойных коров и тщедушные торфоразработки. Он везёт нас с поля, и машина царапает брюхом асфальт. Точнее его неровности. Чересчур низкая посадка. Создано в Германии. Для немецких дорог.

Шон открывает окошко.

— Жарко, — говорит он, — не правда ли?

На переднем пассажирском сидении трое его детей. Разумеется, троих одним ремнем ни пристегнуть никак. Двое сжимают в руках младшего, годовалого. Малыш высовывается в раскрытое окошко. Жарко!

Я поёживаюсь от сырого ветра, врывающегося в салон. Чтобы ещё такое одеть на себя, чтобы немного согреться? Понятно, что август это ещё пока лето. Но за окном, как оказалось, не Майорка, чтобы вот так испытывать нас на термостойчивость.

Шон купил по дороге двухлитровые канистры. Чудесные канистры, которые могут пригодиться для чего угодно, под любые жидкости. В канистрах молоко.

Я выражаю недоумение:

— А зачем ты купил молоко? Ведь, у тебя самого двести молочных коров.

— Так ведь, моё молоко НЕ ПАСТЕРИЗОВАННОЕ, — искренне, в свою очередь, удивляется Шон.

— Получается, ты купил молоко у самого себя?

— Я поддерживаю местных производителей!

Гостиница «Lake View». Отель с видом на озеро. Я минуты три тщательно вытираю непыльные свои ботинки и потом осторожно ступаю на богатые ковры отеля. Как сделать так чтобы ничего тут не испачкать? Роскошь во всём. Странно, что кроме меня и Владимира этому никто не удивляется.

Каждый вечер нас — работников торфяного болота, ожидает ужин на белых скатертях в ресторане! Блюда подаются на кончиках пальцев, официант, в вечном прогибе. Официант! Он же хозяин отеля и ресторана! Возможно ли это?

Каждый вечер новое блюдо. Новый десерт. Я такого не видел даже по телевизору. Сидим слегка прибалдевшие, окосевшие. Английские слова в голову не лезут.

— Эй, Роджер!

— ????? Я не Роджер, я, Джерард.

— Чёрт! Джерард! Сколько это будет нам стоить?

— Не переживайте, Шон все устроит.

Шон вваливается в резиновых сапогах. На сапогах зелёные клочья навоза. Коровье говно. По ковру ресторана. На лице полная невозможность.

Шон — волшебник. Он достал скомканный блокнотик.

Закудрявливающиеся, сальные листки. Что-то кривенько нацарапал в нём шариковой ручкой. Протянул мятый листок Джерарду. Тот вынул из кассового аппарата кучу банкнот. Эти деньги будут мои и Владимира. В обмен на бумажку, не вызывающую никакого доверия. Обыкновенный банковский чек.

Джерард — душка!

— Парни. Утром мне охота поспать. Вы сами спускайтесь на кухню ресторана. Вот холодильник. Там сухие завтраки. Молоко. Чай. Кофе. Апельсиновый сок. Джем. Масло. Тосты сделаете сами. Угощайтесь, берите сами, что хотите.

Володя ест за троих. Шикарный ресторан и мы. Никто нас не видит, никто не пасёт. Крысы на кухне! КАК удержаться в рамках приличий??? Вседозволенность??? Доверие... Не может такого быть, тут ведь капитализм!!!

Над полем облака, как дирижабли во время второй мировой. На поле я, Владимир и два латыша. Ажолас и Гедриас. Мы складываем кубики нарезанного торфа в пирамидки. Зачем? Чтобы просыхал. Как это возможно, если дождь через каждые 15 минут? Можно часы проверить.

Обычные часы показывают насколько мы опаздываем, солнечные указывают время сиесты, песочные часы говорят о том, что время убегает — оно скоротечно. В Ирландии стоит изобрести дождевые часы. Это будут самые лучшие часы — по мере их наполнения дождевой водой, можно будет судить о росте нашего благосостояния.

Ажолас очень гордится своей нацией.

— Мы латыши очень мужественные. У нас сильная армия. Если будет война с Россией, мы победим!

Есть ли смысл подвергать его слова сомнению? Ведь для победы главное вера. Ну, а у Ажоласа с этим всё в порядке. У него есть вера. Точнее — безумная вера.

— Вчера пролетал спортивный самолёт, фанерный, знаете такой? — с издевательской ухмылкой на лице, продолжал Ажолас. — Так вот один ирландец посмотрел в небо и с гордостью сказал: «Это военный!» Представляете? Я вам вот что скажу, если ирландцы нападут на Латвию, то мы Ирландию, точно победим, если тут такие военные самолёты!

Гедриас решил поддержать разговор:

— Вы знаете, парни, мы тут уже три месяца и я понял, что ирландцы тупые!

— Извини, — возражаю я решительно, — по-моему, ты совершенно не прав. Ты, только, посмотри вокруг. Погляди на постройки, на образ жизни ирландцев. Во всём заметна продуманность решений, во всём присутствует здравый смысл.

— Да, какой к чёрту, смысл, они, даже по-английски ни говорить толком не могут и понимают ничего. Я в баре говорю: «Подайте Виски», а бармен не понимает, пожимает печами и ни черта не понимает. «Виски», говорю ему: «Виски!» — «Ах, Уиски!!!» — Я говорю: «Дайте пшеничного хлеба», А продавец в магазине, ну придурок, говорит: «Хлеб из марихуаны?» В другом магазине ищу тапочки, а они мне: «Вам нужны шпалы??? Это не у нас, мы торгуем только одеждой».^[2]

— Они, вообще, не понимают по-английски! — восклицает Гедриас.

— Может быть, ты говоришь не правильно, видимо у тебя

неверное произношение, ты не допускаешь этого? — осторожно интересуюсь я.

— У тебя произношение хорошее, — со злостью отражает мои сомнения, Гедриас, — ты только приехал, а уже учить меня вздумал. Ты посмотри на их раковины! Зачем на них два крана и ни одного смесителя?

— Это, просто дань традиции, — объясняю я, — я это ещё в школе проходил, такая старинная традиция.

— Какая, в жопу, традиция, — смеётся Ажолас, — сначала руки обжигать горячей водой, потом их охлаждать в холодной? Это самоистязание, и происходит оно от недостатка ума!

— Если ты, Ажолас, такой умный, то почему тогда ты на ирландцев работаешь, а не они на тебя?

— Будут, скоро будут! — радостно рассмеялся Ажолас. — Скоро тут будет управлять латышская мафия. Скоро Ирландию вообще переименуют в «Ирландскую Область Республики Латвия».

— Ты, Ажолас, гонишь, ты сам прекрасно понимаешь, что всё это бредни. И вот, что, я скажу тебе правду. Тот, кто даёт тебе работу, тот делится с тобой своим куском хлеба. И ты должен уважать это. Ирландцы дают тебе работу. Ты живешь в их доме, так что, уж постарайся стать достойным соотечественником для своего соседа. Ты не должен различать ни англичан, ни эстонцев никого, мы все здесь гости, и мы должны быть гостями достойными уважения.

От такого нервного разговора я меня начала зудеть экзема. Я чешу свои болячки. Кожа на тыльной стороне кистей растрескалась до крови. Гедриас интересуется:

— Что это?

— Так, — говорю, — не обращай внимания, аллергия.

— О, знакомая тема, у меня тоже аллергия. На ирландцев!!! Каждый день кроме пятницы. По пятницам я получаю свой чек. В пятницу аллергии нет!

Кощунство! Высокомерие и пренебрежительная надменность. От слов Гедриаса мне стало дурно. В его юморе не было ни добра, ни зла. Это юмор больного воображения.

— Я вот, что тебе скажу, — добавляет Ажолас, — у меня тоже на них аллергия. Раньше у меня была аллергия на русский язык, когда нам его преподавали в школе. Теперь у меня аллергия на ирландцев.

— Так, что ты отсюда не уедешь в таком случае? Уезжай домой, там у тебя не будет никакой аллергии. Вали отсюда! — в сердцах кричит, Володя.

— А зачем? Я же говорю, что ирландцы тупые, значит, их

можно доить! Ха-ха-ха! — Ажолас и Гедриас валялись по траве и хохотали до слёз. — Смотри сам, у меня есть брат, — продолжал Ажолас. — Он кладёт кафельную плитку, зарабатывает, во! — показывает Ажолас жестом подняв большой палец правой руки. — По вечерам он развозит пиццу, и кроме того, получает пособие по безработице!

— Точно, сумасшедшие деньги, — добавляет Гедриас.

— Кроме того, он приехал в феврале, подал документы на детское пособие, а в документах показал, что приехал в июле, и он получил на халяву больше двух кусков задним числом! Просто так! А ты говоришь, езжай домой!

— Я вот работаю на пекарне. А сюда на поле прихожу выпасться. Никто нас тут не контролирует!!! Посплю вволю, потом сделаю вид, что что-то сделал, и вечером нас увезут домой. Мы спим, а денежки идут! — И Гедриас снова растянулся в довольной улыбке.

— Гениально! Не работа, а мечта просто, — переглядываюсь я с Володей с пониманием темы. — Раз тебя взяли работать на пекарню, то, ты, видимо, пироги умеешь печь?

— Я ноги хорошо умею ломать! — смеётся Гедриас. — Только за это мне не платят.

Я не мог продолжать этот разговор. Совершенно очевидно, что мои собеседники, готовы совершать любой поступок ради денег. Видно было, что они готовы очернить кого угодно ради смеха, и они недвусмысленно давали понять, что намерены унижать любого ради собственного удовольствия, ради выпячивания собственного «Я».

Жалкие и мерзкие парни, даже не понимали, что унижая других, они не смогут возвысить себя, а они хотели именно этого. Они хотели возвыситься в моих глазах и глазах Володи. Этот отвратительный трёп нужно было заканчивать, и я сказал им:

— Ваше хамское мнение, мне не интересно. Если вы такие умные и смелые, так скажите это всё самим ирландцам.

Такой у меня характер. Я вижу нечестность и говорю правду в глаза. Мне всегда советуют: «Попридержи язык. Будь осторожен, думай, о чём говоришь». Но я не боюсь сказать подлецу, о том, что он подлец, лентяю, что он лентяй.

Я такой в отца. Пожалуй, это наследственное по мужской линии. Во мне такое намешано!

Прадед был судьёй. Рыцарь без страха и упрёка. Он отправлял преступников на смертную казнь.

Дед был священник, он прощал грехи от имени Бога.

Отец офицер военных сил специального назначения. Он всегда лезет в драку. Лезет в драку ради справедливости.

Помогать слабым, разнимать, наказывать бузотёров. Мой отец боец от Бога. Он хватает двух хулиганов за загривки, сшибает их лбами, и они валятся с ног, как от удара электрошока. Все милиционеры здороваются с ним за руку. Они знают, если мой отец на их участке, то за общественный порядок можно не беспокоиться! Мой отец, само воплощение справедливости.

Я весь в отца.

Я весь в мать.

Моя мама очень добра. Я впитал доброту с молоком матери.

Я, само сочувствие. Поэтому я, никогда не смог бы быть, скажем, футболистом. Потому что, если бы моя команда выигрывала, то я бы стал подыгрывать слабой команде, так как мне было бы их жалко. С другой стороны, я остро переживаю неудачи. Если бы из-за меня моя команда проиграла, я бы сгорел от стыда.

Я не люблю соревнования. В соревнованиях каждый доказывает, что он лучший. Он готов доказывать своё совершенство до конца, до крови. Спортивные соревнования, придуманы, как альтернатива войне. Их цель победить соперников гуманным способом. Это азарт, весёлый дух состязаний, радость победы. Но для проигравшего, это горечь проигрыша, а порой и обида и унижение. Как избежать этого?

Война лучше, чем спорт. Война лучше, потому что она честнее. Или ты вернулся с победой, или погиб на фронте. В войне у тебя есть шанс избежать позора. Война честнее, потому что там не проверяют на допинг, в войне не бывает фальстарта, в войне не бывает равного счёта и глупых пенальти в конце матча, которые не имеют со спортом ничего общего, а больше напоминают рулетку.

На войне у тебя есть шанс погибнуть героически, а в спорте, ты оправдываешься в «Твиттере», как ребёнок, который разбил чашку, и вся нация скорбит о том, что твоя неудача, это её неудача. В боксе ценны бойцы, которые умеют держать удар, а в спорте вообще, важно уметь держать удар поражения, удар позора, потому что выигрывает-то, в любом случае ТОЛЬКО ОДИН, а остальные остаются проигравшими. Только один будет первой ракеткой, а остальные числятся под номерами в списке десятков неудачников.

По дороге в отель завезли латышей домой. Я не хотел побеждать их в том споре, более того, моё поражение было бы оскорбительным. Просто, само соревнование с ними, было бы для меня позором, и потому, я предпочёл сдерживать свои эмоции чистыми руками.

Вечер был испорчен. Аппетита не было.

Я испытываю культурный шок.

Латыши жили в домике, стоящем посреди поля. Я зашел внутрь. Обнаружил кухню. Кухня — полное совершенство научно-технической и дизайнерской мысли. Безукоризненная красота и, по всей видимости, невероятный комфорт. Туалет с УНИТАЗОМ!!! Ванная комната. ДУШ С ГОРЯЧЕЙ ВОДОЙ!!! Как все это возможно посреди поля?

Нет, это не культурный шок... это полная победа над моим неподготовленным сознанием. Я повержен. Я потерял дар речи. Остались вопросы без ответов. Как все это возможно в этом поле? Откуда берется вода, горячая вода, куда уходит канализация?

Культурный шок я начал испытывать с момента встречи с офицером паспортного контроля. «Добро пожаловать в Ирландию!!!» Для того чтобы получать от этих слов наслаждение, видимо, просто необходимо испытать на собственной шкуре весь неисчерпаемый груз чиновничьего давления. В России оно, как атмосферное давление — действует повсюду и всегда. И то и другое — закон природы. И никто и никогда его не отменит.

Девушка из нашей группы потеряла кошелек с паспортом и всеми наличными деньгами, что были припасены ею, на первое время пребывания в новой стране. Кто знает, вдруг ты останешься без работы, какое неожиданное дерьмо преподнесет многообещающее и маловыполняющее рекрутинговое агентство?

Пропажу обнаружила через час по пути следования из Дублинского аэропорта. Вернулись назад. Все деньги до цента вручил офицер полиции. Культурный шок!

Бог мой! Какая красота вокруг! Микроавтобус несет нас по дорогам, вдоль которых цветут многокилометровые цветочные клумбы. Культурный шок!

Охапки цветов свешиваются с подоконников, поражая щедростью цвета и размерами. Висящие на цепочках корзины с цветами создают впечатление рая воплощённого на уютных улочках маленьких городов. Милые и ухоженные дома и дворы, словно, иллюстрация книг для детей — всё аккуратно, ничего лишнего, всё наполнено любовью, радостью и оптимизмом. Культурный шок!

«Помертвело чисто поле» — это строка из русского стихотворения. В Ирландии поле не мертвеет. Вечнозелёная трава, наверное, самая зелёная из всех зелёных. Голубое небо, я уверен, самое голубое на всём белом свете. А в дождливые дни, налитые до краёв, сочные, спелые облака, как груди женщины,

проносятся над головами, цепляя за макушки своими сосцами, словно дразнясь. Нет, ни в одной стране мира, нет таких сексуально привлекательных облаков.

Возможно, существует рай и ад. Возможно, существует адский огонь, в котором горят грешники. Только у меня другое мнение. Облака на небе это, неспроста, в этом есть фундаментальный смысл. Облака, это вместилища душ. А когда они переполняются грешными душами, превращаясь в тучи, тогда-то небесные силы и пытаются смыть эти грехи проливными дождями. Поэтому, ирландскому небу досталась очень ответственная роль, ирландское небо, это чистилище.

Я замечаю изучающие нас, взгляды местных женщин, на улице маленького городка, где мы остановились. Эти женщины по-особенному красивы.

Красота русских женщин притягивает своей незатейливой простотой, открытостью взгляда, детской непосредственностью. В их миловидности можно увидеть широкий простор полей, чистоту родников, искрящуюся снежную зиму.

Красота ирландских женщин притягивает своей непостижимой загадкой, средневековой мистикой, контрастом удивительных черт внешности. Утончённость их внешнего облика сверхъестественно очаровывает и даже гипнотизирует. В очаровании ирландок можно увидеть аромат лесных трав, глубину многочисленных озёр, и как бусины, нанизанные на крепкую нить — героические страницы истории всего народа.

Ловлю себя на мысли, что ирландский мужчина, попав на улицы русских городов, подумает точно так же, но с противоположным смыслом. В русских женщинах он увидит непостижимую загадку, средневековую мистику, контраст удивительных черт внешности. В родных его сердцу ирландках он вспомнит незатейливую простоту, открытость взгляда и детскую непосредственность.

Радуга — вот оно самое стоящее ирландское чудо. Это явление природы достойно того, чтобы стать национальным символом. Поезжайте на любой край света, но вы не отыщете таких ярких и насыщенных красками радуг, не найдете таких высоченных и широченных радуг нигде. Если бы ирландские ученые научились экспортировать радугу в другие страны, в мире было бы гораздо больше добра и хорошего настроения.

Маленький городок, маленький магазинчик. Полки, полки, полки полны продуктов и сопутствующих товаров. Немыслимое изобилие, словно сошедшее с картинок, пропагандирующих наступающую победу коммунизма. Культурный шок. Две недели тому назад в родном городе я лицезрел голые полки. Любой

магазин в шутку так и назывался — эротический магазин, в котором можно видеть лишь только голые полки.

Позднее, через два года проживания в Ирландии, я оказался в Бланчардстауне — огромном комплексе магазинов. Я почувствовал себя, словно я, человек из пещерного века. Я — австралопитек. Я лесное чудо, оказавшееся в современном городе. Не пускайте меня сюда, никогда не пускайте! Это пагубно влияет на моё сознание. Тут продаётся столько всего, такое разнообразие и при этом, всё так недорого. Мне хочется скупить всё и раздарить своим братьям и сёстрам, которые никогда такого не видели и не смогут увидеть.

Как жаль, что они не могут это увидеть. Какое счастье, что они этого никогда не увидят.

Заехали к Шону. Дом в поле, между коровником, сеновалом и силосохранилищем. Все внутри отделано кафелем, ценными породами дерева. Стиральная машина. Кофеварка Компьютер и Интернет!!! Это сон! Такого не может быть! Словно волшебник все этой сделал своей магией. Ирландцы — великая нация. Маленький народ, но трудолюбивый, так что даже простой фермер, живет в условиях созданных, как по волшебству. Ирландцы — добрые волшебники!

Едем по дороге, и, о чудо! Вся дорога светится в темноте маленькими яркими огоньками. Шон замечает моё недоумение и с охотой поясняет:

— Это «Кошачий глаз». Всего-навсего отражатель света фар машины. Так просто, не правда ли? А, кажется, будто это горят тысячи лампочек!

Я не понимаю — как это возможно? Какая-то сельская дорога! И на ней «кошачьи глаза», это абсолютная безопасность, нужно быть слепым, чтобы на этой дороге совершить аварию.

Какое счастье родиться в стране, в которой думают о безопасности!

Какое счастье родиться в стране, в которой заботятся о людях!

Какое счастье родиться в стране, в которой каждый индивидуум охраняется законом!

Какое счастье родиться в Ирландии!

Я приехал из страны, которая запускает в космос ракеты. Из страны, которая погружает в пучину моря подводные лодки с ядерными боеголовками. Из страны, в которой движущиеся танки, на скорости шестьдесят километров в час по пересечённой местности, стреляют точнее, чем я попаду в кончик носа своим указательным пальцем. Я приехал из страны, в которой унитаз полагается только избранным...

Почему в моей родной стране такое нецивилизованное отношение к туалетам? Конечно, нельзя судить об уровне культуры народа, взяв за ориентир балет и общественные туалеты. Их невозможно подвести под общий знаменатель, чтобы вывести какой-то средний показатель.

Когда ирландский фермер вносит органические удобрения на поля, попросту говоря навоз, то запах стоит специфический. Вот это и есть типичный запах общественного туалета в России. Без прикрас.

Когда мне было пять лет, я посещал детский сад. Унитазы у нас были. Однако на них не было сидений. Нужно было садиться на холодный, неопрятный фаянс для того чтобы справить нужду. За три года в саду, я ни разу не присел на тот унитаз.

Однажды, я просто обкакался. Я долго терпел, мучился, сжимал ягодичы, но это случилось. Я не мог пойти и сесть на противный лёд унитаза. Это было против моих моральных сил. Я предпочёл обкакаться.

Я ходил по садику и вонял. Какашка лежала в моих трусиках, твердела и воняла. Ребятишки спрашивали меня: «Ты пукнул?» — А я крутил головой, оглядывался, делая вид, что тоже ищу того, от кого так невыносимо пахнет.

Я не знаю, как с этим справлялись другие дети, как справлялись с этим девочки... Знаю только одно — и по сей день в русских детских садах нет сидений на унитазах. В туалетах русских школ и по сей день нет дверок, для того чтобы маленький человек мог уединиться чтобы покакать без того, чтобы не стесняться чужих взглядов.

Хотя, чему я удивляюсь, в России всё что угодно доводят до крайности, до невозможности. С целью «опролетаривания» всей страны, в 1937 году многих отправляли в ГУЛАГ, также и моего прадедушку и прабабушку вместе с детьми среди ночи выселили из родного дома и отправили туда, откуда никто не возвращался.

Прадедущка был главным судьей в округе. Он был состоятельным человеком. Он был аристократом. Его семья жила

в большом доме, который отобрали коммунисты и он перешёл в государственную собственность. И до сих пор, и в наши дни в половине этого дома располагается центр культуры, а в другой его половине — орган управления местной властью — районная администрация.

Сбежавшая по пути следования в ГУЛАГ и чудом уцелевшая, тогда ещё четырнадцатилетняя девочка, моя бабушка, спустя пол века, водила меня мальчишку по многочисленным кабинетам этого здания и рассказывала: «Вот тут была моя комната, вот тут мы играли, тут спали папа и мама...»

Кто знает, как бы всё сложилось, если бы не этот красный террор. Если бы не эти коммунисты. Если бы не немецкие шпионы.

Все страны и правительства пугали друг друга Русскими Коммунистами. Но, горькая правда в том, что Россия не рассадник коммунизма, а его жертва. В течение многих десятилетий Россию и российского императора называли «Жандарм Европы» за жестокое подавление европейских революций в середине 19-го века. В Европе революционные движения сотрясали, каждое отдельно взятое из княжеств. И тогда, хитрые европейцы решили привить миру вакцину коммунизма. Чтобы не болеть самим, они впрыснули инъекцию в размере десятков миллионов германских марок в Россию и направили в неё своих шпионов, вооруженных идеями Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Россия переболела коммунизмом в легкой форме, всего-то семьдесят лет разрухи и сорок миллионов загубленных жизней — ерунда, по сравнению с мировой историей. Но медицинский опыт показал, что в целом по планете, вакцина коммунизма действует, и будет благоприятно влиять на отдельные сообщества людей ещё долгие годы.

Так вот и получается, что если бы не кайзер Вильгельм II, который оплатил криминальные услуги Ленина в драматических опытах над Россией, я бы мог счастливо жить в одном из самых красивых домов моего родного города, в доме который в наши дни охраняется государством как Памятник архитектуры девятнадцатого века. И я никуда бы не поехал, продав тещины апартаменты размером в 33 квадратных метра.

Джерард не просто душка. Джерард олицетворение широкой души гостеприимного ирландского народа.

Молодцеватый. Рыжеватый. Слегка округловатый и рослый, выглядит богатырем по сравнению с нашими тщедушными фигурками.

Что мы тут наработаем? По сравнению с ним, мы недоразвитые карлики. Наша роль — вдевать нитки в иголки, вот и всё на что мы пригодны с нашей дохлой мускулатурой, с нашими двукратными высшими образованиями.

Джерард посадил нас к себе в машину и повёз по местным достопримечательностям. Круг достопримечательностей сфокусировался вокруг пабов.

В первый раз в своей жизни я увидел, что такое паб. Не НАСТОЯЩИЙ ИРЛАНДСКИЙ ПАБ. А просто паб, потому, что в России их нет.

Люди в России тоже соревнуются в количестве выпитого спиртного. Но происходит это иначе. Там, где обычно в Ирландии собаки справляют малую и большую нужду, в каком-нибудь закутке, в кустах, в подобных местах в России, между коллегами по работе, между друзьями по двору, между мужчинами и женщинами происходит процесс, который в Ирландии называется — социализация.

Джерард угощал нас всеми напитками, которые можно было увидеть на полках пабов. Мы шли из одного в очередной. Из очередного в последующий. Начали в 11 утра в понедельник.

Закончили в 5 утра во вторник.

Это было доказательство от противного. Джерард доказывал, что ирландцы не скупы. Я и Вова пытались доказать, что русские не сдаются и умирают последними. У Джерарда получилось лучше.

Шон заплатил нам по 250 ирландских фунтов! За неделю ничегониделания.

250 фунтов и оплаченное жильё в культурношоковом отеле! И культурношоковая еда!

За неделю 250 фунтов! — 250 фунтов это пять, нет, это шесть месяцев моей работы сотрудником юридического отдела налоговой инспекции!

За неделю я заработал столько, сколько получал за полгода!

250 фунтов и оплаченное жильё в шикарном отеле! И еда!

Господи! Сколько же мы будем зарабатывать в месяц?

Какая, к черту, аллергия?

Джерард показал нам одну местную ферму, на которой выращивают грибы. Какая красота! Ослепляющие своей белизной грибы, словно пена морских волн вздымаются над чёрными полками. Этих грибов множество. Миллион. Словно звёзды на небе они поражают воображение. Они величественны, как звёзды. Они красивы как звёзды. Грибов в одном тоннеле даже больше чем звёзд на небосводе. Точно, грибов больше! Если бы звёзд было столько же, сколько грибов, то наше ночное небо светилось бы ярче, чем днём.

В маленьком городке, в котором проживает триста человек, располагаются пятнадцать пабов. С традициями не поспоришь!

В маленьком городке, в котором проживает триста человек, располагаются два банка! Это, скорее всего - необходимость - ведь чем-то нужно кормить Кельтского Тигра^[3].

В маленьком городке, в котором пятнадцать пабов и два банка нет ни одного полицейского. Участок есть. Полицейских нет.

В один прекрасный день, группа из четырех молодых людей в масках, спокойно вошли в оба офиса обоих банков и беспрепятственно унесли полмиллиона в крупных купюрах. Скрыться без спешки не составило труда.

Ажоласа и Гедриаса распирает гордость. Они не могут скрыть своих чувств, они должны поделиться гордостью за свою нацию:

— Парни, вы слышали об ограблении двух банков одновременно? Так это сделали наши, латышские бандиты!!!

Я тоже не мог долго скрывать того, что услышал. Я позвонил в полицию и в свою очередь поделился информацией. На следующий день бандитов задержали со всеми деньгами.

— Ты знаешь, как скоро будет называться Ирландия?

— Как? — недоумеваю я.

— Она будет разделена на три части: «Латвийская Республика Ирландии», «Литовская Республика Ирландии», и «Польская Республика Ирландии».

Я смотрю на Ажоласа и Гедриаса. Я смотрю на их беспринципное хамское поведение, на выпячивание собственного эго, которое стремится к бесконечности. Их второе «Я», это бесконтрольный ум, который осуждает и критикует, это мнимость, плод их воображения, который, по сути, является обыкновенным эгоизмом.

Я смотрю на их наплевательское отношение к местным устоям и к тем добрым людям, что пригласили к себе на заработки. Я смотрю на них и с ужасом понимаю, что пройдёт совсем немного времени и аллергия появится у ирландцев. Аллергия на иностранцев, аллергия на дешёвых непрофессиональных работников, аллергия на наступающую диктатуру жестокого восточно-европейского пролетариата.

Загадочным образом мы оказались работниками торфяного поля, таким же таинственным образом, рано утром, нас забрал из отеля Брайен и повёз по узким и извилистым дорогам в неизвестном направлении.

Брайен лично приезжал в Москву, и проводил с нами собеседование. Он живо интересовался нашей физической формой, просил показать меня мои руки и, увидев мозоли, радостно воскликнул: «Гуд Мен!». Тогда это означало, возможное изменение моей судьбы. А сейчас мы сидели на заднем сидении его автомобиля и с гнетущим волнением ощущали свою схожесть с заложниками, попавшими в руки террористов.

— Брайен, а куда мы едем?

— Увидите, — с неохотой отвечает он.

— А что мы будем делать?

— Вам всё скажут на месте! — заметно раздражается Брайен.

Я чувствовал подвох, но не знал, с какой стороны подкрадётся неожиданность. Она не заставила себя ждать.

К нашему приезду подготовились. Мне и Владимиру купили дом!!! Дом на колесах. Вагончик. Консервная банка с имитацией внутреннего богатого убранства.

Только приехали. Нам предложили кофе. Дешёвый быстрорастворимый суррогат. Улыбки. Заискивания. Расшаркивания ножкой. Он Падди. Она Ашлин. Он фермер, на которого мы будем работать. Она — генератор стратегии, она — тактик лукаво управляющий делами.

Я интересуюсь:

— Каким образом, мы оказались у вас?

— Ой, очень просто. Брайен приехал к нам, разложил фотографии по столу, знаете, как колоду карт. Я взглянула, увидела твои глаза, и сказала сразу, что мы берём вот этого. Такие честные и добрые глаза!

У самого Брайена в глазах Копперфильдовская магия^[4].

— Парни, у Падди 300 овец и 10 туннелей с грибами, так что скучать вам не придётся. Домой уедете с большими деньгами!!! Чего тут рассиживать? Вперёд осматривать хозяйство!

Сдал. Принял. Подпись. Печать. Деньги на банковском счету. «Товар» уже с лопатами в руках, осматривает хозяйство не в теории, а на самой, что ни на есть практике. За столом сидели? Кофе пили? А теперь, потрудитесь-ка разгрузить пять тонн торфа. Разгрузить и рассыпать ровным слоем по полкам с компостом.

Когда, под вечер, наконец, оказались в нашем домике, я скрючившись попытался уснуть. Кроватка была детская. Короткая и узкая. Детская кроватка в комнатке размером с жилище Винни-Пуха.

Проснувшись, Владимир разорался, распугивая овец, деловито пасущихся под окнами вагончика.

— Безобразие! Что я им, бомжара с помойки? — Володя кричит с омерзением, — ты погляди на эту простыню! — простыня его была не свежей.

Мне показалось, что как будто бы она была стираной. НО! Несвежесть выражалась в трех заштопанных дырах огромного размера и многочисленных обширных пятнах, похожих на запекшуюся кровь. Видимо, старая краска.

— Возмутительно! За кого они нас принимают? Это что, это рабство такое, или нас испытывают, как принцессу на горошине, за тех ли мы себя выдаём?

Владимир окончил Московский Государственный Университет. Это русский Гарвард^[5]. Он гениальный химик. Он знает, как из дерьма извлечь золото, или как из двух пачек стирального порошка изготовить бомбу в домашних условиях. За каким хреном он приехал на грибную ферму?

А за каким хреном я? Я тоже окончил МГУ. Я не гениальный, но тоже себе, юрист со стажем и опытом работы на руководящей должности. Каждый день ко мне приходили сотрудники за советом. Стучались в дверь при входе, склоняли голову в приветствии, жали руку и выражали глубокое уважение.

— Саша, как мы оказались тут? — с обалдевшим взглядом Володя спрашивает, хотя сам понимает, что не хочет слышать шокирующего ответа, — Загадка?

— Загадка, Володя, да ещё какая загадка. Почему мы выбрали

именно это место проживания и работы, никто нас не спрашивал, не так ли? Хотим ли мы работать здесь? Никто не поинтересовался. Что нас здесь ждёт? Никто нам ничего не объяснял.

— Всё так Саня, и контракт нам с тобой никакой не предложили. Разве можно так работать, без подписанного контракта?

— Ты слышал, что сказала Ашлин? «Брайен разложил фотки, как колоду карт. Она посмотрела и сказала: «мы берём вот этого»». Она сделала свой выбор в купле-продаже. Нас взяли, выбрав по фоткам, без контракта. Если ты учил Истрию древних миров и средневековья, ты знаешь, как это называется...

Мы сидим друг напротив друга. Точнее враг напротив врага. Мы ненавидим друг друга. Мы ненавидим самих себя. Мы ненавидим рабов в нас самих. Мы ненавидим друг в друге измену идеалам и родине. Мы ненавидим Падди и Ашлин, хотя к этой мысли мы ещё не пришли.

Привет мой дорогой, Александр. Так здорово получать от тебя письма, и слушать твой родной голос. Я надеюсь, что ты не сильно скучаешь по нам.

Не переживай, у нас всё хорошо. Девочки, слава Богу, выздоровели (помнишь, они сильно кашляли). Анастасия по-прежнему пропадает на улице, кушать бежит к твоим родителям. Я её практически не вижу. Постоянно ругается с твоей сестрой Леной, та её всё время воспитывает. На свою голову, я как-то сказала Насте, что у Лены нет своего ребёнка, вот, она и воспитывает тебя. Теперь Настя говорит ей: «Роди себе ребёнка и учи его жизни», на что Лена сильно обижается.

Ты помнишь мою подругу Таню, та, что уехала в Америку? Она приехала на две недели к своим родителям.

В воскресенье все вместе ходили в парк культуры и отдыха. Сначала поели мороженое, потом пошли делать фото у памятника космонавту Гагарину, затем на карусели. Дети весело бегали и играли по пути к парку.

В парке, Таня, накупила много билетов на аттракционы. Чтобы не казаться совсем бедной, я тоже купила два билета для Саши и покатала её сначала на кораблике, затем на машинках. Ей очень понравилось и она теперь каждый день вспоминает об этом с восторгом.

Каждый день мы гуляем по два — три часа. Сидим в песочнице, ходим по мосту, гуляем около детских садов. Проходя мимо них, Саша стучит себя кулаком в грудь и

говорит: «Саша, Саша», то есть, она тоже скоро пойдет в садик. Боюсь только, что я не смогу позволить нам это дорогое удовольствие — посещать детский садик.

Каждый день Саша вспоминает о тебе. Когда кто-то звонит в дверь она бежит к ней и говорит: «Папа, папа». Я говорю, что ты на работе и стараюсь её отвлечь...

Знаешь, какой я купила кофе? С ирландским ликёром! Он пахнет замечательно и необычно. Может быть, когда-нибудь, и я попробую настоящий Ирландский ликёр?

Мама подарила мне на день рождения немного денег, на которые я купила себе синие вельветовые джинсы, они были дешевле. Зато сидят они на мне замечательно, но... теперь я раскаиваюсь и думаю о том, что надо было бы купить туфли Анастасии, а не джинсы для себя. Те туфли, что были у неё, замшевые, совсем порвались. Придётся снова занять денег у мамы, а то нашей дочке не в чем будет ходить.

Вчера приходила Таня. Принесла кучу подарков, обернутых подарочной бумагой. Это так красиво, я никогда не видела настоящей подарочной обёрточной бумаги. Таня велела открыть их только на Рождество. Не знаю, хватит ли терпения их не открыть?

Я, в свою очередь в долгу не осталась и подарила ей коробочку конфет «Трюфели» и ещё конфеты с водкой для её мужа Рона. Ты знаешь, она даже расплакалась при этом и стала мне ещё ближе и родней.

Крепко тебя обнимаем и целуем.

Пока, My beloved husband. Your wife and two beautiful daughters.

Офицер местного участка полиции поставил нам печати в паспорт. «Владелец этого паспорта не имеет права менять работу».

Всё! Мышеловка захлопнулась!

— Я же говорил, что это рабство! — на осунувшемся, за три недели, лице Владимира скулы стали ещё более азиатскими, нос стал ещё более вороньим, а глаза сверкали, таким пронзительным кавказским огнем, что одном домике с ним мне стало неуютно и беспокойно за собственную безопасность.

Я почувствовал себя Дюймовочкой. Я почувствовал себя маленькой девочкой из сказки Ганса Христиана Андерсена, когда её выдавали замуж за крота, она вышла наружу из норки, чтобы попрощаться с солнцем навсегда. Я такой же маленький и беззащитный. И работая в тоннеле собирая грибы, я никогда не увижу солнце.

Хотя нет. Я, пожалуй, крот. Да-да, я провожу сутки напролёт в темноте. Я роюсь в земле. Мои глаза боятся света. Они отвыкли от света. Очень выгодно иметь такого крота, как я — когда я умру, меня не нужно будет хоронить. Я так и останусь под толстым слоем компоста и торфа.

Крот. Раб ли он той земли, в которой он роется? Нет, это просто его образ жизни. Господи! Неужели это теперь будет мой образ жизни? Да, мышеловка захлопнулась. Я копаюсь в земле, и

это мой образ жизни. Неужели вслед за моим образом жизни изменится и мой образ мыслей?

Не прошло и недели на нас пришли смотреть. Как в зоопарк.

Родственники Падди и Ашлин смотрят на нас, как дети глядят на живого слона в первый раз в жизни.

— Откуда ты, Александр?

— Из России.

— А откуда из России? — спрашивают таким тоном, как может спросить земляк, так чтобы потом воскликнуть: «Ба! Так мы почти что, с соседней улицы!»

— Из Марий Эл, — отвечаю я машинально.

— А где это?

Тут я осознаю, что Российская география, это предмет чрезвычайно обширный, и потому я сужаю диапазон дислокации моей родины, до понятий, по возможности, максимально известных.

— Это располагается на реке Волге, — отвечаю я, с уверенностью, что на этом картография окончена, уж Волгу то, все знают!

— А где это?

Тут я осознаю, что я тоже, до приезда в Ирландию, ничего не знал о реке Шеннон, так что, с какой наглостью я рассчитываю, услышать, что-то иное, кроме вопросов?

— Это далеко от Тайги?

— Точно! — радуюсь я неожиданному повороту, — Это как раз примерно на границе Москвы с Тайгой, всего тысяча километров от Красной Площади.

— Ты не очень-то похож на русского.

— Так, в принципе, каждый русский, на одну пятую не похож на русского. Я не похож на русского, на все четыре пятых. Наследие Чингисхана.

— А балалайка у тебя есть?

Я их разочаровал. Балалайки у меня не было. Так что мне со своими азиатскими раскосыми глазами следовало говорить, что я из Непала, и никто бы не испытывал на мне свою любознательность.

— Послушай, — не унимался Майкл, брат Падди, — Ну, ты наверняка можешь танцевать танец Казака? — и он присел, пытаясь изобразить, чтобы я сразу понял.

— Нет, — пряча раздражение, отвечаю я.

— Он, наверное, может танцевать как матрёшка, — робко предложила сестра Падди Мери, которой тоже было интересно поглядеть на меня со всех сторон. Она сложила левую руку на груди, а правой подперла подбородок, покачивая головой и

показано улыбаясь.

— Нет, я не танцую, — ответил я, усугубляя их разочарование.

— Всё, пойдём, пойдём, — с огорчением засуетилась Мери.

— Постой, ты, главное скажи. Это правда, что на завтрак вы пьёте водку? — и Майкл открыл в удивлении рот, не дождавшись ответа.

— Да, пьём! — поддержал эту нелепость я, — это у нас так и называется: «Полный Русский Завтрак». стакан водки и миска икры. Едим, исключительно, деревянными ложками. А овсянка у нас не на молоке, а на пиве, чтобы дети легче к водке привыкали!

— Всё очень просто! Я плачу вам за килограммы. Сколько соберёте столько и заработаете. Если будете работать быстро, вы сможете зарабатывать по 20 фунтов в час! Это называется «материальная заинтересованность». Капитализм! — весело улыбнулся Падди, всем своим видом давая понять, что эта схема оплаты настолько совершенна и подходит нам, что отказываться наивно — кто же отказывается от собственной выгоды?

— Всё, как будто бы, по-справедливому раскладывает. И глаза такие при этом честные-честные, добрые-добрые, — комментирует Володя.

— Если вы поливаете грибы, я заплачу вам по часам, по времени, но имейте в виду, вышел попить чаю, скушать бутерброд, время минует! За пять лет вы накопите по пятьдесят тысяч и, вернувшись домой, вы будете самыми богатыми людьми в вашем городе! — Падди прикрывает глаза, и по тому, как бегают зрачки за веками, понятно, что он просчитывает, сколько же он сам накопит за эти пять лет, обманывая нас как детей. — Так, парни. За аренду жилья платить будете мне, я просто буду вычитать из вашей зарплаты, плюс электричество, вода. Вода у нас тоже дорогая.

— А не могли бы вы не брать с нас за вагончик? Ведь это всего маленький ВАГОНЧИК! Я раньше работал в других местах и нам предоставляли такой вагончик бесплатно, — Володя робко пытался протестовать.

— Нет, нет, нет! Этого ни будет никогда! Я взял в банке кредит на его покупку. Мне придется выплачивать эти деньги пять с половиной лет! Вот вы и будете оплачивать этот кредит, ведь именно вы живёте в этом вагончике, не так ли? Когда уедете домой, то можете забрать его с собой, — весело сказал Падди, — кроме того, налоги!

— Налоги, это понятно, разве с этим поспоришь, конечно, мы будем платить налоги. Мы прекрасно понимаем — это социальное и медицинское страхование, пенсионное обслуживание, это понятно!

— Ну и хорошо! Вы видите, какое у нас заботливое государство — в школах бесплатное образование! А всё потому, что налоги высокие. Мы платим в бюджет сорок два процента, я бы рад помочь вам, платить поменьше, но ведь государство обманывать нехорошо, не так ли?

— Как отец родной, всё, так, по-умному раскладывает. И глаза такие при этом честные-честные, добрые-добрые, —

подчеркивает Владимир вероятную и заметную хитрецу хозяина.

— Как в цирке, согласишься, — спрашиваю я Володю, — чувствуешь себя дрессированным медведем, которому когти подпили, чтобы не царапался, намордник одели, чтобы не укусил случайно, на шее цепь и заставляют стоять перед хозяином на задних лапах за кусочек сахара.

— Точно, ой чувствую я, Саня, что весь мир пошёл против нас войной.

— Может весь мир и не пошёл, но, страшно то, что во всём мире не найдется ни один человек, кто теперь сможет подбодрить нас добрым словом, или поддержать в случае нужды.

— Я боюсь, что задница, в которую мы попали, будет моим ночным кошмаром. Я буду сражаться с этим долбанным боссом во сне, я буду терпеть поражение, и после этого буду мучиться бессонницей.

— Да брось ты, Володь, ты что, пессимистом стал что ли?

— Скорее всего, я реалист, Саня. А с тобой что случилось, неужели ты ещё сохранил свой оптимизм?

— Да! — гордо отвечаю я. — Рано нам сдаваться!

— Я думаю, что ты, Александр, такой же реалист, как я, или даже пессимист, просто ты пытаешься поднять настроение себе и мне, компенсируя настроение присутствием духа. Спасибо тебе за это! Пока что ты видишь лишь недостатки в тех достоинствах, что мы с тобой получили. Когда ты увидишь достоинства во всех этих недостатках, вот тогда я поверю, что ты оптимист!

— После разговора с Падди, все мои надежды умерли, что довольно пессимистично, но я всё ещё верю в нашего ангела-хранителя, так что, оптимизм победит!

— Да-а-а, как убеждённый реалист, я согласен с тем, что верить в ангела-хранителя, это весьма оптимистично! Ха-ха-ха! — захлебнулся и утонул в собственном смехе Володя. — Будем ждать явления ангела-хранителя!

Кто бы мог подумать, что ангел-хранитель явится к нам в виде худенькой, невысокой женщины, которая работала рядом с нами.

Шинейд!

Шинейд!

Шинейд!

Шинейд! Она, как добрая фея, приносила нам еду, когда холодильник был пуст. Она снабдила нас одеждой, ставшей ненужной её сыновьям. Вполне сносной одеждой. Чтобы мы делали, если бы не она? Я бы болел простудой и покрывлся бы чирьями. Спасибо ей за шарфик и куртку, за толстовку и водонепроницаемые ботинки!

Когда в жаркий июльский день мы уезжали из Москвы, то сотрудники фирмы — представителя ирландской компании в России, предупредили нас не брать с собой ничего лишнего: «Не перегружайте свои чемоданы, не берите лишней одежды. Вы едете в цивилизованную страну, там работодатели обеспечивают рабочей униформой. Вам ничего не нужно брать с собой. Гарантировано. Возьмите с собой только одежду для культурного отдыха».

Я приехал в Ирландию в шортах и сандалиях. Падди, по какой-то причине не обеспечил нас ни рабочей одеждой, ни рабочей обувью. Он, возможно, не был информирован, что он должен нас обеспечить этой униформой. Возможно, он не был уверен, в том, что на ферме в цивилизованной стране, обязательны цивилизованные трудовые отношения. Он просто отвёл нас в магазин с рабочей одеждой:

— Парни покупайте всё, что вам нужно для работы, я заплачу! А сумму расходов я вычту из вашей следующей зарплаты, как вы считаете, это честно?

— Очень приятно, что вы интересуетесь, честно это или нет, — отвечаю я ему в недоумении, — может быть это честно, но нам обещали совсем другие условия.

— Условия? Какие условия? Когда вы уезжали из России, у вас не было денег, а теперь они у вас есть и будут, вот такие условия. Почему я должен тратить свои деньги на вас, когда у вас есть собственные средства, я вам что отец? У меня у самого есть дети, кто будет думать о них, если я буду думать о вас?

Когда в жаркий июльский день мы уезжали из Москвы, мы не задумывались о том, какие мирные условия мы покидали, и мы не догадывались о том, какие военные условия мы себе создали. Мы не могли подозревать, о том, что Падди — генерал своей войны, а мы для него не работники, мы солдаты, мы пушечное мясо.

— А сколько он вам платит за то чтобы разложить торф? — спрашивает Шинейд.

— Сколько он нам платит? Шестьдесят фунтов.

— Как шестьдесят? Кристоферу он платил двести шестьдесят... так вот зачем он вас привёз! Грёбанный джентльмен! А он ещё ходил по всем соседям вокруг, интересовался, не против ли люди, что иностранцы приедут к нему □□ работать.

Прячась за этажерку из коробок с грибами, скрывая свой взгляд от остальных работниц — ирландок, Шинейд украдкой спросила:

— Падди, не считаешь ли ты, что это нечестно по отношению к этим русским, что они работают по шестнадцать часов. Эти двое выполняют всю работу, которую раньше выполняли двенадцать

человек, а платишь ты им в пять раз меньше?

— Ёбхххй Иисус! — заорал на неё Падди. — Ёбхххй Иисус! Ёбхххй Иисус! — он действительно рассвирипел. На его багровом лице ярко покраснелись прожилки кровеносных сосудов, напоминающие карту с полноводными реками Сибири. — Ёбхххй Иисус! Шинейд, мы знаем друг друга сорок лет. Ты не мешай мне делать бизнес. У меня пятеро детей. Это мой бизнес, мои заботы, и прошу тебя, делай так, чтобы мне не пришлось тебя УВОЛЬНЯТЬ!!!

Я уткнулся в свой столик для сбора грибов. Это не моё дело, о чём они ругаются. Я не сую свой нос, куда не следует. Я должен продержаться, как бы то ни было. За моей спиной дети и жена и отступить я не имею права.

Только вот... только вот... только вот... мурашки бегут по коже от этой немногосложной, но очень ёмкой ругательной формулы, смысла которой невозможно охватить разумом: «Ёбхххй Иисус!»

Что должно быть в душе этого человека, который может произнести вслух... нет, это даже не богохульство, это не попрание устоев церкви. Это безумие. Это потеря разума, и этот безбашенный человек — наш ХОЗЯИН.

Он ходит по воскресеньям в церковь. Зачем он это делает?

Он водит своих детей на первое причастие. Кому он врёт?

Он молится? Хоть иногда?

Кому он молится? Кто его услышит?

«Ёбхххй Иисус...»

Для чего в церкви преклонять колени? Для чего молитвенно сжимать руки? Для чего вся эта показуха, если сила твоей веры позволяет тебе называть Сына Божьего «Ёбхххй Иисус»?

— Внимание! Парни, вы неумеренно много используете перчаток. С сегодняшнего дня вы сами будете оплачивать стоимость перчаток.

— Постой, Падди, — я пытаюсь возражать, совершенно не понимая, что за новый финансовый фокус придумал этот выдумщик наш хозяин. — Как это, сами? Ведь перчатки это производственная необходимость. Это твоя ферма. Ты и должен нас обеспечивать перчатками. Ведь это тебе нужно, чтобы грибы были чистыми, чтобы не распространялась инфекция, чтобы соблюдалась гигиена, ведь это твоя обязанность, ты владелец бизнеса!

— Да, представь себе, Александр, я владелец бизнеса, и потому мне выгодно не тратить деньги на перчатки. Ведь, это вы их носите. Вы их используете. А когда вы будете платить за них сами, то, будете бережно к ним относиться. Я знаю, что они одноразовые. Когда вы сами их будете покупать, вы научитесь их использовать многократно!

Как переспорить хозяина? Ведь он мой хлеб и масло.

Причём, глаза его такие честные–честные, добрые–добрые.

Придётся нам самим покупать перчатки.

— Саш, мы не можем позволить себе тратить деньги так бездумно, взгляни, на туалетную бумагу — она двухслойная! — я вижу, что Володя, находится в невероятном культурном шоке, усиленном экономическими исчислениями. Мы в жизни никогда не видели двухслойной туалетной бумаги.

— И что нам теперь делать?

— Мы должны экономить на всём, Саня, включая туалетную бумагу. Мы будем разделять эти два слоя бумаги, и использовать каждый в отдельности.

Спорить бессмысленно. Экономия 200%. С этого момента мы стали разделять туалетную бумагу на два отдельных слоя.

Я ставлю будильник на 4.30. Я зомби. Я ложусь в 23.30.

Мысли путаются, распутываются и выстраиваются в ритмичные строки. Я шарю рукой в темноте, включаю свет ночника, и, шурясь от света и широко зевая, записываю свой полуночный бред в потрепанный блокнотик.

Very difficult life^[6]

Without wife

In the left hand a duster

In the right hand a knife

You must cook oneself
Make your house clean
How many times
Did you take this spin?
You're going around very sad
And you do not want
To sleep in the cold bed
Say: «I swear» to yourself
From this time henceforth
Never, never, never, never
I will not divorce!

И чего это я, вдруг, начал писать по-английски? Нет, культурный шок, видимо, действует уже и на подсознание...

Привет, мой дорогой и любимый Саша!

Как здорово читать твои письма, твои стихи. Я удивляюсь, как у тебя хватает сил на то, чтобы что-то сочинять ещё. Видимо и вправду, обострение чувств приводит к созданию новых произведений у творческих людей.

На мне разлука отражается несколько по-иному. Меня вдруг не устраивает обстановка в квартире, я не рада самой себе, меня утомляет всё мое окружение. Я почему-то нервничаю, всякие плохие мысли лезут в голову. Каждый день приходится успокаивать себя, настраиваться на лучшее.

Вчера купила Сашке сапожки (старые балоневые сапожки, в которых она ходила до этого, стали дырявыми и ей малы), купила водолазку, такого красивого светло фиолетового цвета, на ней аппликации-собачки. Весь вечер она ходила в сапожках, заставила одеть ей курточку, крутилась перед зеркалом. Сегодня утром, одеваемся в садик, и она просит, чтобы я одела ей новую водолазку. Я говорю: «Давай пока оденем старую,» а она говорит: «Нет, стаюю (старую) отпъявим в деевню (деревню)». Все вещи, которые она не любит, она отправляет в деревню или кухне Наташе. Так и говорит, «Надо Наташе отдать. Наташа маленькая, а я босяя (большая)».

Знаешь, я не часто играю с ними, у тебя всегда лучше это получалось. У меня находятся какие-то дела, то постирать, то приготовить ужин. А иногда просто нет настроения, и всё валится из рук. В такие моменты Анастасия приходит на помощь и с удовольствием играет

с Сашей. Иногда они рисуют. Правда, я не люблю, когда они это делают. Саша исчеркает себя фломастером, я не знаю, как потом её отмыть.

Каждый день Анастасия пишет тебе какие-то письма с просьбами, всё грозит передать мне это, чтобы я послала это тебе.

На днях мне повезло, удалось купить баночку оливок, вернее маслин. Они были вкусные, маслянистые, мы их лупили с твоим отцом.

Представляешь, Саше они так понравились, что она тоже молотила эти «кисенькие (кисленькие) ягодки».

Люблю тебя милый, ты мне тоже снишься. Мне очень, очень тебя не хватает. Пока. Любящая тебя жёнушка.

Я варю себе еду на всю неделю. Одну огромную кастрюлю супа на всю неделю. Я ставлю ее в холодильник и приношу суп на работу в пластмассовой коробочке. Один и тот же суп в течение семи дней. Иначе не получается, просто нет времени готовить. Пластмассовую коробочку мне дала Ашлин, хозяйка. Шинейд сказала, что в этой пластмассовой коробочке, видимо, раньше была еда из китайской закуской. Вот бы хоть раз попробовать, что это такое!

Внешний вид моей еды не вызывает аппетита у сыновей моего хозяина. Через прозрачный пластик коробочки видно содержимое. Выглядит мой суп так, словно три разных и, практически, несовместимых блюда смешали и положили в одну посуду.

Сыновья Падди пришли на ферму немного подработать.

— Ты собираешься ЭТО есть?

—...Да...

— Что это ты ешь?

— Суп... — Их вопросу я удивляюсь не меньше, чем они удивляются тому содержимому коробочки, что я ем. Конечно, оно — содержимое коробочки, наверное, сильно отличается от того, что в ней было изначально. Может быть, недельный срок повлиял каким-то образом на свежесть супа, но другой еды у меня нет.

— А что это белое? — спрашивают они.

— Майонез, — отвечаю, удивляясь их реакции — один из них уже блюёт в окно, у него видимо, тоже культурный шок.

Нет, даже смотреть на русскую еду, возможно, лишь, для морально подготовленных.

Я сижу над ломтиком ржаного хлеба и отщипываю от него помаленьку. Я получил скромную посылку из дома. Ощущаю себя солдатом второй мировой войны, сидящим в окопе. Ощущаю себя жителем голодного Ленинграда, когда в дни блокады человек получал на руки 250 грамм хлеба в день. Всё. Норма.

В чём сила, в чём тайна русского ржаного хлеба? Помню, в 1991-м году, я подрядился привезти немецкий автомобиль из Германии, одному новому русскому дельцу. Иду по Берлину, и тут меня останавливает хорошо одетая женщина.

— Молодой человек, вы русский? — выхватила она меня из толпы.

— Русский — с удивлением отвечаю ей.

— А у вас, может случайно, нет ли с собой кусочка ржаного хлеба? — женщина поставила меня в тупик своим вопросом.

— Нет... — честно и растерянно ответил я.

— Как жаль, — выдохнула она и больше ничего не смогла произнести, потому что на её глаза навернулись крупные и удушающие слёзы.

Женщина, у которой есть в жизни всё, заплакала, как девочка, которой не дали шоколадку, и заставляют кушать овсянку. Так, в чём же сила, в чём тайна русского ржаного хлеба?

Падди попробовал кусочек ржаного хлеба и изрек: «Овечий комбикорм». Я его понимаю — у каждого свои ассоциации.

С двумя вёдрами в руках, я как обезьяна, проворно карабкаюсь на высоченный трейлер, наполненный овечьим комбикормом. В мои обязанности вменяется кормить овец Падди. Зачерпываю гранулы комбикорма и бегом по кормушкам — овцы скоро принесут приплод, им необходимо усиленно питаться.

Над трейлером стоит замечательный аромат свежих гранул, приготовленных из витаминно-травяной муки. Запах свежесушенной при высокой температуре травы. У каждого свои ассоциации. Аромат комбикорма для овец, мне напоминает особенный деликатес — очистки картофеля подсушенные до хруста. Чипсы для нищеты. Не пробовали таких?

Мой отец познакомил меня с таким лакомством. Когда в голодные послевоенные годы, он, четырнадцатилетний подросток из многодетной деревенской семьи оказался в городе, где ему предстояло учиться в фазанке — фабрично-заводском училище, он оказался один на один с голодом. Тогда то, он и научился, подсушивать картофельные очистки, найденные среди отбросов. Он поджаривал очистки, найденные на помойке.

Кого-то, воспоминания о голодном детстве приводят в состояние тошноты, и нервного тика. Мой же отец, в духовке поджаривал картофельные очистки, оставшиеся после нашего семейного ужина, и, закрывая глаза от тяжести нахлынувших воспоминаний, неслышно похрустывая, смаковал чипсы из картофельных очистков и угощал меня.

Запах сушеных картофельных очистков, это запах моего детства.

Запах овечьего комбикорма, это компот ассоциаций моего детства, это амбре из сигаретного дыма и мужского пота отцовской военной формы, это парфюм солярки от его шинели и благовоние жареных семечек, которые я сам калил в огромной чугунной сковороде.

Запах овечьего комбикорма мне приятен. У каждого свои ассоциации, кому-то хлеб — противен, а кому-то и комбикорм для скота приятен.

Несу охапку свежей крапивы. Сын Падди округлившимися

глазами взирает на меня и заранее не верит тому, что услышит.

— Ты собираешься ЭТО есть?

—...Да...

Видимо, их мама суп из крапивы не готовит. Сын Падди замер в шоке. В культурном шоке.

Шинейд заметила: «Ты, знаешь, Александр, мы тоже были очень бедны. Мы тоже ели плохо, может быть и крапиву ели. Обидно только за то, что все мы очень быстро забыли об этом. Мы забыли о бедности, а она была совсем недавно. Новое поколение жиреет и совсем не думает о том, в один неожиданный момент мы снова перейдем на крапиву...»

Сауна и веник из веток берёзы — это самый лучший самомассаж, какой только можно выдумать. Несу из лесу охапку веток берёзы. Сын Падди округлившимися глазами взирает на меня и уже верит тому, что услышит.

— Ты и ЭТО собираешься есть?

Я ещё не ответил. Такой вот я загадочный, а Сын Падди, конечно, замер в шоке. В культурном шоке.

— ...Да конечно нет, — смеюсь я, — Кроликов буду разводить!

Русские люди более странны и загадочны, чем это можно предположить.

В то время, когда ирландец моет голову шампунем с «Алоэ Вера», русский предпочтёт всё ту же крапиву — шампунь с крапивой.

Ирландец использует для массажа эфирное масло, русский возьмёт для этого ветки берёзы, дуба, а то и вообще колючей ёлки! Он будет бить себя этой ёлкой, покрякивать от удовольствия, в то время как на коже остаются такие явные следы садомазохизма, что стыдно показаться в обществе.

Ирландец пугается любой самой малюсенькой осы, русский хватает живую пчелу, загоняет её жало в свою поясницу, чтобы вылечить радикулит, и премного этим доволен.

Самые экстремальные чудачки в России те, кто лечится уринотерапией. Люди с некрепким здоровьем и пошатнувшимся психическим состоянием, люди, которые потеряли всякую веру в помощь врачей, собирают мочу, выдерживают её в бутылках в течение продолжительного срока, стремясь к её крепости. А в момент готовности этой мочи, пьют её, втирают в больные места и верят в исцеление.

Конечно, не все поступают таким образом. Но те, кто пьют свою мочу, делают это искренне, а иначе как? Ведь ни за какие деньги не заставишь делать это, ни за какие блага. Всё это вопрос веры, и если русский человек верит во что-то, то за этим стоят

такие подвиги, что реки поворачиваются вспять, вырастают искусственные моря и горы переносятся с места на место.

— Объясни-ка мне, Александр, что это за магазины появились у нас, там ещё написано «Восточно-Европейская еда»? — спрашивает меня любопытная Шинейд.

— Именно еда там и продаётся. Вроде всё понятно. То, что мы привыкли есть с детства.

— Александр, ну вот ты, что там купишь? — не унимается Шинейд.

— Ржаной хлеб, обязательно куплю квашеную капусту.

— Что это ещё за фигня такая?

— Квашеная капуста? Это... знаешь силос из травы, что дают коровам?

— Конечно, у меня самой сто коров, ты знаешь это.

— Так вот, квашеная капуста, это тот же силос, только этот приготовлен из капусты, и предназначен он для людей.

— О, Александр, что за дерьмо?

— О, Шинейд, это чудесная закуска, только скажи русскому: «Квашеная капуста», и он тут же начнёт брызгать слюной — настолько ярко и сочно будет его воображение. Ты не поверишь, Шинейд, что за деликатес мочёные яблоки! Это такие яблоки, которые положили на дно бочки, в которой квасится капуста, и таким образом яблоки киснут тоже. В результате получается яблоки в стиле силоса! Вкуснятина!

— О, Александр, это ужас! Стоп! Лучше расскажи, вот что ты предпочитаешь на Рождество? — никак не успокоится Шинейд.

— Ну, на холодную закуску, очень хорош будет заливное из говяжьего языка.

— Стоп! Александр! Стоп, больше не надо, — и Шинейд выскочила из туннеля, зажимая рот рукой. Конечно, русских людей понять сложно. Они едят свиное сало, то есть поросячий подкожный жир. Толстый-толстый слой подкожного жира. Русские пьют кислое молоко, считая его за деликатес. Для ирландца это смерть, экзекуция и вселяющий ужас ночной кошмар.

В конце концов, русские пьют водку полными стаканами, безо льда и Колы. Каждый русский готов к экстремальным условиям. Каждый русский в душе космонавт, каждый герой, каждый воспитан на совершение подвига.

Один такой космонавт тренировал меня, как быть взрослым.

Сидим трое. Я, он — тренер, и мой товарищ, мой ровесник, нам обоим по девятнадцать лет. На троих три полные бутылки водки по пол литра каждая.

— Наливай, — командует наш тренер.

Я налил грамм по сорок, водка на доньшке тонким слоем.

— Александр, ты что, краёв не видишь? Ну-ка, наливай по полному стакану, — я озираюсь по сторонам, в поисках поддержки хоть кого-нибудь, чтобы остановить это безумие. Налил три полных стакана. Выпили, судорожно глотая, захлебываясь, поперхиваясь, заливаясь слезами от едкого запаха сорокаградусного этилового спирта. Дыхание остановилось, но сердце, мой пламенный мотор, забилося учащённо, без перебоев. Молодость не подвела.

Вместо кока-колы и льда — кусочек ржаного хлеба с салом. Кусочек ржаного хлеба, словно бальзам на раны. Ни удастся объяснить никакому иностранцу, что ломтик ржаного хлеба и тонкий ломтик сала — самая желанная комбинация из любых возможных. Наверное, это потому, что они следуют вслед за такой отравой, как стакан водки. Ломтик ржаного хлеба и тонкий ломтик сала, это такое своеобразное противоядие.

— Саня, не спи, замёрзнешь, — командует наш космонавт, не успев проглотить кусочек свиного сала. — Давай, разливай по второму стакану, и в космос!

За пять минут, сквозь мой пищевод, в желудок влилось пол литра водки. Ощупываю своё лицо, я его не ощущаю. Это анестезия, можно делать пластическую операцию.

Я космонавт! Я лечу, отрываясь от стула, как шарик, наполненный гелием. Вокруг меня инопланетяне. Добрые они или злые? Может уже пора защищать планету? Может, пришло время совершить подвиг? Люди, остановите вращение Земли под моими ногами, я буду освобождать её от пришельцев!

Удар резиновой дубинкой между лопаток будит лучше любого будильника.

— Проспался, студент? Вот тебе приглашение на лекцию про космонавтов. Распишись в получении, — протягивает бумагу сержант милиции.

— Какая лекция, где, в планетарии? — с похмелья мозг не понимает иронии.

— Да, почти что, в районном суде. А мы тебе и тему подобрали подходящую — Нарушение Общественного Порядка. Давай, спортсмен, беги, вон тебя тренер уже дожидается. Что за молодёжь у нас, все поголовно спортсмены, но играют не в футбол, и не в баскетбол, а в литробол? Такое рождается ощущение, что во всём мире пьют водку, а у нас ею питаются!

Здравствуй мой милый, Александр!

*Каждый день погода нас испытывает на прочность.
Можешь себе представить, что в конце Апреля*

температура -10 градусов, холодный северный ветер, который заставляет поднимать воротники и прятать носы в шарфы. Все вокруг стонут и призывают весну, но... она видимо не для России. Девочки шли сегодня в садик и очень замёрзли. В группе Анастасии начинают готовиться к выпускному балу.

Все больше и больше склоняюсь к тому, что хочу отдать Настю в школу при этом же садике. Сегодня я разговаривала с её воспитательницей. Она мне сказала, что занятия проводятся по методике, рассчитанной на лицейский класс. Что меня больше всего устраивает в этой школе, это то, что там будут созданы все условия для того чтобы ребёнок кушал весь день, гулял на свежем воздухе, играл, там есть учителя которые будут с ними делать все домашние задания. Ну, разве не красота?

Когда на какой либо вопрос нужно дать утвердительный ответ, Саша говорит не «да», а не догадываешься как? Да, да, именно: «аха». Я удивляюсь, совсем папина дочка. Гены это великая тайна. Она растёт и толстеет, такая пухлёшка. Я скоро стану на десять сантиметров ниже оттого, что таскаю такую тяжесть из садика и обратно. Я ей говорю: «Я же, не лошадь». Теперь, когда она проситься на ручки она мне заявляет: «Мам, ты же лошадь, возьми меня на ручки.»

Веришь ли, никаких телепередач последнее время я не смотрю. Не потому, что нет времени. Просто дети не дают мне, особенно Саша. Если я пытаюсь включить телевизор, то Саша сует мне видеокассету с нашей свадьбы... с включением телевизора начинается просмотр одной и той же видеокассеты. И ничего с этим поделать невозможно. Саша орёт до истерики. А у неё такой характер, добиваться своего она будет любыми средствами.

Целую тебя, мой родной!

Нет, это неспроста — я уверен, что унитаз в туалете на ферме, качается неспроста. Вы думаете, что он заваливается на бок, потому что наш Падди никак не отремонтирует его по причине лени? Я балансирую на краю унитаза, как попугай в кольце дрессировщика. Он специально не обращает на это внимания — чем неудобней сидеть, тем быстрее вернёшься на рабочее место.

— Где этот чёртов Александр? — Падди не может видеть, что кого-то из нас нет на рабочем месте. Всем работникам видно и слышно, как он скрипит зубами и стремительно кидается к туалету. Падди худощав, но кулаки непропорционально велики, напоминают кувалды среднего размера.

Гулкий удар могучим кулаком раздается в дверь. От неожиданного испуга я валюсь на бок вместе с чашей незафиксированного унитаза.

— Александр, выходи из туалета, нечего там терять время! Будешь ходить во время перерыва! Мне нужны грибы, работать!!!

Я люблю свою работу. Я самый быстрый из сборщиков. Я самый аккуратный. Мои грибы укладываются в коробочки ровными рядами. Ни одного пятнышка. Ни одного гриба неправильной формы, ни одной коробочки с неточным весом. Я аккуратист. Таков мой характер. Всё что я делаю, я всегда делаю на сто процентов. Я идеалист.

Падди ненавидит идеалистов. Он ходит вокруг и придирается ко всему, что можно контролировать.

«У тебя очень маленькие, нестандартные грибы!» — критикует меня Падди.

«Я не заплачу тебе ни цента, в твоих грибах недовес!» — грозит мне Падди.

«Ты неправильно прореживаешь, ты всё погубишь!» Падди предвещает полный коллапс.

Я работаю быстро и качественно. Я щепетилен в работе. Я идеалист, у меня возникают приступы чесотки, если что-то не сделано на сто процентов. Когда-нибудь я стану тоже каким-нибудь начальником и тоже, наверное, буду тираном.

Когда я буду принимать на работу нового сотрудника, на ЛЮБУЮ должность, я буду давать ему в руки веник и совок, и буду просить убратся в офисе. За дверью, в уголке, я положу мусор, окурок сигареты, к примеру. Если кандидат, не заглянет за дверь, не уберет этот мусор, значит он не идеалист, значит, такой работник меня не устраивает. Я люблю прилежание, старание,

усердие. Боже, во мне тоже просыпается тиран. Воистину — нет такого раба, который не мечтает стать тираном. Нет такого раба, который не мечтает иметь собственных рабов.

«Быстрее, Александр, быстрее!» — Падди подгоняет меня.

«Быстрее, Александр, быстрее!» — Падди ускоряет меня.

«Быстрее, Александр, быстрее!» — Падди даёт мне толчок в рёбра.

Что же делать? Может притвориться и сделать вид, что не заметил этого удара? Может притвориться дураком? Я не могу ударить его в ответ.

Если я двину ему в челюсть, я не просто потеряю работу, я могу вообще попасть под уголовную статью. Кому от этого будет лучше? Разве выиграют от этого мои дети и жена? Нет, из-за ответственности за них я не могу ответить ему ударом на удар. Что же это, неужели самопожертвование? Нет, я не готов жертвовать собой, я просто слабак! Я не могу защитить себя... Я не могу за себя постоять... Нет, нет смысла доказывать ему моё физическое превосходство. Я должен доказать и ему и себе моё морально-волевое преимущество.

Он не справедлив ко мне и в этом его слабость. Своим ударом он довёл меня до отчаяния, и так приумножилась моя сила. И осознаю это и становлюсь ещё сильнее. Я вытерплю всё. Если я стерпел удар по рёбрам, то вытерплю всё что угодно. Я стану выносливым, я приобрету опыт, на котором будет укрепляться моя надежда.

Я работаю с такой скоростью, что не успеваю замечать своих рук. Мизинчик хватает один грибок, безымянный пальчик хватает второй грибок, средний пальчик хватает третий грибок, указательный пальчик хватает четвертый грибок. Нож в правой руке аккуратно срезает корневую часть и все четыре грибочка ровнехонько укладываются в коробочку таким образом, чтобы вверх смотрели только шляпки — товарный вид!

Взгляд работает профессионально. Мозг работает рационально. Руки работают слаженно. Сложный математический алгоритм расчёта максимума производительности путём увеличения полезной площади произрастания грибов при минимуме прореживания.

Шесть моих двадцатиметровых полок, все 120 квадратных метров ухожены, облагорожены, словно вся эта красота останется навеки. Так меня воспитали мать и отец.

«Делай свою работу честно». Так меня воспитали мать и отец.

«Выполняй свою работу, так чтобы потом за результат не пришлось краснеть». Так меня воспитали мать и отец.

Спина гнется. Вниз — вверх. Вниз — вверх. Вниз — вверх.

Вниз сорвал четыре грибочка. Вверх уложил их в коробочку.

Грибы на полке лезут друг на друга, как опарыши в банке у рыбака. Один квадратный сантиметр — один грибок. Бог, мой! Сколько же тут этих квадратных сантиметров?... Господи, дай терпения. Господи, дай не сойти с ума.

Женщины ирландки, по обыкновению, уходят домой пораньше. Полки их покороче. Я не осуждаю их. У них дома семьи. В конце концов, свою норму они выполнили.

— Парни, мне надо чтобы вы ещё раз проредили у женщин.

— Но как мы успеем? У нас у самих в два раза больше, а потом ещё столько работы, что мы окончим только в полночь...

— Меня это не ебхт. Это, ебхть, должны быть сделано!!! — командует Падди и глаза его при этом честные-честные, добрые-добрые.

Спина гнется. Вниз — вверх. Вниз — вверх. Вниз — вверх.

Вниз сорвал четыре грибочка. Вверх уложил их в коробочку.

Небо опрокидывается на землю. Земля крутится вверх тормашками. Руки вращаются, как лопасти у винтокрылого самолета.

Коробка на весы. Коробка на отправку.

Бегом с пустыми коробками. Бегом с урожаем.

Бегом выкидывать обрезки грибных ножек, бегом назад.

Коробка на весы. Коробка на отправку.

Бегом с пустыми коробками. Бегом с урожаем.

Бегом выкидывать обрезки грибных ножек, бегом назад.

Спина гнется. Вниз — вверх. Вниз — вверх. Вниз — вверх.

Вниз сорвал четыре грибочка. Вверх уложил их в коробочку.

Коробка на весы. Коробка на отправку.

Коробка на весы. Коробка на отправку.

Бегом с пустыми коробками. Бегом с урожаем.

Бегом выкидывать обрезки грибных ножек, бегом назад.

Спина гнется. Вниз — вверх. Вниз — вверх. Вниз — вверх.

— Александр! Что так медленно ходишь! Куда? Опять в туалет? Ебхть! Вычту время из зарплаты!!!

Небо опрокидывается на землю. Земля крутится вверх тормашками. Руки вращаются, как лопасти у винтокрылого самолета.

Новый день.

Всё повторяется.

Это дежавю.

Новый день.

Дежавю.

Привет Александр!

Распечатала твоё письмо вчера деткам, прочитала его. Они очень обрадовались, особенно тому, что ты послал им посылочку. Мне кажется, ты слишком их балуешь. Хотя, может, ты пытаешься этим заменить своё присутствие здесь. Но, прости за бестактность, это плохо получается.

Как ты им нужен сейчас, ты просто не представляешь. Саша часто залазит на окно и говорит: «Вон папа» и кричит: «Папааааа!» Сегодня шли из поликлиники, (Саша заболела), проходили мимо сломанного автобуса, стоящего в одном из дворов, которые мы проходим. Она забежала, села на разломанное сиденье и поехала: «Жужууууу» — «Куда едешь?» — «За папой в Москву». Я вздохнула, сняла её с автобуса, и мы поплелись домой.

Чем заболела Саша? Не знаю. Стало часто моргать глазками, что-то похожее на нервный тик, но не совсем. Пролечились у невропатолога, но результат был временный, теперь я обращаю внимание, что стали краснеть белки глаз. Сегодня были у окулиста. Врач велела нам сидеть дома, хотела сразу же дать мне больничный. И что в результате? Я же не могу в моём положении сидеть дома, я работаю. Пришлось звонить маме моей. Она отпросилась с работы на полдня. Завтра попрошу посидеть бабушку. Бедный кинутый ребенок. Как нам тебя не хватает, твоей мужской всесильности.

Хорошо, что скоро выходные. Никуда не пойдем, будем сидеть дома, любить друг друга, испечём пирог, погуляем. Знаешь, есть выражение «нагнетать энергию»? Вот, пожалуйста, нагнети на нас положительную, добрую энергию. Чтобы детки не болели, чтобы я могла что-то делать. А то я только вылечу их, опять что-нибудь да случается.

Целую, уж, так и быть. Жёнушка.

— Парни. У меня есть много работы! У вас будет много денег! Мы нужны друг другу! Вам нужен выходной? Нет, парни вам он не нужен: вы же приехали за деньгами!

Владимир умел копить заработанные деньги. Он не тратил. Он ел только грибы. Грибов у нас было не ограниченное количество. От него пахло грибным дыханием, грибным потом и немыслимым грибным пердежом. Глаза выдавали свирепый настрой изголодавшего зверя. Он жарил килограммы грибов на растительном масле. Он ел их без хлеба. Без лука. Без картошки. Он ел только грибы.

Нет, я не зомби. Володя! Вот он — зомби!

Питаюсь одними грибами, шестнадцать часов в сутки, он работал на победу. Как латыш Ажолас, он работал с верой. Точнее — с безумной верой.

Вера его была в том, чтобы, как-нибудь отработать деньги, уплаченные рекрутинговому агентству, и вернуться домой. Без денег, но с несломленной психикой и, с-не-до-конца-испорченным здоровьем.

Володя позвонил в налоговую инспекцию, точнее в департамент доходов. Поинтересовался: «Могу ли я вернуть налоги, поскольку я гражданин другой страны, и я покидаю это государство?»

Ему ответили: «О чём вы говорите? Что вам возвращать — у вас вообще никаких налогов не уплачено. Вы ещё нам должны, назовите свой адрес, мы на вас наложим штрафные санкции!»

— Саш, ну, ты, погляди, а! Каков жулик, наш Падди! Берёт наши налоги, складывает к себе в карман, врёт, сволочь, бессовестно, а глаза при этом честные-честные, добрые-добрые!

— Володь, да плюнь ты на него, брось свой реализм, не уезжай, я верю в то, что мы сможем заработать. Ты не можешь уехать с пустыми карманами.

— Саш, в прошлом году я работал в Израиле. Я работал в четырех местах и ни в одном мне не заплатили. Я приходил вечером на рынок, подбирал гнилые фрукты и ими питался. Мне обещали: «Приходи в пятницу». Я приходил в пятницу, а мне говорили: «Приходи в среду, потому что в пятницу банк был закрыт». И так в течение месяца. У меня не было денег уехать домой. Российское посольство отправило меня за государственный счёт. А теперь, как видишь, я даже отработал свои деньги назад и смогу купить билет на самолёт самостоятельно! Всё, «Гуд бай, Америка! О-о! Где я не буду

никогда!»

Он накопил сумму, равную вложенной первоначально. И однажды рано утром незаметно исчез, оставив записку: «Желаю тебе не превратиться в гриб. Владимир».

Теперь я, точно, зомби.

Шинейд интересуется:

— Алекс, а ты платишь что-то за вагончик?

— Да, — отвечаю, — конечно, плачу.

— А сколько Падди берет с тебя?

— Сорок евро в неделю.

— Нет, ты посмотри, каков наглец! — возмущается Шинейд. — Он такой богатый. В его владении столько земли, ему столько оставили наследства все его родственники. Он так выгодно женился. Он продаёт грибов на десятки тысяч! Как у него хватает совести брать с тебя деньги за этот сарайчик?

— Не знаю, — пожимаю плечами я, — А что мне остаётся делать?

— Ты должен играть в «Лото Миллион». Ты должен выиграть. Тебе обязательно повезёт!

— Нет, — отвечаю я, — это не реально. Бог дал мне руки и ноги. Бог дал мне здоровье и наделил меня разумом. И я верю в то, что он любит меня, как каждого из нас и предоставляет мне удачу. Но удача не в том, чтобы выиграть, а в том, чтобы добиться успеха. Бог предоставляет мне шанс, и я должен смочь его использовать. Я работаю на этой ферме и это, ступенька к успеху.

— Но если ты выиграешь деньги, то это будет здорово. Уедешь домой, купишь там дом и будешь жить счастливо.

— Видишь ли, Шинейд, выиграть деньги, это слепая удача. Я боюсь, того что доверяя слепой удаче, я провоцирую слепую неудачу. Я верю в то, что во всём существует баланс. Если я получу огромную кучу денег в одночасье, то обязательно что-то потеряю. Это может быть весьма ощутимая и болезненная потеря. Поэтому, я не буду играть в Лото. Я должен заработать усердием, и только так.

— Тогда, ты должен обратиться к политикам. Мери Харни^[7] — вот кто тебе нужен. Она тебе обязательно поможет!

— Я не верю политикам, дорогая, Шинейд. Я уверен в том, что всё, что они делают — это обещания. Это просто. При помощи улыбки и обещания, они покупают твой голос. Они могут решать вопросы, но у меня нет таких денег. Потому что если они берут деньги в коричневом конверте, то в нём должно быть такая сумма, которая позволит им не иметь собственных проблем ни с другими политиками ни с законом.

— О, Алекс, это очень смелое заявление! Надеюсь, ты никого

не имеешь в виду конкретно.

— Конечно, нет, — я успокаиваю её бдительность. — Я верю в то, что они законопослушные. *Dura Lex Sed Lex*^[8]. Я очень хорошо учил юриспруденцию, но это, увы, никак не помогает мне сбежать с этой фазенды. Если закон говорит, что я не имею права менять работу, значит, ничто не изменится — это закон.

Да. Теперь я, точно, зомби.

Сквозь полночную темноту я шагаю к моему пристанищу. Путь лежит мимо старого маленького дома со стенами из разваливающихся камней.

Некогда там жили два нищих брата. Один убил другого, затем и сам повесился, мучимый угрызениями совести. Как сказал Падди, это легенда. А быль в том, что привидения обоих братьев не дают спокойно шагать мимо этого домика.

Я шагаю мимо всех привидений, всем врагам назло. Я маленький человек, вдали от родины, вдали от родных и друзей, иду мимо дурацких привидений, уставший как собака, голодный как волк, и бедный как церковная мышь, иду и делаю вид, что мне не страшно. А мне страшно! Я специально оставляю дверь вагончика не запертой в течение дня, чтобы в ночной тьме, вернувшись с работы, заскочить внутрь без промедления и захлопнуть дверь за собой. Чтобы захлопнуть дверь с такой скоростью, что привидения не успеют проникнуть в помещение вместе со мной.

Я запираюсь в моём хлипком вагончике, качающемся на ветру, и трясусь от холода в промёрзшей детской кроватке.

На моем окошке постоянно конденсат. Конденсат, это крупные капли воды, которые вырастая, скатываются на мою кроватку. Напротив моего окна я наблюдаю окно старого, жуткого дома. Этому дому триста лет. Откуда я знаю, что ему триста лет? Об этом мне сказал хозяин — Падди. Я поинтересовался:

— Почему именно триста, откуда такая уверенность?

Падди ответил:

— Гляди Александр, какие маленькие окна в этом доме. Триста лет тому назад, король Англии Вильям третий^[9] собирал налог на солнечный свет, вот так он любил Ирландию и Ирландцев. Он выставял себя за Бога, словно это он обеспечивает ирландцев солнечным светом! Ненавижу королей и англичан! — и в глазах Падди вспыхнули языки пламени, подобно впечатляющим огненным эффектам на концертах «Iron Maiden». — У меня прямо аллергия к ним!

— Аллергия к англичанам? Ну и ну! А в чём она выражается?

— Кулаки очень чешутся, когда о них вспоминаю.

Как странно, что подобные симптомы, но у разных людей,

неужели аллергия передаётся воздушно-капельным путём? Взаимная нетерпимость в пределах одного сообщества это, скорее всего, прогрессирующая раковая опухоль, нежели грипп, потому что она навряд ли излечивается постельным режимом и обильным питьём.

От этого дома веет крысами и пахнет чем-то таким зловещим, что у меня не возникает сомнений, что именно так пахнут привидения. Внутри дома постоянно мерцает огонёк... в этом доме никто не живет уже лет пятьдесят, но внутри мерцает огонёк свечи, освещающий мученический лик Христа.

Я слышу, как дом вздыхает в тишине, как скрипят прогнившие половицы. Я вижу, как чёрные и серые тени пытаются скрыть своё присутствие внутри этого дома, но меня не обмануть, я всё равно их вижу, я их чувствую, я ощущаю их взгляды, которые проникают повсюду, до тех пор, пока я не накроюсь одеялом с головой.

Одеяло я натягиваю на голову в любом случае — иначе не согреться, иначе могильный холод не даст мне уснуть, не позволит расслабиться.

Перед сном, как библию, я открываю маленький фотоальбомчик. Там снимки моих детей, моих двух дочерей. Вот они идут, взявшись за руки. Улыбаются. Одной полтора годика, другой уже семь.

Конечно, снимал я. Они шли ко мне навстречу и не догадывались, что через неделю их папа исчезнет из их жизни. Не поднимет их на руки, не проводит в детский садик. Его просто не будет.

Он останется на фотографиях. Он останется в запутанных, сумбурных, непонятных детской душе письмах. Он останется в горячих слезах их матери, оброненных на подушку, но к счастью они этого не увидят.

Они боятся подойти к телефону, когда я звоню. Мой звонок, словно звонок с того света. Из небытия. Чужой голос. Холодный и не живой. Дребезжащий электронный звук из трубки, которая не способна ни обнять, ни поцеловать, ни приласкать.

Я смотрю на фото с моими девочками. Плачу. Холодный воздух вагончика застревает в горле. Ком в горле. Ком в груди. Я плохой отец. Я бросил своих крошек. Кровиночки мои.

Ради них! Ради детей я должен выдерживать этот сумасшедший ритм работы. Я должен совладать с чувствами и заработать для них, чтобы у них была крыша над головой, чтобы хватило на образование.

Ради них! Ради детей я буду работать по шестнадцать часов без единого выходного дня. На скудном пайке. Безо всякого

разнообразия в жизни. Без удовольствий и без отдыха.

Здравствуй, родной Александр!

Вчера были у меня в гостях Марина с дочерьми. Девочки такие большие и крепкие, выше Саши на пять сантиметров, но зато говорить не умеют, а наша дочь строчит, рот не затыкает. Столько всего говорит!!! Такими длинными предложениями, я сама удивляюсь. Саша, такая умничка! Играла в паровозик, наставила стульев, посадила на каждый стульчик игрушки, сама села в середину. «Ту–ту, пока папа, поезд поехал», «Так малыш, (кукла которую ты привёз), одень шапочку, а то холодно, зайка, иди ко мне на коленки». Крутит ручками, изображает ход поезда, даёт всем ценные указания, чтобы хорошо держались, а то упадут. «Кто не будет слушаться, я позову Бабку- Ёжку». Мы с Настей угораем со смеху, смеёмся тихонечко в кулачки. Саша: «Я всех люблю: маму, Настю, папу». — «А бабушек, дедушек?» — «Не знаю. Я люблю папу больше всех!» Ложимся спать, Саша мне говорит: «Спой песенку, которую ты мне пела, когда я была маленькая». Я пою: «За печкою поёт сверчок....» Саша мне подпевает, а я плачу...

Я шью для Анастасии платьишко на выпускной бал. Купить ничего невозможно, в магазинах детской одежды пусто. Сегодня примерили, смотрится просто замечательно. В последнее время она ходит у меня такая грустная, всё время говорит, что хочет к тебе, даже всплакнёт иной раз. Вчера дедушка наругал её за что-то, она сидела и так горько плакала, говорила, что если бы папа был тут, то он не позволил бы так её ругать.

Что ж я могу сделать? Только полюбить и пожалеть её, если Саша не лезет. А то ведь она тут как тут. Если я прижала Настю к себе, эта бежит тоже, мама обнимай её! Послезавтра у Насти выпускной, она уже спрашивает меня, куплю ли я ей тортик. Я ей пообещала, что если будут лишние деньги, то куплю всё что она захочет. Вчера лишних денег, по-прежнему, так и не было, но нам так захотелось чего-нибудь сладкого, что мы, недолго думая, несмотря на ливень, завернули в ближайший магазинчик, и купили там сто грамм шоколадных конфет и с удовольствием их слопали! Ты не будешь нас ругать за этот легкомысленный девчоночий поступок? Позднее, вечером, мы ещё испекли печешек из овсяных хлопьев, и грызли их весь вечер, запивая горячим

кофе.

Вечером я рассказывала деткам истории о том, как я была маленькой, а потом мы вместе мечтали, как мы поедem в Москву за папой. На сегодняшний день это их самое большое желание.

Пока дорогой. Пожелай нам хорошей погоды. Так хочется тепла. У нас каждый день дождь, иногда град, холодный ветер. Дома в придачу ко всему, на месяц отключили отопление, нет горячей воды, холодно-холодно. Прижмёмся друг к другу в постельке, обнимемся, согреемся кое-как и уснем. Очень холодно без тебя, наш любимый папочка...

— Что это, это мне? — смотрю на протянутую хозяином банку чёрного цвета. У меня короткий перерыв. Я один. На работе никого. Странно. Что это эпидемия? Никто не пришел на работу...

— Угощайся, это пиво «Гиннес». Наше ирландское традиционное. Выпей, и иди продолжать работу. Компост должен быть сегодня уложен на полки. Обязательно!

Я всё равно ничего не понимаю. Пиво среди бела дня, и вообще с чего бы это вдруг? — Падди, а за что, собственно, я не понимаю...

— У нас сегодня праздник. День святого Патрика, вот и всё.

— А что это означает?

— Неважно! Пей пиво и иди работать! — рявкнул Падди по-доброму, как тигр, который только что пообедал молоденькой косулей.

Позднее. Через два года после моего приезда, мне подробно объяснили, кто такой Святой Патрик, и как много значит он для Ирландии и ирландцев всего мира. Я узнал, как он крестил людей, и объяснял на примере трёхлистного клевера понятие Святой Троицы. Бог триедин, так же, как три листа, растущие от одного стебля.

Очень красивая легенда. Очень символично задумано.

Меня только тревожит одна безумная мысль. Мысль эта неприятна. Боюсь, что Святой Патрик, сам опасается вместе со мной. Мы с ним опасаемся того, что в последние дни на трёх лепестках трёхлистного клевера не хватает трёх знаков. Знаков доллара, фунта стерлингов и евро. \$ £ €. Именно в таком виде Бог триедин для некоторых.

Именно такому Богу, молятся.

\$ £ €

\$ £ €

\$ £ €

Учёные ищут жизнь на Марсе. Ищут жизнь во вселенной.

Я ищу жизнь, просто жизнь. Я уверен, что она, где то существует. Где-то кто-то ходит в библиотеку, в консерваторию. Люди посещают музыкальные концерты и художественные выставки. Ходят просто друг к другу в гости с бутылочкой вина и тортом. Где-то существует жизнь.

Я чувствую себя, словно заражённым какой-то новой болезнью. Как будто меня заперли на карантин, на долгий срок, для изучения и возможно, для ликвидации. Мне что-то

приказывают и я должен повиноваться. Шаг влево, шаг вправо без спроса и мне грозит расстрел на месте без расследования и без суда.

Тридцать тонн компоста. Нет не так...

ТРИДЦАТЬ ТОНН КОМПОСТА!!! Вот, так правдоподобнее.

Тысяча мешков, тридцать килограмм каждый.

После всего того что я уже сделал: «Вниз сорвал четыре грибочка. Вверх уложил их в коробочку», мне нужно уложить тысячу мешков на полки.

Сволочь!

Паскуда!

Десять поддонов, каждый из них, с сотней прессованных тридцатикилограммовых брикетов компоста лежат так, что полки невозможно установить. Сначала я должен раскидать эти тридцать тонн компоста по сторонам, а потом сложу их на полки. ОДИН! САМ!

Сволочь!

Паскуда!

Как хорошо, что у меня нет зеркала. Если бы у меня было зеркало, то я смог бы увидеть, как искривился мой позвоночник. Тысячи наклонов. Сотни тысяч наклонов.

Или грибы победят меня или я их. Я буду работать во имя победы. Как латыш Ажолас — с безумной верой.

— Закончил, Александр? Мне нужна твоя помощь. Видишь ли, праздник сегодня. Вечером я с Ашлин иду в ресторан, спать будем в отеле. Ты должен посидеть с нашими детьми. Утром пойдешь на работу прямо из нашего дома.

Я дома у Падди и Ашлин. Их пять детей пытаются меня очаровать. Я для них удивительный и загадочный. Старший сын Барри хвалится смелостью и посвящает меня в особенности национальной истории:

— Я могу выйти в город на главную улицу и кричать: «Ебхть королеву! Ебхть англичан и их королеву!»

В это момент мне кажется, будто Барри растёт и увеличивается, протыкая крышу дома своей головой, и в его глазах отражается взор его отца, сверкающий адским пламенем. Чувствуется запах серы, ощущается наступление грозы. Я вижу себя героем фильма «Зловещие Мертвецы». Я разбудил демонов, обладающих плотью!

Я осторожно молчу. Я понимаю, что он совсем еще подросток, и всё сказано для самоутверждения. Мне верится, что дети Падди лучше него самого, и они никогда не будут так кричать, и они никогда не будут пытаться лишать чести королеву.

Барри одет в майку команды «Manchester United».

Спрашиваю его:

— Ты, ведь, против англичан, Барри?

— Да, против!

— Ты их не любишь?

— Я их ненавижу!

— Скажи Барри, а «Manchester United», это английская команда?

— Английская...

— Почему же ты поддерживаешь английский клуб? Не лучше ли болеть за ирландский клуб? Разве это патриотично болеть за английский клуб, если в твоём сознании всё ещё свежи раны, оставленные английскими колонизаторами в прошлые века? Я настаиваю, что ты не должен болеть за английский клуб, Барри. Просто, может не стоит вспоминать прошлое с такой агрессивной бравадой?

Когда пришло время отходить ко сну, дети разошлись по своим комнатам. Мне же достался спартанский коврик на полу «а-ля пикник» и подлокотник от софы вместо подушки. Укрывался я какой-то сомнительной, дохленькой рогожкой. Постельного белья не было, а холод был. Я не мог уснуть, трясаясь в ознобе. Я чувствовал, как мой позвоночник примерзает к полу.

Мне хотелось поджечь этот дом, сгореть вместе с жильцами, сделать какую-нибудь глупость, лишь бы согреться. Уснуть мертвым сном, задохнувшись угарным газом, но в тепле и с пьяной верой в добро.

Привет дорогой!

Сегодня Анастасия выкинула мне такое: «Мам, я хочу свой день рождения отметить вместе с папиным. И хочу, чтобы все родственники подарили нам три билета на самолет в Ирландию». — Я говорю: «А ты знаешь, что это очень дорого?» — Она говорит: «Ну и что, мы с сегодняшнего дня начнем копить». Потом, подумав немного, говорит: «Мам, дай мне сегодня 20 рублей.» — «Зачем?» говорю я ей. — «Мам, ну ты что, не знаешь, что ли? Я срисую их на бумажку, и у меня будет много денег!» — Я смеялась до упада. Всё больше поражаюсь, Натсиному стремлению иметь много денег, её коммерческим идеям. Теперь постоянно просит меня, чтобы я подарила ей копилку. Как-нибудь, рассчитавшись с долгами, я, может быть, и куплю её ей.

Выпив весь наш кофе, который ты прислал нам (его хватило на целых три месяца), купила растворимый суррогат кофе. Фу, какое-то непонятное нечто по вкусу,

совершенно. В прошлые выходные выкинула пустую бутылку из-под ликёра. Жалко, что он закончился.

Настя сказала мне, что ещё год без папы она не выдержит. Я объяснила ей, как могла, что это нужно для нашего будущего. Но разве можно ребёнка убедить? Подавай ей папу вот и все слова.

Ну не хмурься, давай я развеселю тебя рассказом про наш выпускной. Дети настолько талантливы и непосредственны, я только поражалась этому. Как они старались! Я удивлялась артистизму детей, их подготовленности. Они замечательно танцевали, недаром с ними занимался хореограф. Замечательно пели, да и вообще, все, что они делали, выглядело просто великолепно. Представляешь, даже Саша участвовала в празднике, как действующее лицо. Ведущий объявил: «А сейчас мы вспомним, какими мы пришли в детский сад». Выбежали эти двухлетние малыши, наша Саша была самая маленькая. Они встали в ряд, вытянули ручку вперёд и стали наказывать ребятам: «На уроках не зевайте и пятерки получайте!» Весь зал грохнул от смеха.

Какой же радостью наполняются сердца при виде двух и трёхлетних крох, которые танцуют. Они танцевали немножко неуклюже и смешно, но так трогательно. Я даже заплакала от этой трогательной сцены, и я была не единственной, на глазах у многих были слёзы умиления.

Целую тебя, мой единственный, храни тебя Бог!

Я знаю, что я плохо кончу. У меня такая дурная наследственность. Среди моих родственников никто нормально не умирал.

Очень даже возможно, что я умру нелепой смертью на этой каторге. Я ожидаю этого момента постоянно. Каждую минуту я ощущаю, что несчастный случай подстерегает меня.

Я забираюсь на поднятый прицеп с торфом. Балансирую на одной ноге. Держусь, как обезьяна, другой ногой. И двумя руками, лопатой выгребаю торф. Прицеп скрипит. Угрожающе кренится. И когда он с вселенским грохотом обрушивается, многотонным весом ломая раму, я уже успеваю спрыгнуть.

— Падди, как у нас с техникой безопасности? — я почти плачу от шока, который я испытал.

— Я понимаю твою точку зрения, Александр, но всё что ты говоришь это полная чаша дерьма! — Падди полон решимости отмежеваться от ответственности любой ценой.

— Но я мог погибнуть, что-то должно быть сделано для безопасности! — я уже не знаю, КАКИМ ОБРАЗОМ взывать к его совести.

— Как насчет, никогда? Никогда устроит тебя?

Я толкаю тележку с торфом. Пятисоткилограммовым весом, неуправляемая и неустойчивая она грозит оторвать мне руку, при встрече с каждой полкой, но только вера спасает меня. Я толкаю её, упираясь в любую неровность, выгибаюсь пружиной, мой позвоночник работает как рессора грузовика.

— Падди, как у нас с техникой безопасности? Я надорву грыжу, я сломаю себе спину! — теряя контроль над собой, я взываю к тонким струнам души Падди.

— Ты какой-то не в себе. Александр, не верь всему, что ты думаешь! Я чересчур занят сейчас, — парирует Падди, как мушкетёр рапирой, и исчезает за воротами.

Трактор своими вилами для перевозки валков сена сбивает меня с ног. Удар приходится прямо в шею. В область сонной артерии. А завтра у меня самолёт на родину, к моим детям, на встречу Рождества. Господи за что?

— Достаточно придуриваться, Александр! Доктора не будет! Я его всё равно не вызову. Это за пределами реальности, Александр, доктора не будет! — показывает Падди всю свою гнилую насквозь сущность. Его совесть сгнила, подобно дереву, поваленному в болоте.

Только вера спасла меня. Я бился некоторое время в

конвульсивном припадке. Поутих. И пролежал пять часов без движения и не в силах извлечь ни звука. Мысленно обращаясь к Богу. На другой день мне удалось вырваться домой на шесть дней. Моя младшая дочь, увидев меня, кинулась за юбку матери и заревела. Она заплакала от испуга — я был для неё чужим. Я заплакал от горя — я был чужим для родной дочери.

Она испугалась меня. Я испугался её испуга.

Разлука. Жестокая разлука. Дети забывают своих родителей.

А, кроме того, как ей было не забыть меня? Когда я уезжал, я был бравый молодой человек. В меру упитанный, веселый, с идеально аккуратной прической. Я каждый день уходил на работу в белой рубашке и галстуке.

А каким я предстал перед моей дочерью? Ссутулившийся. С постаревшим взглядом и осунувшимся лицом. В течение шести месяцев я не знал рук парикмахера. Бродяга!

Извлекаю из конверта свой любимый винил. Я плачу, мы плачем вместе. Плачет дочь. Плачет жена. Плачет легендарный Пол Ди'Анно.

Tears for remembrance, and tears for joy,
Tears for somebody and this lonely boy.
Out in the madness, the all seeing eye,
Flickers above us, to light up the sky.

На нашем небе нет звёзд. Нет луны. Вечная мерзлота. Вечная зима. Весны не будет. Лето не придет.

Прощаясь с любимыми, сердце сжимается в предчувствии необратимого. А вдруг, мы уже никогда не встретимся? И, лишь, светлые взоры детишек не покидают искренние улыбки: «Всё нормально, папа, мы понимаем, это просто такая игра. Ты ведь уезжаешь не по-настоящему, понарошку?»

Испытание разлукой
Рикошетом по судьбе,
Я ломаю свои руки —
На душе не по себе.
На душе скребутся кошки:
Еду прочь, на сколько лет?
Мои детки за окошком
Машут ручками вослед.
Я смешные корчу рожи,
Чтоб девчонок рассмешить.
Моя мама уж не может
Слёз потоки заглушить.
Я держу с трудом улыбку,
Закатился в горло ком,
Я бездольный горемыка,
Уезжаю далеко.
Кто детишек приласкает?
Ведь мои совсем, как-то:
Попы чадам вытирает
Только папа и никто.
Убежит состав зеленый,
И останутся они,
Подарив мне взгляд влюбленный,
Хоть с роднёй, но, как одни.
Мои милые, родные,
Боль разлук не навсегда.
Я вернусь, скажу:
— Отныне,
Вас не кину никогда!

Путь Москва — Дублин лежал через Лондон. Пересадка на другой самолёт. Таможенный контроль, личный досмотр, паспортный контроль.

Приветливый офицер паспортного контроля задержал свой

взгляд на моём паспорте. Пятиминутное замешательство. Проверка по базам данных.

Что-то не сходится, он вызвал начальника их смены. Смотрят вдвоём и вежливо приглашают проследовать за ними кабинет.

Я в панике, посадка на мой самолёт заканчивается через пятнадцать минут.

— Ничего страшного, молодой человек, небольшие формальности.

Я не совершал ничего криминального, а что если я похож на какого-то гангстера, мою внешность сличили с рисунком фоторобота и меня ждёт продолжительное следственное разбирательство длиной в годы?

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь, мы не задержим вас надолго.

В маленькой комнатке с неярким светом, меня усадили на стул и нервный офицер, включив камеру видеозаписи, стал допрашивать меня:

— Где ты взял этот паспорт?

— Обыкновенно, получил в паспортном столе, — удивлённо отвечаю я.

— НО ЭТО НЕ ТВОЙ ПАСПОРТ! — агрессивно парирует офицер.

— Это мой паспорт, — отвечаю я в замешательстве.

— Это не твой паспорт, а ворованный.

— Но почему? — я в полном недоумении.

— Потому что в нём чужая фотография!

— Как это не моя, вы что-то путаете.

— Где ты взял этот документ, украл или купил, если купил, то где, у кого и за сколько?

— Да вы что? Это мой паспорт, я вообще не понимаю, что тут происходит!

— Это не твой паспорт. Есть ли у тебя другие документы, покажи, мы сравним фотографии.

Я достал своё водительское удостоверение. Тот же эффект:

— Это чужие документы, и мы должны связаться с Российским представительством Интерпола, чтобы удостовериться, что эти документы подлинны. А пока ты посидишь в уютной камере.

Вот так, дочь меня не узнала. Служба паспортного контроля обвинила меня в воровстве собственного паспорта. Что же произошло со мной, что произошло с моей внешностью, что за полгода работы за границей я превратился в человекоподобное существо, в буку?

Я смотрю на своё отражение в туалетном зеркале. На меня

смотрит снежный человек, йети. Дикий взгляд полный злобы, наверное, таким взглядом обладают фундаментальные исламисты, террористы, планово взрывающие наш мир маленькими порциями. Неудивительно, что меня задержали.

Меня, конечно, отпустили, принесли мне свои извинения за досадную ошибку и принесённые неудобства, и посадили на очередной самолёт. Но мой внутренний мир перевернулся, не от ненависти к офицерам, а от осознания того, что я уже другой человек, я иссох внутри и превратился в чернослив снаружи.

Я безымянная единица из стада рогатого скота, которое везут на бойню. Я уже чувствую, как крепкий парень с обнаженным торсом, одетым в непромокаемый фартук, заносит над моей шеей металлический стержень с электрическим током, чтобы выпустить мой дух, и я чувствую запах собственных испражнений от непроизвольного мочеиспускания и дефекации.

Каждый раз при разговоре с Падди я буду чувствовать этот предательский запах. Каждый раз при разговоре с Падди я буду ощущать, как из туалетного зеркала на меня смотрят глаза йети, глаза полные злобы, глаза фундаментального... раба.

Я ещё помню, что когда-то я был ЧЕЛОВЕКОМ.

Я занимал очень ответственный пост на прежней работе. Я возглавлял работу юридического отдела налоговой инспекции. Я отвечал за правильностью соблюдения законов этого важного государственного органа. Мои юристы отстаивали честь государства в судах.

В один прекрасный день я ушёл, подписав все нужные бумаги. Может этот день и не был прекрасным. Это только так говорится: «В один прекрасный день», на самом деле день, наверное, был весьма поганым. Да, это был день крушения надежд. Визы, как оказалось, ещё нет, и земля уплывала из-под моих ног. Я обрывал себе все пути к отступлению.

В ожидании визы в Ирландию, я вышел на рынок подработать. Я стою, на городском рынке и чувствую, как проваливаюсь под землю от стыда, сгораю в пепел. Ко мне приближаются мои коллеги и, проходят, не здороваясь, более того, они намеренно отворачиваются от меня.

Что они обо мне думают? Сожалеют? Сочувствуют? Ненавидят за мою явную глупость?

Я успокаиваю себя, что это тоже работа. Я же не прошу милостыню. Я честно зарабатываю, но я ясно понимаю, что всё это самообман, потому что это регресс, это скатывание в яму. Скатывание в вонючую выгребную яму.

Дни идут, а визы нет и нет.

— Саша, тебя кинули, ты лох — говорит мне Миша. Миша

мой коллега по несчастью. Коллега по поискам пути в эмиграцию. Он стремится уехать в Австралию.

— Нет, Мишаня, я непременно дождусь визы. Мне обещали, что это будет легальная работа, а это важно, я уважаю законы, я же юрист.

— Саша, ты заплатил тысячу пятьсот наличными, поверь мне это кидалово стопроцентное. Ты никогда не вернёшь своих денег назад и никуда не уедешь.

Что мне оставалось делать? Спорить бесполезно. Оставалось только ждать визы. Я её дождался, но условие было ещё пятьсот сверху. Две тысячи американских долларов, за смутную надежду получить работу в Ирландии.

В конце концов, мы разъехались. Я в Ирландию. Миша в Австралию. Спустя десять лет он нашёл меня в интернете и рассказал свою непростую историю^[10].

— Как тебе Ирландский дождь? — спрашивает Миша из тёплой Австралии.

— А что дождь? Отличный дождь! Освежает, плюс к тому это так романтично. Дождь это чистота и свежесть, это здорово!

Дождь! В принципе эту книгу можно было бы начать с этого слова, и этим словом можно было бы закончить, потому что дождь в Ирландии бесконечен, как солнце в Калифорнии, которое греет там 365 дней в году.

Ирландский дождь, не перепутаешь ни с каким другим дождём в мире. У ирландского дождя есть свой национальный колорит. Порой, на ирландском небе нет и облачка, а дождь всё равно накрапывает, появившись неизвестно откуда, словно он телепортировался сквозь пространство и время. Поглядишь на небо, протрёшь солнечные очки от дождевых капель и понимаешь, что дождь, скорее всего, есть, чем его нет, он просто существует, он составная часть ирландского воздуха.

Окружающее пространство и ирландское небо, это соединяющиеся сосуды, уровень которых стремится сравняться, но этого никогда не произойдёт. Эти уровни никогда не сравниваются, потому что, как бы ни старались небесные силы затопить этот остров, вода утекает неведомо куда, не оставляя даже луж.

Дети в России скачут по лужам, измеряют глубину, пускают кораблики, сделанные из конфетных фантиков. Боюсь, что дети в Ирландии не могут позволить себе такого удовольствия — в Ирландии нет луж!

Ирландский дождь коварен, как болезнь — он приходит, когда его совсем не ждёшь. Он, как ветреная и легкомысленная девушка, оставляет тебя со слезами досады на лице.

К этому дождю равнодушны только вороны. Для них нет плохой погоды. Для ирландских ворон нет времён года. Я подозреваю, что для них также нет и времени суток, и они всю ночь кружат над нашими домами, чувствуя себя полными хозяевами среди тьмы.

Как бы то ни было, но к дождю привыкаешь. Если бы я поинтересовался, о погоде, то я спросил бы: «Как там, в Ирландии, ветер?»

Ветер тут подлый. Ну, прямо как мой хозяин Падди. Такой, знаете ли, хитрый ветер — дует отовсюду. С любой стороны тебя достанет, как ни укрывайся. Если ты идёшь вперёд, то ирландский ветер дует тебе в лицо, а когда идёшь назад, то этот

ветер меняет направление и снова дует тебе в лицо. Даже в самый солнечный тёплый летний день, если вдруг нечаянно окажешься в тени, то ощутишь, прохладу, как зябко оказывается! Это всё ирландский ветер!

Как бы старательно ты не пытался поджариться на скудном ирландском солнце, загореть не удастся — ветер сдувает все солнечные лучи, как сухие листья с осеннего дерева. Как бы ни старался растаять под этим солнцем, подобно мороженому, не получится, и желание спрятаться в тени не возникнет — это всё ирландский ветер.

Ирландский ветер и мой хозяин Падди — близнецы, братья, они самые ненадёжные товарищи, но, кто же я на их пути? Если я слабак, то быть мне флюгером, если же во мне найдутся силы схватить ветер и стать его хозяином, то может, я стану ветряной мельницей?

Здравствуй, хороший мой, Александр!

Вся жизнь моя это дети и ещё раз дети, наверное, и ты думаешь о них непрерывно. «Бе-е-е!!!» говорит Саша, когда мы предлагаем то, что ей не нравится. Каждый день, приходя из сада, просит, чтобы я включила видеокассету с выпускном баллом Анастасии. Саша уже выучила все песни, которые звучат на кассете, сидит, смотрит и поёт вместе с видео, танцует. Я тоже, невольно, знаю уже все стишки и песни с выпускного бала.

Я смотрю дома на стены — обои просто ужас! Местами они изрисованные, уже где-то порванные, грязные, вид, прямо скажу, неважнецкий. Краска на окнах облупленная, нам нужен мужчина,, на час, или хотя бы на день!

Всё собираюсь помыть палас. Саша, поросёнок, каждый день, топчет его ботинками. Сколько я её ругала, что обувь надо снимать. Нет, она несётся как паровоз на палас, увёртываясь от меня. Если снимешь ботинки с неё сразу же, то обидится — её же лишили удовольствия пачкать палас, сидит, ревёт целых полчаса. Такая вредина, пока не подойдешь и не возьмёшь её на руки, так и будет сидеть, и реветь, демонстрируя тем, какая мама плохая, и как она несправедливо с ней обошлась. Я знаю, что ей нужно твоё отцовское воспитание, твоя серьёзность, твоя доброта.

Настя почти каждый день страдает: «Я хочу к папе, я соскучилась». К весенним праздникам у неё в школе готовятся, разучивая песни, танцы. Она приходит домой

и распевает их, маршируя, танцуя. Удивляюсь, как Саша быстро всё схватывает, тут же начинает подпевать сестре. И вот уже сидит на горшке и мурлычет себе под нос: «На палад, на палад(парад), на палад идёт отряд (отряд)». Я смеюсь тихонечко. Жалко, что уделяю им мало времени. Только полтора — два часа в день. В последнее время практически не читаем. У меня болело горло, да и нос был страшно заложен, я не могла их порадовать чтением.

Никак не могу сводить детей на кукольный спектакль. К нам в город приехал цирк, но посетить его мы не можем, денег не хватит. Это ужасно! Такие мысли посещают меня постоянно. Но всё время переживаю за их нервную систему, только бы они не возбуждались ещё сильнее от переживаний. Поэтому выходные в основном проводим у бабушки или дома.

Держись, мой родной, позволяй себе отдыхать, хоть изредка!

Целую тебя, твоя единственная.

Падди приволок русского парня.

Это было как гром среди ясного неба. Он стоял как столб, высоченный под два метра. С ручищами как у гориллы. С глазами очередного зомби. «Вот, познакомьтесь, Борис».

Он его именно «приволок». Он взял его напрокат. И приволакивал его, всякий раз, когда видел, что я уже на грани. «Он работает на другого Падди. Его зовут также, как и меня, Падди Смит. У нас тут в каждой деревне живёт Падди Смит» — объяснил мне Падди.

Боря был настоящий спортсмен–телохранитель. Чемпион всех округов по карате и самообороне. ЧТО ОН ТУТ ДЕЛАЕТ? Что привело такого талантливое парня к Падди Смицу, который зарабатывал на жизнь, монтируя сараи для хранения сена и силоса, загоны для овец и телят?

Я смотрел на этого жилистого великана, с некогда пронзительным сканирующим взглядом, представлял его в чёрном, образцово строгом костюме. Однако предо мной был работяга с остекленевшим взглядом, понурой головой и осанкой выражающей полную покорность.

— Я его убью! — басом сотрясал воздух Боря. — Он заставил меня купить велосипед, чтобы я ездил на работу, к нему за десять километров от города. Поселил в комнате с ледяными стенами и полным отсутствием горячей воды за сумасшедшую оплату. Гандон! Я прикончу его одним ударом!

Боря хватает меня, словно терминатор из одноименного фильма, поднимает меня за грудки, и я опасаюсь, но не за себя, а за него самого. У него ещё осталась гордость. Ему некуда выплеснуть нерастратченную энергию и убийственную подготовку. В нём бушуют гормоны тридцатипятилетнего сибиряка. Я верю, что Падди Смит умрёт от первого же Бориного удара, но стоит ли он этого?

Кто он этот Падди? Обыкновенный фермер. Он человек, который любит свою ферму, свои поля, свою землю. Ему нет необходимости изобретать велосипед, пока его коровы дают молоко. Он, человек, ищущий выгоды в мелочах. Главное в его жизни, то, что он знает, то, что деньги следует любить, копить и поэтому ни с кем и никогда их не делить.

Что в этом плохого? Ничего, МЫ ВСЕ ТАКИЕ!

Подвернулся ему ловкач из Кавана. Подсунул живой товар. Какое тебе дело до его личности? Какое тебе дело до его чувств? Какое тебе дело до его образования, семейного положения и

состояния здоровья? Уплатил деньги и используй. Он — твой.

Как можно относиться к человеку, как к вещи? Понятно, очень просто, деньги то уплачены. Товар — деньги — товар. Всё, что измеряется денежной стоимостью, имеет одно неоспоримое свойство — принадлежность владельцу. Владей всецело!

А может быть это компенсация? Англичане эксплуатировали ирландцев на протяжении веков, вот и решил Падди отыгаться за предков? Нет, не думаю, что это так. Нельзя всех Падди причесать под одну гребенку. Нельзя всех Падди мерить одним аршином.

Всё обыденно. Жажда наживы застит глаза, туманит разум и расслабляет волю. Жажда наживы и сиюминутной выгоды, отвлекает от устоявшихся принципов и общечеловеческих ценностей. И тогда, маленький человек по имени Падди говорит себе: «Я начал с ничего, и этого «ничего» у меня ещё очень много, поэтому ради своей удачи, я немного попользуюсь чужим невезением, и попытаюсь доказать, что это взаимовыгодно».

Каждое утро по пути на работу и вечером домой коленки Бориса упирались в руль велосипеда. Подростковый велик и Кинг-Конг. Это было не смешно, это было обидно. Это было не наказание, не насмешка, а обыденное невнимание к человеку, который тебе неинтересен, как отношение к безделушке, купленной за бесценок.

— Саня, ты видел Ашлин, жену твоего Падди? У неё такая задница! Когда твой Падди уедет, я пойду и оттрахаю её! Честно, я её отдрючу. Мне кажется, она сама меня хочет, она так страстно глядела на меня. Я даже знаю, как она будет стонать, у неё такой приятный низкий голос! — Боря закрывает глаза. Крупный кадык на его шее ходит вверх-вниз выдавая его животные эмоции, глаза таращатся из орбит, словно эрегированные, и я снова опасаясь за него.

Я боюсь за него, потому что Борис — мачо. Причем, он мачо очумелый от ежедневного унижения и явного спермотоксикоза. И я верю, что если он сказал что кого-то оттрахает, то он сделает это наверняка. Если он сказал что убьёт кого-то, то убьёт наверняка.

Я боюсь за него.

Я боюсь за себя.

Кто нас защитит?

Как обычно, окончив свою работу в шесть вечера, Боря появился у нас на ферме помочь убирать отработанный компост. Грязная работа. Это не просто грязная работа. Ты поднимаешь мешок, из которого на тебя льётся жижа благоухающая сероводородом. Важная составляющая часть этого компоста —

куриный помёт. Не смотря на суровую романтику процесса, Боря находился в весьма приподнятом состоянии духа и пугал весёлым шальным взглядом.

— Представляешь, — рассказывал он, — иду по магазину и навстречу она. Баба. Русская.

Дальнейшее можно было угадать. Борис, оседлав своего двухколесного друга, разыскал её грибную ферму среди нескончаемых полей и лугов. Войдя к ней в дом, он произнес: «Только скажи мне, Люда, только прикажи и я тебя изнасилую». Он не стал дожидаться ответа, как подобает настоящему мачо, схватил её и тер чресла свои до появления явных мозолей. Сцена их шумного спаривания напоминала сюжет из передачи, о дерущихся на смерть, диких животных.

Продолжение их романа было предсказуемым, но прекрасным. Ему тридцать пять, ей пятьдесят шесть. Он у неё был последним шансом. Она была для него единственной возможностью. После возведения телятников, работая на своего Падди, после выгребания говна, работая на моего Падди, Борис крутил педали десять миль, чтобы отработать третью смену в постели.

Утром он катился обратно с выросшими крыльями за спиной, а может это просто дорога всё время была под гору? А она, театрально закрывая глаза и разводя свои руки подобно рыбаку рассказывающему о своём улове, показывала жестом длину ЕГО «агрегата», и говорила коллегам по работе: «Вы не поверите вот такая толщина. Вот такая длинна. Господи! Я такая счастливая!»

Посмотрел бы он на неё на родине? Нет, не обратил бы никакого внимания. Она годится ему в матери.

Что сблизило их тут? Общий язык, или, точнее — отсутствие языкового барьера? Или может быть собственная ущербность, комплекс неполноценности рабочего — гастарбайтера.

Если ты нищий иностранец, то тебе ни одна местная женщина НЕ ДАСТ! Не раздвинет для тебя ноги! Может быть, и раздвинет, но ты сам в этом не уверен. Ты в себе не уверен. В твоём убогом английском позитивны лишь два словесные конструкции: «Да» и «Может быть», остальное — мычание и междометия «ОК!», «Ох!», «Ах!» и «Нах!»...

Ты не способен влиться в общество, подобно тому, как стакан вливается в ведро воды. Оно тебя приняло, засосало, но оно тебя просто терпит, потому что ты осадок. Ты в этом ведре, но ты на самом его дне. Поэтому ты и бросаешься на женщину, которая тебя жалеет.

Русская женщина умеет пожалеть и после этого приласкать. Что говорите, лев падалью не питается? Ещё как питается! Всё

зависит от голода. Всё зависит от банального голода.

Здравствуй, милый, как радостно было получить от тебя письмо, и читать его всем вместе!

Сижу, пишу тебе письмо, и что ты думаешь? Звонит Анастасия. Она уже у бабушки Веры. Лена взяла её с собой. А там дедушка ремонтирует старый табурет и ругается с Леной, за то, что она попросила денег на спортивные штаны, а он ей не дает. Опять нервная обстановка, ругаю за это Настю, говорю: «Лучше бы осталась в школе, я бы тебя потом забрала».

Настя всё спрашивает, когда мы сможем пойти в цирк. Недавно я им рассказывала, как сама в детстве побывала в настоящем цирке в городе Казани. Они уже мечтают, как мы пойдем в цирк и увидим настоящих артистов, клоунов и слонов!

В последнее время всё время хочется сладкого, то вафельку, то печенюшку. Саша с утра не идёт в садик, если не попьет чай с печеньками. Так обижается, если утром их вдруг не окажется. А как ей объяснить, что у мамы просто не было денег на печеньки?

Каждый вечер мечтаю о кофе. Никак не могу купить себе его, жалко денег. Сегодня может быть всё же куплю небольшую пачку. А то мне даже снится аромат кофе.

Без тебя девочки становятся всё непослушнее. Подстригла вчера Сашу, как-то не очень удачно, криво, косо. Ножницы тупые. Вот и настригла, теперь у неё что-то типа кривого каре с короткой чёлкой, как у пони. Смешно? Ладно, волосы не зубы отрастут!

Я купила себе на прошлой неделе туфли и сама не рада. Мне пришлось занять ещё денег, блин, у мамы, потому что у меня просто нет необходимой суммы на них. Стоят целых \$29.70, если ты думаешь, что я купила самые дорогие, то ты ошибаешься, это средняя цена за туфли, обувь получше стоит на порядок дороже!

Ты может, удивишься, что я покупаю себе туфли? Ведь мы же покупали туфли в прошлом году... Но ты ведь помнишь, какие они красивые и каждый день я просто не имею права их одевать. Сейчас в магазинах появился выбор красивой обуви. Но я о ней только мечтаю, и успокаиваю себя, что вот, года через два я себе куплю что-нибудь другое.

Вчера получили твою посылочку. Конечно, сразу же, дети съели треть всех конфет. Потом я всё спрятала от

них, а то слопают и глазом не моргнут. Оставили Лене две конфетки. Девочки мерили футболочки. Всем всё как раз. Во вторник у них праздник, посвященный победе в Великой Отечественной Войне.

Если бы ты знал, милый, как я устаю одна. Вчера легли спать поздно, около одиннадцати часов и Саша с утра сегодня заливалась слезами, хочет посидеть у мамы на коленках, а время поджимает и надо бежать в садик. Так и увела обиженного и зарёванного ребенка в садик. Всё, теперь буду укладывать их в девять часов. Всего самого доброго тебе, мой Александр, здоровья и терпения!

Твоя любящая жена.

В голову лезут женщины, женщины, женщины. Хоть бы кто-нибудь налили мне бром в чай, как это делают в Российской Армии. Говорят, что от этого брома мужская потенция не отвлекает от исполнения священного долга перед родиной. Как справится с нерастраченной энергией продления рода?

А тут ещё Падди, со своими придирками:

— Александр, уволью, в твоих коробочках перевес! Ты посмотри сам, двадцать грамм перевеса!

— Падди, — объясняю я, — я кладу грибы с очень точным весом. Перевес минимальный. И, в конце концов, лучше маленький перевес, нежели недовес, иначе и у тебя возникнут проблемы, не так ли?

— Сейчас у тебя возникнут проблемы, — в бешенстве парирует Падди, — ты подведёшь меня под банкротство с таким перевесом.

Я знаю точно, что у местных женщин, бывает перевес по сто, сто пятьдесят граммов, он этого не замечает и не хочет замечать. Ему нужен мальчик для битья. Всё понятно. Он кричит на меня, и полагает, что местные женщины его услышат, и таким образом испугаются. После этого, думает он, они все будут работать хорошо, а Александр может и потерпеть.

Я стараюсь. Я трачу время, на взвешивания, перевешивания, довешивания. Я переживаю за результат, как за свою собственность. Так я устроен — лучше я потеряю немного времени, меньше заработаю, но мне не будет стыдно за результат. У моего хозяина не будет проблем с тем, что я произвел.

Почему он никогда не похвалит меня? Я делаю всё для того, чтобы заслужить похвалу. Если бы он, хоть раз подбодрил меня, морально поддержал, может быть, он и не казался бы мне таким неприятным. Мне было бы легче переносить все трудности.

Я уверен, что у него есть другая сторона, хорошая. Только эту сторону, он мне не показывает. Он тиран со мной, но вполне возможно, что у себя дома он мягкий и приятный. Даже, может быть он раб для своих домашних и исполняет их большие и маленькие прихоти по первой просьбе. Может быть. А если это не так?

Если это не так, и он на самом деле тиран во всём и везде... то, скажите, как он может терпеть сам себя? Как он со всем этим грузом желчи уживается?

Падди велел мне убрать дохлых овец. Шесть овец пали и воняли так, кровь застывала в артериях, а дыхание работало

только на выдох. Падди велел скинуть их в яму, залить бензином и спалить. Я потянул за ногу труп одной из бедных овечек, и нога оторвалась от её тела, поскольку прогнила насквозь. От ужаса и вони я заблевал свою одежду, меня рвало с кровью — видимо от напряжённых судорог желудка открылась моя язва.

Обессиленный и обезвоженный я валялся на траве и осознавал, что я такой же как и эта овца. Я разлагаюсь. Скоро от меня оторвутся руки и ноги, и Падди меня выкинет в помойную яму, и прикупит по сходной цене нового, на-всё-готового-Александра, с минимум знаний английского языка, и с максимумом работоспособности без выходных.

— Я знаю, Александр, что ты должен делать, — с воодушевлённым соучастием начала беседу со мной Шинейд.

— Ну и что же? — ожидаю я неожиданного решения моей запутанной судьбы.

— Вот, что, ты должен ехать в Канаду! — радостно заявила моя подруга.

— Чего я там не видел, снега, льда или таёжных медведей? — пытаюсь я отшутиться, от очередной в моей жизни, провокации.

— Александр, очень просто. Через три года вся твоя семья получит гражданство, а с канадским гражданством, ты можешь работать кем хочешь, ты же юрист! Езжай куда хочешь, хочешь оставаться в холодной стране, пожалуйста, а хочешь в тёплую — никто тебе не запретит. Да хоть обратно в Ирландию приезжай, только уже не на грибы.

— Ох, Шинейд, ну и зачем мне это. И здесь в Ирландии через пять лет работы, человек натурализуется и получает европейский паспорт. Разве это плохо?

— Ты, видимо, Александр не владеешь информацией. Если ты вдруг, заболеешь на пару недель, и будешь получать деньги по больничному листу, или Падди на месяц закроет ферму, и ты будешь получать социальное пособие, то не видать тебе гражданства.

— Ерунда, какой в этом криминал? — сомневаюсь, и впрочем, уже опасаюсь я.

— Один молодой человек, тоже из России, работал восемь лет на стройке, потом пошёл учиться в колледж, чтобы получить образование. На тот момент его заявление на натурализацию уже пролежало тридцать месяцев в очереди на рассмотрение. Поступив в колледж, он стал получать денежный грант, и что ты думаешь? Ему тут же отказали в гражданстве! Ты представляешь?

— Почему, в чём его вина? — недоумеваю я.

— А в том и вина, что получал пособие, пока учился. Это называется: не способен поддерживать сам себя.

— Да это безобразия! Он учится для того, чтобы работать, чтобы приносить пользу стране выплачивая налоги, разве это преступно?

— В том то и дело, что нет! О чём я тебе и втолковываю.

— А что с ним случилось потом?

— Теперь он уже отучился, работает, он в этой стране уже двенадцать лет, и теперь скоро он будет снова подавать заявление на натурализацию.

— А чего же он ждёт, если он тут УЖЕ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ?

— Очень, просто, Александр, очень просто, у него должно быть три года, с момента как он перестал получать то пособие. И, не дай Бог ему заболеть, и получать деньги по больничному — три года нужно будет отсчитывать снова!

— Да брось ты, этого не может быть! Это какая-то путаница!

— Ох, Александр, эта путаница называется «защита местного рынка рабочей силы», «защита бюджета от хитрецов, пытающихся его «подоить»». Беги отсюда, Александр, сам беги, пока Падди не выкинул тебя с работы.

Боже! Только бы не заболеть, и не свалиться совсем. Я боюсь подумать, что может случиться, если я не смогу зарабатывать деньги и отправлять их домой. Что может случиться, если в местной больнице вычистят мои карманы, так что я ещё останусь должен?

Какое счастье, что у меня здоровые зубы. Падди, случайно, меня не по зубам выбирал, как выбирали себе рабов американские рабовладельцы? Какое счастье, что у меня только 32 зуба, а не двадцать пять тысяч, как у улитки, каково их все лечить? Внутри меня горит огонь. Горит моя язва. Горит моя душа. Я сжигаю сам себя, и нет такой силы во мне, чтобы справиться с этим пожаром.

— Александр, послушай мой совет, езжай в Канаду, — не успокаивается Шинейд. — Ты пойми, что Ирландия в течение двух столетий рождала эмигрантов, и потому тут ничего не приспособлено, для того, чтобы иммигрантов принимать. В Канаде, ты будешь равный среди равных, так как это страна эмигрантов. Пополнение населения за счёт притока иммигрантов, это национальная политика той страны. Политика Ирландии, как раз, наоборот. Иммигранты не нужны Ирландии.

— Ну, подожди, нам дали разрешения на работу. То есть, нас пригласили сюда и гарантировали нашу занятость, — не соглашаюсь я с Шинейд.

— Это было временно. И вообще, вас русских не любят. Причём не любят во всём мире! Вот, китайцев, если самих не любят, то, по крайней мере, их терпят, они же в каждом городке

снабжают людей своей едой. Нас ирландцев, тоже, в принципе, везде любят, потому что нас много в каждом государстве. Только взгляни, с каким размахом отмечается день Святого Патрика в других странах мира, особенно в Америке.

— Но почему нас русских не любят, с чего ты взяла? — совершенно запутан я.

— А очень просто, Александр, очень просто. Я люблю историю, читаю много исторических книг. И из большинства книг видно, что во второй мировой войне победили американцы, а про русских умалчивают. Мои родственники в Америке, вообще считают, что в той войне русские воевали на стороне Гитлеровской Германии. В любой книжке ты увидишь первых американцев на Луне, но нигде не сказано про вашего Гагарина и других первооткрывателей космоса. Теперь, видишь, как вас не любят? Короче, езжай в Канаду, иначе ты всегда будешь здесь чужим. Ты здесь всегда будешь человеком второго сорта.

— Зачем ты говоришь мне это, Шинейд? Когда-нибудь я уеду домой и забуду всё это, как страшный сон.

— Я знаю, что говорю, Александр, если ты прожил пять лет, то проживёшь ещё пять. Если прожил десять, то незаметно проживёшь ещё десять. У меня у самой брат в Америке, сестра в Англии, и ещё пара кузенов в Австралии и в Новой Зеландии. Все уехали на пару лет, а не возвращаются уже в течение пятнадцати лет! Я знаю жизнь, Александр. Ты попросишь жильё в районной администрации, и тебе откажут, потому что у тебя есть право только на работу в этой стране. Ты захочешь пойти учиться, и тебе предложат платить пятнадцать тысяч в год, потому что ты не являешься гражданином Евросоюза. Пятнадцать тысяч евро в год, у тебя есть такие деньги? Ты попросишь в банке кредитную карточку, и тебе откажут, потому что ты перелётная птица. Послушай меня, езжай в Канаду...

— Ну что ты заладила, Канада, Канада. Хорошо, пускай там лучше, но ностальгия моя не закончится, а только усугубится!

— Что это такое ностальгия?

— Тоска по родине.

— А-а-а, хоумсикнесс? Понятно.

— Вот-вот, именно, болен тоской по дому, как это пугающе правильно звучит по-английски, хоумсикнесс. Грубо говоря, я болен. Точно, ностальгия, это болезнь.

— Ты её не вылечишь, Александр. Потому что это твоя болезнь не тоска по дому, а тоска по твоей молодости, которую, вот уж точно, никогда не вернёшь.

— Нет, нет, Шинейд, я скучаю по родному дому!

— Александр, по какому дому? Ты сам запутался, у тебя нет

своего дома в России! Ты забыл это? Тебе некуда возвращаться! Тебе нужна перемена места, езжай в Канаду, Александр!

— Как-то неуверенно звучат твои слова, — обращаюсь я к Шинейд, которая подбирает слова, видимо, отсеивая что-то ненужное, — ты что-то недоговариваешь, Шинейд!

— Да, Александр, да ты прав, я думаю вот о чём, я думаю, что ностальгия она как аллергия. Ты не вылечишь её лекарствами, как можно вылечить грипп или мигрень. Когда есть аллерген, то есть и аллергия, нет аллергена, нет и аллергии. Если ты уедешь в другую страну, аллергия на границу не исчезнет, тебе нужно возвращаться домой, Александр.

— Ты уверена, что это поможет?

— Это не просто поможет, эта гарантия того, что ты будешь здоров! Представь себе, что сюда приедут твои дети, потом ты состаришься, и, умирая, ты будешь завещать детям, чтобы они похоронили тебя в земле предков, там, где лежат твои родители. Поверь мне, это будет так. В конечном итоге, ты вернёшься на родину, но поедешь туда в цинковом гробу. То же самое ожидает твоих детей. Ты обрекаешь свою семью на самообман.

— Но ты знаешь, Шинейд, как там всё обустроено, а тут всё-таки цивилизация...

— А что ты сделал для того, чтобы, там, на родине, сделать что-то для этого обустройства? Ты опустил руки и сбежал на заработки. Если ты такой талантливый, почему ты не совершил благородный поступок на своём месте?

— Не знаю, может, у меня не было денег, для того, чтобы сделать что-то доброе...

— Нет денег для того, чтобы делать добрые дела, ты считаешь это объяснение достаточным? В нашем округе баллотировался один молодой человек из России, он выступал от партии зелёных, он видимо хотел научить нас как жить. Чему он может нас научить? Неудивительно, что он не получил кресла. Я думаю, что все избиратели полагают так: если ты такой талантливый, то почему ты не стал депутатом у себя дома в России? Стань депутатом там, поменяй всё к лучшему, а там, мы поглядим, может ты нам и понравишься.

— Что же мне ехать домой и там стать депутатом?

— Именно! Сделай так, чтобы всем стало хорошо на родине, если ты знаешь, что тоска по дому так мучительна, отдай жизнь на построение нового мира, а не на рабство за границей! Езжай домой, Александр!

Здравствуй, мой милый, Александр!

Приятно получить от тебя письмо и открыточку.

Спасибо тебе огромное!

Уже три дня хожу как чумная — вечно невысыпаюсь.

В городе так красиво сейчас! На деревьях зеленые листочки, как будто их намазали маслом, так они блестящи и яркие, цветут тюльпаны, нарциссы. Расцвела сирень, черемуха, вишня. Начинают цвести яблони. Погода до вчерашнего дня была чудесная. Только вчера подул с севера свежий ветер и принес нам холод. Черёмуха цветет, одним словом, верный признак смены погоды.

Сижу на работе и мёрзну, да и дома стало очень прохладно. Спали все в пижамах, прижавшись тесно, как горошинки в стручке, друг к другу. В такие моменты мне так не хватает твоего тепла. Вышла, как-то утром, на балкон и заплакала, вспомнив, как ты вытаскивал меня упирающуюся в одеяле на балкон и мы с тобой пили кофе. Утёрла слезы и пошла будить деток. «С добрым утром доченьки!» — «С добрым утьём мамочка!»

В праздники смотрела все фильмы, которые начинались после одиннадцати вечера, и заканчивались они не раньше половины второго часа ночи. А фильмы были такие замечательные, русских режиссёров. Один из них «Свадьба» Павла Лунгина, помнишь, о нём говорили много, он ещё был представлен на Каннском фестивале? В основе сюжета очень простая история: жить не на что, а жениться хочется, ну прямо как у нас с тобой.

История этого фильма настолько наивная, что через неё проступает парадоксальность и абсурдность нашей жизни, в нём и счастье и трагедия. Знаешь, милый, способность ощущать несчастье — это шаг к ощущению себя, а затем к формированию личности, это один из этапов самосознания. Мы с тобой, наверное, как раз и стоим на пути формирования наших личностей. Я боюсь, что фильм может быть понят только русскими зрителями. Надеюсь, мы обязательно посмотрим с тобой этот фильм, когда ты приедешь навестить нас.

На 1-е мая мы ездили к маме на дачу. Я замариновала шашлык, по-моему, получилось очень здорово, только может быть слегка островато. Настя и Саша пиццали: «Горько, горько!» имели в виду остро. А Лена только нахваливала, ела. Ходили по саду раздетыми, загорали, правда, был ветер. Конечно же, детки на следующий день закашляли. В два голоса кашляют. Опять я их лечу. Кошмар какой-то.

Этот год вообще какой-то дурацкий. Все бодем

беспременно.

Приезжай к нам, наш ласковый, вылечи нас своей любовью!

Я собрался с духом и сказал своему хозяину Падди, то, что мы получаем смехотворно нищенские деньги, что это незаконно платить нам за килограммы, и то, что существует закон согласно которому, он должен нам платить согласно отработанному времени.

— Работай быстрее, Александр, быстрее. Всё в твоих руках. Плевать на закон, закон это бумага. Закон меня не интересует, Александр, здесь на ферме я законодатель. Я тут устанавливаю законы Александр, ясно? Так что быстрее, и ещё раз быстрее! Вдохнул — выдохнул и вперёд!!!

Я самый быстрый сборщик грибов на этой ферме. Я чемпион, хотя никто не фиксировал поставленных мною рекордов. В оптимальном соотношении скорость и качество, равных мне нету. Я не горжусь этим, вовсе нет. Просто мне интересно, сколько же получают наши ирландские леди. Они, местные жительницы, защищены законом и поддерживаются профсоюзом. Неужели они будут работать за такие же центы?

В час я собираю три коробки с грибами каждая весом в четыре фунта. Эти грибы называются пуговики из-за маленького размера и аккуратной формы. За одну коробку Падди платит 82 цента. Это 2.46 евро в час. До прихода евро, в фунтах это было ещё меньше...

Да, это правда, что на родине я зарабатывал эти деньги за два дня работы... но где справедливость? Я никогда не поверю, что наши леди получают меньше меня — ведь работают-то они медленнее...

Я каждый день порываюсь высказать ему всё, что я о нём думаю, но каждый раз он охлаждает мой пыл своей броневой логикой:

— Падди, так больше не может продолжаться, с такой оплатой я не могу накопить даже скромной суммы, — жалуясь я.

— Да что ты говоришь! А знаешь ли ты, Александр, что вы обошлись мне очень дорого. Я за каждого из вас заплатил Брайену по тысяче фунтов наличными, плюс по семьсот фунтов госпошлина за ваши рабочие разрешения. Твой дружок кинул меня, и кто теперь компенсирует мои расходы, а?

— Это цинично, Падди, твои расходы, это твои расходы, — голосом полным тоски отвечаю ему.

— Я твой добрый друг, Алекс. Я тебе предоставляю выбор.

— Когда Брайен встречался с нами в Москве, он обещал оплату по закону, и это было смыслом поиска работы за

границей. О каком выборе ты говоришь, если на ферме закона не существует?

— Забудь о Брайене. В России ты зарабатывал один доллар в день и точка. А тут у тебя есть выбор: работаешь медленно — получаешь мало, работаешь быстрее — получаешь много! Поторапливайся!

Падди стоит рядом, достаёт из кармана пачку сигарет. С удовольствием затягивается. Пачка стоит... Боже, она стоит три часа моей работы. Пачка стоит тысячу циклов «Спина гнется. Вниз — вверх. Вниз — вверх. Вниз — вверх. Вниз сорвал четыре грибочка. Вверх уложил их в коробочку». Тысяча движений за пачку сигарет. Тысяча движений за возможность травить себя.

Это издевательство. Конечно, нет! Он не имеет этого в виду. Он просто курит собственные сигареты, купленные за собственные деньги.

Люди! Скажите мне, почему тогда, когда я стою в магазине я отказываю себе купить шоколадку? Шоколадку, которая стоит всего... триста циклов «Спина гнется. Вниз — вверх. Вниз — вверх. Вниз — вверх. Вниз сорвал четыре грибочка. Вверх уложил их в коробочку». Целых триста движений за одну единственную шоколадку. Целых триста движений за возможность в течение трёх минут порадовать себя.

Ура! Я купил себе батончик «Сникерс»! Я принёс его к себе в вагончик. Развернул обёртку. Сижу, смотрю. Вдыхаю аромат. Невероятно, «Сникерс» благоухает восхитительным ароматом. Кто-нибудь обращал своё внимание на это?

Я разрезал «Сникерс» на двадцать тоненьких ломтиков. Острым ножом.

Двадцать поперечных срезов батончика «Сникерс».

На каждом из них кольца жареных орехов.

Я ем каждый день по пять ломтиков. После обеда.

Покушал свой суп. Потом закрыл глаза и одновременно положил в рот ломтик «Сникерса». Катаю его во рту слева направо. Когда он, наконец, тает, я его медленно пережёвываю. Бог всемогущий, как я счастлив!

Когда проходит послевкусие, я кладу в рот второй ломтик, и также растягиваю удовольствие.

Четыре дня я ощущал себя состоятельным человеком.

Четыре дня настоящего счастья.

Как мало мне надо.

Интересно, тот человек, который, закидывает «Сникерс» в свой желудок, обыденным привычным движением, как полено в печьку, что для него четыре дня счастья?

— Чем ты недоволен, Александр, ты зарабатываешь больше,

чем в России, не так ли? Работай быстрее и заработаешь больше. Это капитализм, дружок! Езжай домой, если ты чем-то недоволен!

Кто нас защитит?

— Чем ты недоволен, Александр? Я купил вам вагончик. Я тебе дал работу. Сиди и работай. Будь доволен. А если вздумаешь кого-то звать на помощь, я отвезу тебя в Белфаст, отведу в полицию, и тебя депортируют в 24 часа, как нарушителя границы Объединённого Королевства и до свидания деньги, до свидания мечты!

Кто нас защитит?

Сволочь!

Паскуда! Я убью его!

Да, это был мой выбор! Одними молитвами я не смогу накормить своих детей. Я сознательно выбираю это унижительное рабство и это мой крест. Я несу его на свою Голгофу, и очевидно, моя Голгофа уже предопределена для меня в участке полиции Белфаста. Я несу свой крест, а Падди несёт молоток и гвозди.

Я часто задумываюсь, почему мы носим на груди такой печальный знак — крест с распятым Христом? Ведь, совсем не радостно видеть на своей, или чей-то ещё груди образ умирающего в невыносимых муках человека. Почему бы не поменять его на что-то более позитивное, миролюбивое? Понял я, что делать этого нельзя, так как это напоминание нам о том, ценой каких страданий собственного сына заплатил Бог за то, чтобы мы с вами имели сегодня веру в добро, веру в надежду, веру в силу любви.

Я закрываюсь в туалете. В туалете маленькое окошко. Это маленькое замкнутое пространство. Тут я могу побыть сам с собой. Тут я могу побыть самим собой. Никто не может мне помешать смотреть вдаль. Я смотрю туда, где за линией горизонта, далеко — далеко, моя мама, жена и дети. Никто не помешает мне потосковать в туалете. Что же это делается, люди добрые? Неужели только из туалета я могу попытаться увидеть своих любимых? Да, только отсюда, иначе Падди увидит минуту моей слабости и снова: «Работать, Александр, Работать!»

— Как мне тяжело, Шинейд, — обращаюсь я в пустоту, но я знаю, что она — моя подруга слышит меня. Мы работаем так быстро, что не успеваем посмотреть в глаза друг друга, — Как мне хочется, чтобы моя жена была тут, со мной, мне было бы гораздо легче. Знаешь, Шинейд, мне даже никого секса не нужно. Вот просто сидел бы и смотрел на неё, и всё, больше ничего не надо.

— Так ли, Александр, а ты не лукавишь? Все мужчины одинаковы, и на уме у вас у всех одно и одно и то же!

— Ну, хорошо, Шинейд, я должен признать, что порой кажется, что яйца, словно кто-то выкручивает. Ощущения, как будто тебе зажали твоё хозяйство в тиски и сжимают и тянут. При этом боль такая, что хочется свернуться клубком, как улитка.

— Александр, это уже грязные мужские разговоры, — корит меня Шинейд.

— Шинейд, ты первая начала! И к тому же, это просто физиология, грубо говоря, мы все животные и ведём себя соответственно.

— Александр, вот это уж совсем неприятный разговор, это даже Богохульство, вот, что это!

— Я не против Божественного начала, мне просто хочется языком почесать, смеюсь я, вот скажи мне, бывает ли у тебя такое, ты открываешь йогурт, и хочется лизнуть крышечку?

— Ну, допустим, бывает, ну и что из этого? — не чувствует подвоха Шинейд.

— Сейчас объясню, скажи ещё, пожалуйста, Шинейд, есть ли у тебя собака или кошка? — продолжаю мучить её я.

— Да, две собаки и три кошки, ну и что из этого?

— А вот, что, ты понаблюдай за ними, и обрати внимание на то, чем они заняты, когда им нечего делать. Понаблюдаешь за ними и поймёшь, почему тебе хочется лизнуть крышечку йогурта.

— Александр, ты дурак и развратник! — хохочет Шинейд.

— Нет, Шинейд, я не дурак, я просто слишком глубоко внедрялся в изучение физиологии!

— А если, серьёзно, по-взрослому, Александр, ну ты же можешь сам себя удовлетворить, не так ли? — с сочувствием обращается ко мне Шинейд.

— Ох, Шинейд, вот то, что ты говоришь, вот это уже по-настоящему разврат.

— Ну почему же, Александр, вот это как раз и есть физиология, — подхватывает мою весёлую ноту Шинейд.

— Видишь ли, это совсем не равнозначная замена. И что самое главное, Шинейд, чувствуешь себя после этого таким опустошённым, как выпотрошенная курица. Ты думаешь, что это удовлетворение? Нет! Это провокация собственному сознанию. После такого самообмана, приходят угрызения совести, и не потому, что это плохо, как объясняют подросткам. А потому, что это унижительно, эстетически неприятно и с моральной стороны, просто похабно.

Борис, это человек торнадо. Во всей его фигуре и в походке чувствуется уверенность человека способного подкинуть автомобиль. Его взгляд прищипливает тебя, как иголка бабочку к листу картона. Приятно находится рядом с Борей и знать, что он твой друг. Возле него ощущаешь себя в безопасности и веришь, что ему всё по плечу, перед ним открываются любые двери, и, наверное, все вокруг хотят ему услужить.

— Угадай Саш, — спрашивает меня Боря, — Почему я приехал в Ирландию?

— Ну и почему? — интересуюсь я.

— А вот почему, знаешь ли, родом я из Сибири, но последние десять лет я жил в Риге, в Латвии. Когда я потерял последнюю работу, и искал новое место, то куда бы я не пытался устроиться, везде я встречал объявление «Негров на работу не принимаем!»

— Ну, и с какой стороны ты негр? Ты что, как Майкл Джексон, в хлорке отбеливался?

— Почти. Дело в том, что у нас, в Латвии всё население разделилось на местное население и на пришельцев. Паспорта выдают латышам, а нам — инопланетянам, выдают удостоверение не гражданина.

— Удостоверение кого? — недоумеваю я.

— Не гражданина страны! Эта нелепая формулировка сокращается до аббревиатуры «Негр». Вот они и пишут объявления: «Негров на работу не принимаем!»

— Одуреть можно!

— Вот именно. У нас вообще нет паспортов. Неважно, что ты прожил там двадцать лет, они решили, что если ты русский, значит, ты гражданином не можешь являться, это тебе такой ультиматум — выметайся из страны!

— Невероятно, ведь при СССР была дружба народов, так это называлось.

— Какая, на хрен, там дружба! Ты знаешь, что там сейчас происходит? Латвия, это оплот неонацизма, это гнездо европейского фашизма! Это национальное безумие, Александр. Представь себе, что латыши одевают форму немецких солдат времён Второй Мировой Войны с нацистской свастикой, и маршируют по улицам совершенно беспрепятственно! Те люди, кто сражался на стороне Гитлера, в Латвии являются национальными героями, они получают правительственные награды.

— Я знаю, что в Германии проявления нацизма караются

немалыми штрафами, или даже тюремными сроками. По крайней мере, об этом говорят по телеку.

— Очень может быть, но Германия и весь Евросоюз закрывают глаза, глядя на Латвию. Они знают, что в Риге нацизм процветает и поддерживается на государственном уровне. Представляешь, в неофашистских парадах участвуют представители правительства и министерства обороны Латвии, известные парламентарии. Практически это получается так: проснулся, умылся, сходил в церковь помолился богу, вернулся домой, надел форму фашиста и пошёл маршировать по улицам, выкрикивая: «Смерть евреям, русские вон из Латвии!» При этом, полиция защищает шествия фашистов, физически расправляясь с антифашистами. В Европе всё об этом знают, но приняли Латвию в Евросоюз и прощают им этот грех.

— Ну почему, как такое может быть, почему им это прощают?

— Очень просто, всем миром рулит Америка. Латвия является членом НАТО. Если Америка и НАТО разместят свои ракеты в Латвии, то, они смогут долететь до Москвы за пять минут. Латвия, это американский плацдарм для нападения на Москву.

— По-моему, все государства вдоль российской границы, являются членами НАТО.

— Именно, Саша, именно, нас взяли в кольцо!

— Бедная моя Россия. Точнее она, конечно достаточно богатая, но именно поэтому она так всех раздражает, все пускают слюнки, мечтая о её площади и недрах.

— Именно поэтому фашизм будет процветать, а американцы будут спонсировать этих неофашистов, чтобы антироссийские настроения проявлялись ещё горячее. Я ненавижу эту латышскую политику, а у латышских политиков аллергия на нас, на русских.

— Знаешь, Боря, я так жалею, что не стал врачом. Я бы изобрёл вакцину от такой вот аллергии на людей, от аллергии на соседей, от аллергии на чужой успех. Да, и к тому же была бы актуальна вакцина от жадности и зависти, наверное, нацизм, как раз и зиждется на зависти и жадности. И такую вот вакцину следовало бы прививать всем людям прямо в роддоме, в первый день жизни.

— Такая вакцина уже существует, и имя ей христианство.

— Да, Боря, рассмешил! К сожалению и христианство, и иные религии это далеко не вакцина. Допустим, что это лекарство. Знаешь ли ты, что при администрировании лекарственных препаратов необходимо соблюдать пять правил, чтобы не совершить ошибку: Правильный пациент, Правильное лекарство, Правильное время, Правильная доза и Правильный способ

приёма. Что-то не так, и последствия могут быть непоправимы — передозировка и так далее. Видишь, сколько условий? Вакцина должна действовать безусловно. Христос был прав, но как сделать так, чтобы все десять заповедей функционировали безусловно?

— Саша, поверь мне, это будет очень скоро, когда людей можно будет программировать, какой-нибудь Гугл скоро изобретёт такой способ.

— Ага, в результате Гугл поможет Латвии избавиться от негров!

— Очень на это надеюсь, но в первую очередь, такую программу я бы инсталлировал членам правительств и депутатам местных администраций, чтобы не поддавались коррупции. Надо срочно кинуть мыло в Гугл, пусть поторопятся с такой программой!

— Да-да, пусть не затягивают! Знаешь, насчёт этой цветовой дифференциации, что я тебе скажу? Меня в детстве обзывали жёлтым, я очень хорошо помню, как мне было тогда обидно. Бесспорно то, что в этой дискриминации виноваты те, кто называет себя белыми. Я считаю, что они должны признать это, и то, что такие формулировки звучат оскорбительно: белый, чёрный, цветной. Они сами должны урегулировать баланс дискриминации сместив негатив в свою сторону таким образом: называть всех иных людей «одаренные цветом», а себя «лишённые цвета», и тогда всё будет по-честному!

— Саня, я согласен быть «лишённым цвета», лишь бы во всём мире люди любили и уважали друг друга.

Несчастный и беззащитный мой друг Боря. Со своей богатырской удалей он мечтал о счастье всех народов, он и не думал, что перепрограммировать в первую очередь нужно было его хозяина Падди Смита, потому что тот уже готовил ему свой сюрприз, даже и не думая о том, что перед Борей должны открываться любые двери, и что, наверное, все люди хотят ему услужить. Падди Смит не торопился услужить Борису.

*Здравствуй, мой единственный и любимый,
Александр!*

Сегодня отвела Анастасию в школу, она очень не хотела идти, так как большинство детей из их класса летом не будут ходить в школу. Она просила меня оставить её дома одну. Конечно, я не позволила ей этого.

Сашенька стала такой толстушкой-пухлюшкой. Как колобочек, в последнее время на аппетит не жалуется. Всё время ходит, жуёт что-нибудь. Посажу её, наверное, на диету, а то скоро, вообще не подниму. Весит уже 15 кг,

и ростом 88 см, хотя остается самой маленькой в группе из девочек.

Спасибо, что ты выслал нам »50, но этого так мало, ты бы знал. Этого едва хватит, чтобы погасить все мои долги. То есть долги раздам, а что дальше? «Ну вот, опять жалуется», скажешь ты. Ну а кому жаловаться-то? Твоим родителям я не могу, зачем мне упрёки лишние. Думала, что всё потяну, и дети и работа в две смены... но знаешь, с каждым днём понимаю, что мне становится всё труднее и труднее.

Вчера приходим домой, Лена забрала детей из садика, дома — бардак. Валяется всё: одежда, скинутая после садика, игрушки, мелкие пуговицы и канцелярские скрепки, которые засунуты почему-то в туфли... Саша бежит около меня: «Хочу кушать!» Увидев всё это, мне захотелось просто сесть и заплакать.

Вчера отключали дома газ, уже третий день нет горячей воды, отключили её внезапно, в связи с какой-то очередной аварией где-то. Ты, конечно же, понимаешь, что в такой ситуации обыденные жизненные вещи я уже не воспринимаю с юмором.

Мы ждём тебя, с такой тоской, ты не представляешь, мне уже становится всё труднее унимать Настины слёзы и переживания по поводу того, что она хочет к папе. Меня это тоже расстраивает, но что делать? Настя сильно закашляла, с таким надрывом, через каждые десять минут прямо захлёбывается им. Ругаю её, наверное, где-то нашла деньги, и купила себе мороженое, съела его и в результате заболела? Отнекивается, говорит, что нет.

ЛЮБЛЮ тебя, мой милый, и целую!!!

Бедный мой друг Борис. Хозяин попросил его не работать в течение двух месяцев. Не сезон. Нет работы. Добрые люди, ирландцы на работе, подсказали: «Ты можешь пойти в офис социальной помощи и попросить пособие по безработице на эти два месяца».

Когда его Падди Смит узнал о том, что Боря планирует попросить пособие, он был взбешён. Ругался на пределе своих ругательских возможностей. Хорошо, что Боря не понимал из сказанного почти ничего. Но эмоциональный накал был ясен вполне.

— Саня, скажи, с чего бы это? А? Почему он не позволяет мне просить пособие по безработице?

— Ты на самом деле хочешь знать?

— Конечно. Я раньше не видел его таким бешеным.

Я подумал и предложил Борису единственное разумное объяснение:

— Очень просто, Боря, охотно отвечу, всё очень несложно. Твой хозяин не платит за тебя ни налогов, ни социальный отчислений. Вот он и боится, что весь его обман откроется, и его возьмут за жопу. Я тебя поздравляю, Борис, ты работаешь нелегально! И у тебя не будет ни пособия, ни больничного, в случае болезни. И представь себе, ты не заработаешь своей пенсии, потому что ты нелегальный работник!

Боря сидит у меня в вагончике и отказывается включить свой мозг. Мозг не способен усвоить математическое уравнение, и срабатывает система самосохранения — мозг отключается.

Уравнение элементарнейшее. Икс равняется игреку. Икс — доходы Бориса, а игрек — его расходы. Мозг пытается осознать, для чего же он приехал за восемь тысяч километров, и не находя ответа, отключается.

— Саш, я оставлю тебе сумку, в ней мои книги. Книги по философии и восточным единоборствам. Я приеду за ними... приеду когда-нибудь. Я так больше не могу. В этом прозябании нет смысла.

Боря сел на свой велосипед. Коленки упирались ему в грудь. Он был похож на клоуна из дешёвого цирка Шапито, которому достался детский велик вместо обычного.

— Каких-то 110 километров до Дублина, Саня, я спортсмен. Я верю, что смогу найти место, где меня будут уважать! Пусть уважение будет выражаться лишь только деньгами, а не словами, я это переживу!

За сумкой с книгами, Боря больше не вернулся.

Я потерял друга.

Бог видит кому тяжело. Он обязательно даёт новый шанс, нужно только уметь им воспользоваться. Случайно в магазине я увидел парня, у которого во взгляде было написано: «Я русский!»

Это невозможно подделать. Никакой актер в Голливуде не сможет повторить такое выражение глаз. Это от природы. Русского в толпе ты выделишь всегда безошибочно. В его взгляде всегда безнадежная усталость и испуг. Лев Толстой сказал: «Глаза это зеркало души». Я уверен, что глаза русского человека, это отражение его нелёгкой и запутанной судьбы.

Очень хочется заглянуть в американские глаза. Заглянуть бы в глаза Кевина Костнера или, скажем Бреда Питта^[11]. В их глазах отражение успеха, отражение американской мечты. В тех, американских глазах отражение стремления к победе, отражение свободного образа жизни. Отражение свободы.

Глаза Падди, это отражение бокалов Гиннеса. Отражение бокалов Гиннеса с крепкой пеной нежно кремового цвета. А на пене, ловкая рука бармена, вывела силуэт листка клевера с тремя неизменными символами \$£€.

— Александр, ты должен купить себе мобильный телефон. — заявил мне Падди.

— Зачем? Мне не нужны лишние расходы.

— Во-первых, я буду тебе звонить и сообщать, какого размера грибы стоит собирать и так далее, а во-вторых, мне не нравится, что ты звонишь из моего дома.

— Так, я звонил-то всего два раза.

— Всё равно, Алекс, купи себе мобильный телефон! — сказал Падди с раздражением.

Я стою в магазине. Дрожащими руками держу трубку. Это невиданное и неслыханное чудо — собственный телефон в кармане. Это недоступная мне диковина, словно явившаяся из сумочки гламурных аксессуаров Пэрис Хилтон^[12].

— Сколько стоит?

— Восемьдесят евро.

«Восемьдесят евро?» Это восемь тысяч циклов «Спина гнется. Вниз — вверх. Вниз — вверх. Вниз — вверх. Вниз сорвал четыре грибочка. Вверх уложил их в коробочку». Мне очень жаль своих, затраченных на труд, усилий.

— Спасибо, я найду в следующий раз, — сказал я и отложил покупку мобильного телефона ещё на пару лет.

Виталий, так звали того русского парня с которым я случайно встретился в магазине.

Я слушал его, разинув рот и не веря собственным ушам.

Платят ему по закону. За дополнительные часы платят проценты сверху. За субботу — тоже проценты. Воскресение — выходной, а кроме того, какое-то чудо: «паблик хolidей»^[13]. Означает это, что в праздники они отдыхают! А уже если работают, то платят им двойную оплату!

Я слушал его левым полушарием головного мозга, а правым полушарием уныло прикидывал свои потери... выходило, что за пять лет каторжных работ на Падди я не дополучил примерно пятьдесят тысяч евро... а может и шестьдесят...

Нашей дружбе не суждено было продолжиться. На следующий день, Падди улучил момент, когда я остался один в маленькой кухоньке на его ферме и пригрозил:

— Встречаешься с новыми друзьями, Александр? А не слышал ли ты слухов?

— Каких ещё слухов? — от заговорщицкого тона его голоса и от непонятного начала разговор я был совершенно растерян.

— А таких слухов! Все соседи вокруг говорят, что ты торгуешь наркотиками!

От глубины маразма сказанного им, закружилась голова, будто бы я стоял на краю пропасти. И вероятно именно к этой пропасти Падди меня подталкивал.

— Не слышал? А я слышал, что ты заводишь дружбу, с кем не следует. Так вот, смотри Александр, если я узнаю, что ты встречаешься с Виталием, это будут не просто слухи о том, что ты торгуешь наркотиками. В это будут вовлечены сотрудники полиции. Делай выводы, Александр!

Как? Как? Как?

Каким образом мне увидеть хоть какого-нибудь человека? Кто сможет поделиться опытом и рассказать, как бороться за свои права, как попытаться сдвинуть с места эту скалу безумной эксплуатации?

Я хочу купить автомобиль. Или хотя бы мопед, чтобы можно было выбраться куда-нибудь, в общество.

— Александр, я не советую тебе покупать машину. Это безумно дорого. В этой стране, машины не у каждого. Машина это жуткие расходы: страховка, налоги, обслуживание. Александр, купи себе пони!!! Я не против, пусть пасётся позади твоего вагончика. Всего триста евро! — весело сказал Падди.

Морщинки вокруг его глаз сплелись в весёлую паутинку. Я чувствовал его удовлетворение. Он получал удовольствие от того, что отказывал мне.

— Ну, неужели, даже самая недорогая, самая маленькая машина будет стоять так дорого? А мопед?

— Даже не думай, Александр, даже и не пытайся! Мопед —

это мгновенная смерть. Заказывай такси и поезжай куда надо и когда хочешь. Копи деньги, жизнь будет не лёгкой!

Я коплю. Я хочу накопить на адвоката, который сможет мне помочь вырваться из плена диктатуры. Сбросить с пьедестала этого всемогущего самодержца. Прищемить хвост тому, который диктует мне с кем общаться, куда ездить. Вставить мозги тому, который контролирует каждый мой шаг, только бы я не знал законов трудового права, только бы я не имел возможности встретиться с представителем правозащитных органов.

Здравствуй, мой милый муженёк, мой хороший, Александр!

Мы уже ели первые ягоды клубники. Ездили в субботу к моей маме на дачу и собрали там одну тарелочку. Детки каждый день просят теперь, чтобы я им купила клубники. Трёхлитровый бидон стоит ».50- 1.70, ужас, как дорого! Ни за что не куплю! Ждём, когда созреют свои ягоды на даче у бабушки.

Заставляю девочек чистить зубы каждый день. Только делают они это с неохотой. Всему виной, наверное, ледяная вода, которая сводит зубы до ломоты. Я уже не помню, как это бывает хорошо, когда существует горячая вода.

Никак не могу приучить девочек ложиться спать одних. Саша без меня не может уснуть. Если я сержусь и ухожу читать в ванную комнату, то она сядет на кровати и плачет и канючит: «Мама, хочу спать с мамой». Моё сердце не выдерживает, и я опять иду к ней, ложусь с ней рядышком. Её обязательно нужно обнять, прижать к себе, только после этого она уснет. Ну а я после такого расслабления рядом с дочками, уже не могу привести себя в порядок и делать что-то.

Дни становятся длиннее, так что вчера я ходила гулять с Сашей после восьми вечера. Она обожает качаться на качелях, и просит, чтобы я раскачивала её высоко. Ей страшно, она визжит, но просит раскачивать ещё сильнее. Когда залазит на лесенку-стенку в нашем дворе, то каждый раз кричит: «Папа, папа, сними меня!» Все прохожие люди оборачиваются и смотрят на нас с жалостью...

Как нам тяжело без тебя... Скучаем...

Приснись мне сегодня ночью. Целую, твоя жена.

— Знаешь, Александр, я так тебе сочувствую, — Шинейд собирает грибы на своей стороне полки и обращается ко мне. Одновременно говорит и убирает грибы.

— Спасибо, Шинейд, ты настоящая подруга.

— Я хочу поделиться с тобой своим горем, Александр, веришь ли, что и нам, местным людям тоже, порой, приходится сложно жить. Моя дочь инвалид с детства, её нижняя часть тела парализована. Недавно мы получили письмо посетить врача в больнице в Дублине. Представь себе, приём был назначен на три часа дня. Там мы были в 2.45. Всё время моя дочь находится на инвалидной коляске. Постоянно на коляске. Она вынуждена страдать бесконечно. Мы ждали приёма так долго, что готовы были уехать домой. Нас приняли только в шесть вечера! Мы прождали три часа!!! Где справедливость, где сочувствие к инвалиду, где сострадание, где порядок? Когда врач нас принял, то отпустил тут же через две минуты, сказав нам, что сам не понимает, для чего моя дочь была приглашена. Он сказал, что с ней всё в порядке и велел нам ехать домой.

— Это бессмысленно и жестоко, Шинейд.

— Вот и я об этом, Александр. Представь, как мы расстроились и устали, в конце концов.

— Я не понимаю, Шинейд. Врач дал клятву Гиппократу. Как совесть врача, позволяет ему морить инвалида в очереди? Как он может не принять бедного человека по времени?

— Вот именно, Александр — бедного. Ты знаешь, сколько сами врачи получают? Сумасшедшие деньги!

— Да, Шинейд, понятно, что и врачам нужны деньги, но в то же время, лечение людей, это проявление доброты. Доброта должна быть бескорытна.

— Да, это, кажется так, хотя они ведь долго учились, потому они так много зарабатывают.

— Медицина, это призвание, а не бизнес. Понимаешь ли, если у бизнесмена есть возможность обмануть и получить десятикратную прибыль, он обязательно обманет! Какую опасность может представлять врач, который находится в преступной связке с производителями медикаментов? Какую опасность может представлять врач, которому выгодно манипулировать пациентом?

— Не может такого быть, Александр.

— Может, ещё как, Шинейд. Деньги сверх меры рожают снобизм и пренебрежение, а врач должен сострадать. Богатый не

может сострадать и сочувствовать.

— Точно, ты прав, мы были у врача в Дрогхеде. Сам он толстый, полная противоположность здоровому образу жизни. Налицо неумеренность в еде и напитках. И знаешь, что, Александр, он был спесив и надменен. Он смотрел на нас как на волос в тарелке супа.

— Вот и я об этом, врач должен зарабатывать наравне со всеми.

— О, да я погляжу, ты на самом деле Русский коммунист, как про тебя люди говорят!

— Может и коммунист, а может и русский шпион. Это не важно, но я хочу заметить, что в то время, которое в СССР называлось временем коммунистической морали, большинство клятв и обещаний сдерживались добросовестно, и клятва Гиппократ в том числе.

— Пусть так, но с другой стороны, врач должен рисковать своей зарплатой, а не какой-то там глупой моралью.

— Умоляю тебя, Шинейд. Много ли ты знаешь врачей, кто что-то выложил из своего кармана? Ха! Врач рискует собственными деньгами! Как ты думаешь, о чём мечтает молодой человек, который планирует стать врачом? Мечтает ли он исцелять людей и нести добро, таким образом, или делает планы на БМВ, дом за полмиллиона и отдых на Канарских островах три раза в год?

— Да, Алекс, меньше всего, я хотела бы лечиться у врача, у которого есть соблазн — тянуть денежки из кармана клиента. Я не знаю где тут правда, но кроме того, ты знаешь, наши больницы тратят слишком много, возможно на высокие зарплаты врачей. Газеты постоянно говорят о том, что закроют больницу, то одну, то другую, то третью, потому что денег нет. И это ужасно, к чему это ведёт?

— Это хуже войны, Шинейд. Сначала парламент закрывает больницу, потом сокращает количество полицейских участков. Государство, уничтожающее больницы, обрекает себя на самоуничтожение. Вслед за больницами, будут сокращать количество школ, библиотек. Это всё — сигналы растущей слабости страны. Чем она становится слабее, чем острее ощущается потребность в сильном лидере. Как ты думаешь, президент Ирландии, является сильным лидером?

— Нет, президент, не лидер, он всего-навсего тот, кто пожимает всем руки. Он представитель страны, у него официальная роль.

— Если он представитель страны, то кто тогда министр иностранных дел?

— Это неважно, Алекс, у нас есть лидер, это премьер-министр.

— Хорошо, — снова не соглашаюсь я, — если премьер-министр это лидер страны, то объясни, почему, не за него голосует народ, а за того, кого ты называешь «представителем страны», и почему ЛИДЕРА просто назначают депутаты, поделив кабинеты между собой? Тебе не кажется, что когда нет понятия Президентская Власть, то сама позиция президента, это театр абсурда?

— Ты рассуждаешь, о чём не понимаешь, это демократия, Александр.

— Нет, Шинейд, это — партократия. Впрочем, ничего нового. Главное, чтобы люди думали, что это демократия. Мне кажется, я знаю только одну в мире страну, в которой демократия существует на самом деле.

— Постой я сейчас угадаю. Угадала! Россия! И кто же у вас там главный демократ, наверное, Абрамович?

— Вот ты смеёшься, а Абрамович на самом деле главный демократ, но не в России, а на русском крайнем севере, там, где деньги копают из земли, как в Ирландии копают картошку.

— Ну и кто же самый главный демократ в России?

— В России? В России, наверное, Карабас Барабас потому что там живут одни Буратино, которые верят в поле чудес. Я и сам такой же Буратино, я по-прежнему верю в сказки.

— Ну ладно, Алекс, всё понятно, Россия страна дураков и демократия там дурацкая, а в Ирландии то какая демократия?

— Я же говорю тебе, Шинейд, в Ирландии нет демократии, тут партократия. А реальная демократия, только в Швейцарии. Ты хочешь знать почему? Охотно отвечу, в Швейцарии четыре раза в год проводится референдум, и весь народ голосует за принятие серьёзных государственных решений. Четыре раза в год! Вот в это я верю.

— Да, это по-честному, но у нас это не прокатит, потому что некому будет участвовать в референдумах — люди снова уезжают из страны...

— Знаешь, что меня пугает, Шинейд? То, что те люди, которые сейчас едут в Австралию, это хорошие люди. Это трудоголики. Это уезжают налогоплательщики. Кто будет в этой стране платить налоги, если всё трудоспособное население уедет, а останутся одни получатели социального пособия?

— О, это ужасно Александр, но твои слова, это буря в стакане воды. К счастью в стране, в которой всего четыре миллиона жителей, как-нибудь сохранится баланс между плательщиками налогов и получателями пособий.

— Маловероятно. Для этого нужны меры, на которые способен только сильный лидер. К примеру такой, как Ли Куан Ю. Не слышала о таком? Это премьер-министр Сингапура.

— Не хватало нам тут ещё китайских законов!

— Да, у него жёсткая политика. К примеру, в Сингапуре существует смертная казнь за наркотрафик, представь себе, каждого приезжающего об этом предупреждает билет на самолёт. И я верю, что пока Лимерик, называют «Стаб Сити^[14]», необходимость в настоящем лидере в этой стране возрастает неуклонно.

— Алекс, смертная казнь это жестоко и бесчеловечно.

— Проявлять ложный гуманизм, вот что жестоко и бесчеловечно. Да, да! Если законы не будут жестоки по отношению к наркодиллерам, они будут продолжать проявлять жестокость по отношению к нашим детям, подсаживая их на наркоту.

— И, всё-таки, Алекс, смертная казнь противоречит гуманизму, потому что человек, это высшая ценность!

— Для наркодиллеров, наши дети тоже высшая ценность, точнее, инструментальная ценность ввиду их коммерческой привлекательности. С точки зрения гуманизма, что важнее, спасать невинные жертвы, которыми становятся наши дети, или содержать в тёплой тюрьме и с ресторанным питанием жестоких преступников?

— Ой, Алекс, ты меня совсем запутал.

— А, я думаю, Шинейд, что если бы преступников, к примеру, не сажали в тюрьму, а выжигали им клеймо на лице, то это было бы гораздо гуманнее по отношению к налогоплательщикам — бюджет целее, гуманнее по отношению к обществу — люди будут видеть, кто их окружает, гуманнее к подрастающему поколению — такое клеймо будет нести замечательный воспитательный эффект — разве захочется кому-то иметь на лбу или щеках безобразное клеймо?

— На такое нужно решиться. У нас есть, парламент, вот они пускай, и решают, как сделать национальное благополучие стабильным. Мы за них голосовали!

— Извини, я вернусь к китайцам. Они способны не только продавать дешёвую еду в забегаловках. Китайская цивилизация, это кладезь мудрости. Веришь ли, китайцы говорят, что тысяча мышей не заменит одного слона. Такие вот, дела, дорогая Шинейд.

— О, Алекс, я помню этого вашего слона, он пил водку ведрами. А когда он прилетел в Ирландию то не смог выйти из самолёта, так он напился! — и Шинейд захохотала, закрывая

глаза тыльной частью ладони, видимо представляя, как Президент России Борис Ельцин, боролся с земным притяжением в салоне самолёта. — Это был точно слон, такого можно в цирке показывать!

— Да, Шинейд, я понимаю твоё веселье. Наверное, Ельцин был слоном в этом деле. Но лучше бы он был на самом деле слоном, тогда бы он не развалил СССР, а для того чтобы управлять такой империей, необходимо быть слоном.

— Что ж, Россия, по-прежнему самая большая страна в мире, и ваш Путин, уж слон наверняка?

— Путин? Путин, не только слон, он и ферзь, он и король, он триедин! А что ты думала? Чтобы управлять империей, нужно быть трёхголовым драконом, а иначе и Россия развалится дальше на отдельные княжества.

— Ну и что, это что ли ваша хваленая демократия? Чем ваш Путин отличается от Сталина? Это ведь тот же самый тоталитаризм!

— Я ещё раз повторю, Россия, это огромная федерация, это страна одна часть которой — Европа, а другая — Азия. В каждом жителе уживаются и борются между собой два сознания: европейское и азиатское. Если европейская часть сознания гражданина, понимает демократию, под возможностью устанавливать законы, то азиатская составляющая его сознания, предпочитает видеть демократию, как возможность обходить законы. У россиянина в голове «Кровавая Мэри» — половина водка, другая половина томатный сок. Теперь ты видишь, как не просто управлять таким коктейлем? Поэтому нам и нужен тоталитаризм, если Российского президента официально назовут императором, то я обеими руками проголосую «За»!

Ашлин идет вдоль полок. Проверяет качество работы. Ашлин никогда не брала в руки грибного ножа, никогда не одевала ни шапочки для волос, ни рабочего фартука. Она начальник. Разве поспоришь — хозяйка. Даже работницы — ирландки судачат между собой и проявляют удивительную солидарность.

— Ленивая Королева!

— Хоть бы для вида помогала иногда!

— Нет! Так хозяева себя не ведут, хозяева должны показывать пример быстрой и качественной работы!

— Она только ходит, тычет пальцем, указывает и подгоняет.

— Ленивая Королева!

Падди забегают внутрь тоннеля. Ему нужен мальчик для битья. Ему нужен козёл отпущения. Он обращается ко всем, но кричит мне в ухо:

— Быстрее, быстрее! В три часа всё должно быть убрано!

Я молчу, выражая полную рабскую покорность и повиновение своей сгорбленной фигурой и непрерывным движением вниз — вверх. Вниз — вверх. Вниз — вверх. Вниз сорвал четыре грибочка. Вверх уложил их в коробочку. Коробка на весы. Коробка на отправку.

Я раб. Я робот. Я раборобот. Я покорен. Мною можно повелевать, но Падди этого недостаточно, он склоняется к уху Ашлин и пытаюсь перекричать шум мощных вентиляторов, выражает ей свою суть: «Ты погляди на этого Александра! Он и ухом не повел. Я хочу, чтобы он прогибался передо мной! Знаешь, Ашлин, меня просто бесит, что он работает и работает, и никогда передо мной не заискивает. Я тут хозяин. Если он только посмеет сказать мне: «Падди отъеххсь!» я тут же лишу его зарплаты!»

Сволочь!

Паскуда! Я убью его!

Он зайдет внутрь тоннеля. Я ударю его молотком, тем, который потяжелее, и приколочу его, к чертям собачим, насмерть! Положу в багажник его джипа, увезу в Блэк Рок и выкину в море, туда, где поглубже. Надо только привязать к нему трубу железную, чтобы не всплывал.

Нет. Зачем так далеко? Увезу на его же поле, куда вывозится весь отработанный компост. Засыплю компостом, и пускай себе гниёт, пусть его черви съедят. На этом поле хорошие, жирные черви. И никто его тут не найдет. Джип стоит, как и стоял. Я работаю, как и работал. Алиби железное. Пусть его поищут. Замудохаются искать!

Я терплю его.

Я прощаю его.

Я терплю и прощаю его, и именно это выводит его из себя.

Он беснуется от того, что чувствует моё моральное превосходство. Он видит, что я сильнее его, я образованнее его, а он хозяин и он желает меня выкинуть, чтобы не унижаться. Он бы рад меня выгнать, но он не может этого сделать, потому что я очень хороший работник. Я самый быстрый работник. Я безотказный работник.

Я его невольник, но он не может меня выгнать, вот потому и он невольник тоже. Он заложник собственной ситуации и от своего бессилия он беснуется.

Если бы Падди не стремился унижать меня, это уже была бы великая добродетель с его стороны. Но стоит ли мне полагаться на то, что это произойдёт? Пока Падди руководствуется своими интересами и совершенно не интересуется моими, этого не случится, а стало быть, этого никогда не случится.

Я хотел бы быть дружен с ним, но это невозможно, так как он никогда не снизойдёт до того, чтобы стать со мной на одну ступеньку. Я ниже его, но тянуть голову вверх нет смысла — чересчур выступающая часть тела рискует лишиться плеч, на которых она сидит.

Господи, дай Бог силы довольствоваться тем, что у меня есть.

Господи, дай Бог силы перенести с достоинством мои лишения, поскольку я не могу изменить это.

Я ничего не могу изменить, поэтому мне нет смысла жаловаться. Ищу ли я сострадания? Нет, я не хочу выглядеть малодушным. Мне только и остаётся — переносить всё стойко. Я не буду плакать, я не буду проявлять свою досаду, я не дам Падди повода для радости.

Господи! Прижаться бы сейчас к родной жене. Обнять её. Заглянуть в её миндальные глаза и с этим уйдут все переживания. Неужели, все мои страшные сны были вещими?

Сбылось забытое пророчество:

Храню тоску от всех вдали.

Обрел покой и одиночество,

На самом краешке Земли.

Туману отдан безмятежному,

Он остудит любовь и страсть,

Но кровь кипит покруче прежнего,

В плену ненастной, мглистой власти.

Слились в одну, мучений ночи,

И предо мной открылась новь:

Понять всю горечь одиночества,
Способна, только лишь, любовь.

Где ты, жена моя? ТЫ мой настоящий и единственный друг. Рядом с тобой я бы смог поплакать. Да, я бы не стеснялся выплакаться рядом с тобой. Ты смогла бы вынуть ядовитое жало унижений из моей души.

Милая моя. Она стройная, как балерина, нет, как принцесса. Если бы она родилась в Европейской стране, она, наверняка, родилась бы принцессой. Ручки её тоненькие, но стоит только взять их в свои ладони, прижать к лицу, и уйдет любая боль, станет легче дышать и сердце забьётся с новой силой, как у воробышка в теплый весенний день. Если бы она смогла приехать сюда, ко мне. Быть может всё могло быть иначе.

Но только что я ей покажу? Гнилые обрезки грибов, смердящие под полками в тоннелях. Куда я её приведу в кукольную комнату в моей жестяной банке?

Господи, дай мне хотя бы уверенности, что я увижу мою жену.

Дорогая, ты была мне нужна, когда нам было хорошо вместе. Теперь же, когда мне плохо, ты мне просто необходима.

Я женат, но жены у меня нет. Она замужем, но меня у неё нет. Мы с ней спутники друг друга, но очень удаленные спутники. И чем дальше моя жена от меня находится, тем легче Падди контролировать мою жизнь.

Прошу Падди:

— Пожалуйста, помоги пригласить жену...

— Александр. Я помогу тебе. Я всё понимаю. Но ты имей в виду, что она сюда приедет только в виде работника на мою грибную ферму. Если у неё другие планы, то и не мечтай. Это моё условие — собирать грибы!

Сволочь!

Паскуда!

Как он может спекулировать на любви, на святых чувствах? Ведь он тоже, наверное, любит жену и ласкает её перед сном, целует в укромное место за ушком, щекочет её. И НИКТО при этом не препятствует делать ему это. И НИКТО не вторгается в его личную жизнь, регулируя её, глупыми и жестокими условиями в обмен на право быть вместе.

— Я помогу тебе, Александр. Она приедет сюда по приглашению работать на моей ферме. Только имей в виду, Александр, это нужно тебе, потому ты и будешь оплачивать расходы на пошлину.

Нет. Я не могу приглашать её в этот ад. Она такая тоненькая, как ромашка в поле. У неё аллергия на агрессивные запахи, уверен, что её глаза будут слезиться, а нос постоянно будет течь.

Как я заставлю её работать в этой грязи? Нет, она не белоручка, она работает всё жизнь, она медсестра. Вы должны видеть, как грациозно она берет кровь из вены. Вы должны почувствовать, как безболезненно она ставит уколы. Она — профессионал. Она — Паганини шприца. За какие грехи я должен её наказывать каторгой на грибах?

— Ну что, Александр, отказываешься? Значит, и тебе рабочее разрешение я не буду обновлять. Ещё два месяца, и до свидания, скатертью дорога! Ты меня не слушаешь, и я тебя не буду, мне такие работники не нужны!

Я уже полгода, как нелегал. Я работаю на Падди без документов. Падди не обновляет моего рабочего разрешения.

Я, наверное, самый худший муж в мире.

Я не способен любить свою жену, так как это полагается.

Я бессильный, слабовольный и беспомощный мужчина. Я соглашаюсь на его условия.

Я СОГЛАШАЮСЬ НА ЕГО УСЛОВИЯ!!!

Здравствуй, мой суженый, мой муж, Александр!

Опять пришлось применить проверенный приём — перешить Анастасии старые джинсы, а то она выросла из них, вообще — они ей были коротки на пять сантиметров. Я распорол твою старую куртку, вшила в джинсы вставочки — клёши и получились новые джинсы! Теперь Настя ходит такая модная в своих джинсах клёш, как только она их одевает, то не может удержаться покрывляться перед зеркалом, так по-новому они на ней выглядят.

Как я люблю тебя, честное слово. Каждый день вижу сны про тебя. Сны мои, то хорошие, то не очень. Мы с тобой, то расстаёмся, то миримся, таким зловредным образом влияет эта невыносимая разлука на меня. И такие ночные кошмары приходят ко мне каждую ночь. Сплю в последнее время просто ужасно, видимо из-за этих снов. Днём засыпаю прямо на работе.

Твоя сестра Лена такая умница, окончила школу на одни пятерки с медалью. Настя, когда увидела аттестат Лены и услышала многочисленные похвалы в её адрес, тут же сообщила мне, что будет учиться как Лена — на одни пятерки. Как гордиться ею твоя мама! Как бы мне хотелось гордиться также своей дочкой. Лишь бы ей

хватило энтузиазма и усидчивости.

Саша вчера сказала: «Мама, я хочу себе маленького сыночка. Я бы его в колясочке возила, спать укладывала». Мы с Настей улыбнулись её словам. Она теперь так интересно играет с игрушками. Разговаривает с ними как мама: «Ну-ка, давай ножки, сейчас оденем трусики, и я буду читать тебе книжку!» Такая стала умничка, ещё бы не капризничала, время от времени, была бы идеальным ребёнком.

Воду не дали до сих пор. Паразиты! Я уже не помню, когда в последний раз стирала бельё. Так надоело таскать воду из колонки, греть воду и таскать эти кастрюли туда — сюда — обратно. За окном дует холодный северный ветер, и температура не поднимается выше +15. Но говорят, что со следующей недели наступит жара. Так что, лето, обязательно придёт!!!

Р. S. Неужели это правда, что я смогу приехать к тебе? Я хочу приехать к тебе, но боюсь этого...

— Знаешь, Александр. Я же тебе говорил: «До свидания, скатертью дорога! Ты меня не слушаешь, и я тебя не буду, мне такие работники не нужны!» Помнишь, говорил? Так вот, я своего решения не меняю, ты мне не нужен. Хочешь у меня работать? Тогда плати сам за своё рабочее разрешение. Моё слово последнее!

Я сию и подсчитываю свои расходы.

1000 евро на разрешение, на двоих — 2000 евро.

150 евро на регистрацию в гарде, на двоих — 300 евро.

100 евро на въездную визу, на двоих 200 евро.

И того, минимум, 2500 евро.

2500 евро, это цена моей свободы.

Это цена моей условной свободы.

Это цена моего добровольного рабства.

2500 евро ежегодно, в обмен на право быть рабом.

— А дети твои приедут, Александр? — неожиданно спросил меня Падди.

Господи!

Я увидел, как в его глазах, сменяя друг друга, побежали цифры. Точно, как у механического кассового аппарата старинной модели. С таким характерным звуком: щёлк — щёлк — щёлк — дзинь — дзинь!

Господи! Его интересуют мои дети. Ну конечно! У фермера есть дети. У детей фермера будет ферма. На ферме должны быть работники.

Почему бы детям раба не стать рабами?

Господи!

ОН СТРОИТ ПЛАНЫ НА МОИХ ДЕТЕЙ!

Падди написал письмо в посольство. Подписывает свой обратный адрес. В конце слова «Republic» остановился, нахмурил лоб, как двоечник у доски:

— Что же там «с» или «к»? — Падди наобум поставил «с», — Наверное, так правильно! — с радостью воскликнул он.

Ура! Наконец, я получил новое разрешение на работу. Падди снизошёл до того, чтобы продлить срок моего рабства. За мои же деньги. Теперь нужно его зарегистрировать в полиции, у иммиграционного офицера.

Понедельник. Звоню в полицию.

— Вы можете приехать в пятницу с двух ночи до шести утра, чтобы встретиться с иммиграционным офицером. — Ответили мне.

— А можно в другое время?

— Звоните на следующей неделе.

Понедельник. Звоню в полицию.

— Вы можете приехать в четверг с десяти утра до часу дня, чтобы встретиться с иммиграционным офицером.

— Падди, они говорят, в четверг с десяти утра до часу дня.

— Даже не думай, Александр, это самое напряженное время дня. Грибы должны быть убраны до часу. Машина за грибами придет именно в час, ты знаешь это, Александр!

Суббота. Звоню в полицию.

— Вы можете приехать во вторник с пяти до восьми вечера, чтобы встретиться с иммиграционным офицером. — Ответили мне.

Ура! Наконец!

Я приехал во вторник в шесть вечера.

— Извините, — отвечает мне офицер полиции, — но иммиграционный офицер выехал на специальное задание. Звоните.

Я попал к иммиграционному офицеру через семь недель. Я посмотрел в его глаза и вспомнил Володю, как он в Израиле неделю за неделей ходил за деньгами. Это, просто, такой еврейский юмор, а Владимир не понял. Мне тоже было не смешно. Плохо у русских с чувством юмором. В Ирландии шутить легко. Когда кто-то ожидает твоего положительного ответа, нужно сказать «НЕТ!!!», и это будет шуткой.

Шинейд рассказывала мне о том, как в Англии, в пабах весели вывески «No Blacks! No Dogs! No Irish!»^[15]. Я не в таких оскорбительных условиях. Нет, не в таких. Но отчего, я ощущаю себя ирландцем в английском пабе? Когда я испытываю непонимание между мной и Падди, непонимание между мной и официальными органами, у меня появляется уникальная возможность ощутить себя ирландцем в английском пабе прошлого века. Дежа вю.

В русской армии солдат служит обязательных два года. За эти два года солдат должен научиться стрелять и обороняться. Он должен научиться убивать и защищать свою жизнь. Солдат должен научиться выживать в любых условиях. У меня было так.

Я нёс службу на одной из пограничных застав СССР. На границе государства, протяженностью свыше шестидесяти тысяч километров. Это в полтора раза длиннее протяжённости экватора. Я боюсь, что даже в Министерстве Обороны не знали и не знают, сколько человек одновременно находится на охране рубежей этой великой страны. И, разумеется, им неведомо, что происходит с салагой скачущем на коне вдоль русско-монгольской границы,

где преодолев более полутысячи километров, можно не встретить ни одной пограничной заставы вообще.

Я и мой скакун были самыми-самыми в отряде. Я был самый низкорослый, и в строю всегда стоял последним, за что мои озорные сослуживцы, сразу же прозвали меня «Шкалик». Конь мой подобрал все самые известные характеристики известных миру коней, он был первой в мире клячей, как Росинант Дон-Кихота и имел ужасную окраску лежалой соломы, и облезлый хвост, подобно беарнскому мерину Д'Артаньяна.

В самый первый свой дозор, я старался не отставать от впереди скачущих товарищей, но мой коняга подвёл меня, свалившись в самом дальнем конце нашего участка, закатил глаза, как нанюхавшийся клея подросток в подвале многоэтажки, и казалось, смеялся, выпуская дух. Товарищи мои, не проявляя интереса к случившемуся, ускакали, поднимая пыль, и так и не вернулись мне на подмогу.

Пешим порядком, с полным боекомплектом я совершил марш-бросок до нашей заставы, преодолев сорок километров под палящим солнцем. Появившись в расположении отделения, я доложил о случившемся командиру взвода, он в свою очередь, решил воспитывать меня по- своему:

— Где конь, солдат? — злобно просипел мне сержант.

— Остался на дороге...

— Зараза! Вернуться и похоронить коня с почестями!

— Товарищ командир взвода, так я и не поел ещё.

— Вернётся, тогда и поешь. Конь, твой товарищ в бою, ясно солдат? Сам погибай, а товарища выручай.

— Товарищ сержант, так может кто-то меня подвезёт и поможет, ведь «Товарища выручай», вы же сами говорите...

— Никак нет, солдат. Никто тебя не подвезёт, а погибнешь, мы твоей маме письмо пошлём, в котором напишем, что ты, пал смертью храбрых!

— Товарищ сержант, но коня всё равно волки съедят.

— Это не важно, солдат, а важно, чтобы ты мучился. Всё, приказы командира не обсуждаются! Кругом, и пешим порядком, марш выполнять!

Всё что я смог взять с собой, это фляжка воды. Разумеется, сапёрская лопатка, АКМ и боекомплект. Прибыв на место, плюясь от забивающейся в рот и нос пыли, я выкопал яму рядом с павшим животным. Но разочарование очередным ударом, добило меня — столкнуть труп коня в яму, мне оказалось не под силу.

«Сам погибай, а товарища выручай!»

Мне ничего не оставалось иного, как вытащить штык-нож и резать ветерана пограничных войск на куски, чтобы «с почестями»

похоронить его. Зелёные мухи садились на моё потное и чумазое лицо, когда я с отвращением расчленил боевого товарища.

Не помню, как я добрался до заставы, но никогда не забуду, как сержант, заглянув вглубь моих глаз, пристально, как смотрят в перископ, зло сказал:

— Мне важно, чтобы ты мучился! МНЕ ВАЖНО, ЧТОБЫ ТЫ МУЧИЛСЯ!

Двадцать лет Падди выращивал грибы. Все процессы были отработаны. Ничего лишнего. Всё по науке. Когда на ферме появился Александр, Падди решил, что нужно делать так чтобы Александр мучился.

Раньше такого не было, но Падди решил, что мешки весом в тридцать килограмм нужно взбивать для рыхлости и лёгкости. Тысячу штук. Взбивать руками. Подобно тому, как взбивают перьевые подушки.

Раньше такого не было, но Падди решил, что полки с торфом нужно рыхлить граблями. Шестьсот квадратных метров, внаклонку, на полусогнутых ногах, подобно знаку Зорро, я ломал свою спину, при этом истекая потом, как в бане.

Раньше такого не было, но Падди решил, что взрыхлённый торф нужно укатывать толстой стальной трубой. Я крутил эту неподъёмную трубу перед собой, как Сизиф толкал свой камень, два километра вращения трубы на пределе терпения боли судорожно напрягшихся мышц спины, сведённых до болевого спазма.

В науке этого не было. Возможно это новое научное открытие и новаторство. Рационализаторство и изобретательность. Очень даже может быть, что за эти идеи Падди полагается присудить какую-нибудь грибоводческую премию. Всё это здорово, только вот мучиться приходилось Александру. Может быть, я всё воспринимал очень индивидуально, сквозь призму собственной усталости, мне казалось, что все эти действия направлены на то, чтобы я мучился. Может быть я не прав. Возможно, не прав! Только после шестнадцатичасового рабочего дня сомнений в собственной правоте нет.

Шестнадцать часов в день, это два рабочих дня в один.

Два рабочих дня в один день, это две недели в одну неделю.

Две недели в одну, это два месяца в один месяц.

Два месяца в один, это два года в один год.

Я, наверное, теперь должен лопнуть от гордости за себя — что за выгодный я работник! Я даю двойную прибыль моему хозяину!

Учтем минус мои рабочие выходные — тройная прибыль!

Учтем минус законная оплата — четверная прибыль!

Учтем махинации с налогами — прибыль пятикратная!

Нет, не я, это он лопнет от гордости. Ещё бы! Так ловко использовать свою наглость и мою наивность, своё всесилие и мою беззащитность.

Я стою в местном маленьком магазинчике и удивляюсь. Я вижу, что в этот момент кто-то другой лопается от гордости. Этот другой — поставщик питьевой воды. Вода стоит 1.99 евро за два литра, а коровье молоко 1.54 евро за два литра. Ну и хитрец же этот продавец воды! Как же это так возможно, чтобы вода, которая, как манна небесная даётся даром, стоила дороже молока?

Ирландский фермер, содержащий коров — вот он человек, который работает бесплатно, потому что его продукт стоит дешевле воды!

Люди! Покажите мне этого фермера, который содержит дойных коров! Дайте мне заглянуть в его усталые глаза, покажите мне его мозолистые ладони. Подскажите, где в Ирландии стоит памятник его натруженным рукам?

Я хочу видеть этот памятник!

Что же это за вода такая, что стоит дороже молока? Наверное, эту воду пропускали через серебряные трубы. Конечно, серебро, это не дешёвое удовольствие. А может её возили в Иерусалим и там её освятили? Точно! Как я сразу не догадался!

Бесспорно, ирландская вода, это что-то отличное от любой другой воды. Согласно учебнику химии, вода, это жидкость без вкуса и запаха. Только не в Ирландии. Запах у ирландской воды явственный, и даже весьма отчаянный. Ирландская вода пахнет не сыростью, которая обычно сопровождает холодные плесневелые подвалы. Ирландская вода пахнет острой свежестью, которая, как запах индийских специй въедается во всё вокруг и заполняет пространство своей всёохватывающей неизбежностью.

Ирландия, как огромная медуза на 99,99% состоит из воды. Если зелёный цвет ирландского флага означает вечнозелёную траву острова, то, я уверен, на флаге не хватает ещё голубого, который должен олицетворять вездесущую воду.

Человек человеку волк, так сказал древнеримский писатель Плавт за два века до рождества Христова.

Человек человеку добродетель. Возможно ли это?

Возможно, но маленькими порциями. У меня в вагончике сломался холодильник. Я попросил Падди купить новый. Он купил. Себе купил, а мне привёз старый. Склизкий, вонючий. Дверь слетает с петли. Из-под днища течёт скверно пахнущая жидкость. Знакомый мне конденсат. Зато работает!

Человек человеку добродетель, но не стоит рассчитывать на многое. Человек человеку добродетель, но, не согласно силе

взаимопонимания и любви, а, увы, в виде исключения.

Пришло письмо от мамы.

«Саша, сынок, если ты приедешь ещё раз, привези вот такие же сумки, какую ты мне подарил. Три сумки, а если сможешь четыре. Подарю всем своим сёстрам. Такие хорошие сумки! Все завидуют», — пишет мне она.

«Конечно, привезу, мамочка», — мысленно отвечаю я, а у самого сжимается сердце от тоски. Сумка ценой в один евро...

В супермаркете, где я купил ту сумочку, ни них никто не обращает внимания, это просто для удобства: купил продукты и положил в недорогую сумку — она всегда под рукой, у кассы. Никто, никогда не подумает о том, что эта простенькая сумочка может сделать несколько человек счастливыми. Владельцы этой сумочки станут не просто счастливыми, они будут ощущать невидимую связь между ними и притягательным заграницным миром, где вот с такой вот невероятной сумочкой, ходит в магазин, может быть, сама Виктория Бэкхэм^[16].

На ферме заболели все. Это, наверное, вирус. Подлый грипп, наверное, английский или, скажем, уэльский. А от кого ещё ждать вирусной атакующей провокации, как не от соседа?

Шинейд хихаёт и жалуется на всё подряд:

— О, Александр, представляешь, вчера была у врача. А там, сидит женщина, я знаю, что она безработная. Ух, как я их ненавижу! — Воскликнула Шинейд трянуv головой и прикрыв веки, как будто стараясь вытрясти из головы это воспоминание, но сохранить при этом свои глаза в целости. — И у этой женщины акриловые ногти! Представляешь, у всех этих безработных есть медицинская карточка, а это означает бесплатное медицинское обслуживание. То есть, на акриловые деньги у неё деньги есть, а на врача нет! Ты знаешь, Александр, сколько такие ногти стоят?

— Не представляю даже, — с недоумением отвечаю я.

— Пятьдесят евро! И приехала она на «БМВ»! А мы, трудяги, ездим на пятнадцатилетнем «Ниссане Микра» и платим за всё подряд, и за приём врача и за лекарства.

— Да вы просто не умеете жить, — вмешивается в наш разговор Падди, которому до всего есть дело, — Вот моя племянница, родила двоих детей, но не зарегистрировала отцов. Сами знаете зачем, она получает пособие, как мать-одиночка. Учитесь жить, ха-ха-ха, для таких как вы, нужно организовать специальные курсы «Выживание в цивилизованном обществе, не прикладывая усилий» ха-ха-ха!

Я валяюсь с ног. Лихорадка. Отработал двенадцать часов. Всю работу выполнил. Температура 38.7 градусов. Просто умираю. Глаза закатываются от головной боли. В пять вечера, не видя дороги, ушел домой. Звонит Падди.

— Александр, ты почему не на работе? Давай возвращайся, помогай другим. Надо срочно убирать, надо немедленно поливать, чтобы к утру грибы выросли. Мне нужен вес к утру!

— Я не могу... Я не в состоянии... Я болен... Я никак не смогу прийти, пожалуйста...

— Нет, ты придешь! Ты работаешь на меня, и ты придешь на работу. Я тут хозяин, и ты будешь выполнять мои требования. Работа должна быть сделана, и это не обсуждается! Иначе я вышвырну тебя из этой страны!

— Но, Падди...

— Ведь ты же хороший парень, ведь ты же придешь?

Его последняя фраза была произнесена с такой деланной вежливостью, с такой показной вежливостью, что это само по себе было так оскорбительно. Падди проявляет свою вседозволенность, а страдает сердце моё. Моё многострадальное сердце.

Я молчу. Если я скажу ему что-нибудь «умное», то этим я, только, проявлю свою глупость. Он только и ждет, чтобы я открыл свой рот, чтобы показать мне кто тут хозяин.

Я раб. Я иду. Кто меня защитит?

Сволочь!

Паскуда! Чтоб ты, жлоб, сдох!

Как было бы здорово, если бы об этом рабстве узнало бы общество. Но есть ли в этом смысл? Истории известны случаи, когда невинный идёт на крест, и будет распят по велению толпы. А виноватого общественное мнение оправдывает. Готово ли общественное мнение к правде? Боюсь, что нет, потому что, эта правда, о самом обществе. Потому то оно и оправдывает виноватого!

Врач прописал мне сироп, таблетки и неделю покоя. Полежать дома, кашляя в полущку. Не разносить инфекцию по общественным местам. Просто поспать, как известно — сон — хорошее лекарство само по себе. Да и к тому же дома и стены лечат!

Падди плевал на то, что прописал мне доктор.

Он ворвался ко мне без стука, и с ходу начал диктовать в мои воспаленные уши правила ирландского национального

отношения к болезни:

— Александр, братъ бюллетень из-за болезни, не хорошо. Это не патриотично! Ты представляешь, что тебе будут выплачивать деньги из бюджета страны! Это не заработанные тобой лично деньги! Это чужие деньги, Александр! Я завтра утром жду тебя на работе!

Ведь, наверное, существует трудовой кодекс. Существуют права рабочих. Ха-ха-ха, мне хочется получить права, как будто я смогу ими воспользоваться! Наивный! Как и положено рабу у меня есть свой угол и место работы. Я, всё равно, не смогу это место поменять на кресло ирландского адвоката. Зачем мне права?

— Александр, заработаешь пятьдесят тысяч, уедешь домой и ТАМ ты будешь богач! — Падди говорит таким тоном, как будто завидует мне, что КОГДА-НИБУДЬ я смогу накопить пятьдесят тысяч. Вот оно моё право — мечтать. У меня нет прав, но есть правда. Моя правда в том, что я не откладываю жизнь на потом, когда у меня будет пятьдесят тысяч. Моя правда в том, что я вычеркиваю себя из жизни.

Деньги не сделают меня счастливыми. Как поздно я понял своё заблуждение. Но пока я заблуждался — я был счастлив, теперь же, когда я осознал это, я стал превращаться в пессимиста.

Но я не пустое место! У меня есть идеал — счастье и благосостояние моей семьи. Значит, у меня есть путеводная звезда. Значит, у меня есть направление. Значит, я живу!

Между фермой и городом на дороге стоит заправка. Бензин и солярка. Кофе и легкие закуски. На крыше надпись «Proud to be Irish»^[17]. Оригинальная надпись. Я интересуюсь у Падди:

— А кто эти «ирландцы»? Арабские шейхи или Русские олигархи?

— Что ты имеешь в виду? — нервно спрашивает Падди, чувствуя подвох.

— Заправка продаёт нефтепродукты, не так ли?

— Так, — неуверенно соглашается Падди.

— Нефтепродукты либо из России, либо из Ближнего и Среднего Востока, вот я и спрашиваю, кто «ирландцы»?

— Дурак, ты Александр, хозяева «ирландцы», — с раздражением объясняет мне Падди.

— Ну а к чему такая надпись, что в этой очень-очень ирландской сельской местности, могут быть другие хозяева?

— Да, — выпалил Падди, — представь себе, к примеру, англичане!

— То есть, если бы это были англичане, то они бы такую надпись не писали, и у них никто бы не покупал бензин, так что

ли?

— Именно! Знаешь, есть такой супермаркет, который тоже говорит покупателям: «Покупайте у нас, потому что мы — Ирландцы!» Это означает, что люди должны поддерживать местный бизнес, это патриотично!

— А тебе не кажется, что это хитрый рекламный ход? Половина продукции произведена в Китае, и деньги уходят туда. А хозяин, даже если он и ирландец, живёт в Испании, тратит свои миллионы в Монте-Карло, а мы тут хаваем наживку из лозунгов.

— Я не знаю, что за дерьмо ты несёшь, Александр. Но я патриот, и поступаю в интересах своего народа. Я даже не пью пиво «Гиннес».

— Теперь, ты меня запутал, Падди. Я так полагаю, что пить пиво Гиннес и есть настоящий патриотизм?

— А вот и нет, к сожалению, завод Гиннес принадлежит англичанам, вот поэтому то, я и не пью этого пива, — и в расстроенных чувствах Падди махнул рукой.

К чему этот спор? Зачем я дразню дракона? Затрагивать национальные вопросы, всё равно, что носить кипятилок в кастрюле без ручек и без помощи полотенца. Легко обжечься. Впрочем, именно этому я и удивляюсь. Если бы такой лозунг прозвучал в Москве: «Покупайте у нас, потому что мы русские!» то авторов такого шедевра тут же обвинили бы в национализме, шовинизме и наслали бы на них Антимонопольный комитет с тем, чтобы прикрыть такую лавочку.

Привет драгоценный!

Чем тебя порадовать не знаю... Вчера было такое тоскливое настроение, уже надумала было плакать вечером, но потом посмотрела на Сашу и решила, что ей не нужно видеть моих слёз.

Хочу быть пофигисткой и смотреть на всё оптимистически, но когда некому высказаться, становится очень тяжело. У всех такие же трудности, и потому мне некому вылить свои проблемы. От такого настроения в душе всё закипает и собирается буря, которую я как могу, усмиряю в себе.

Саша совсем испортилась, не слушается меня совершенно. Вчера, собираясь в детский сад садик, она захотела чупик. Я сдуру пообещала ей. Всё ведь сделаешь, чтобы ребёнок скорее собрался. Мы с ней выскочили на улицу, денег, как всегда нет, и я быстренько пробежали с ней мимо магазина, надеясь, что она забудет. Я такая наивная! Как пришли в группу Саша вцепилась в меня и стала вопить,

что я ей не купила чупсик... Даже воспитательница не смогла её убедить оторваться от мамы... Чувствуя за собой вину, я же обещала, я поскакала к бабушке занять денег, потом за чупсом в магазин, оставив её смотреть в окошечко. Притащила ей его, только тогда она перестала вопить и пошла в группу.

Воспитательница посочувствовала мне, сказала, если Саша что-то захочет, то не отстанет, пока этого у неё не будет. Я уже не знаю, как на это реагировать, радоваться, что она идёт к намеченной цели любыми путями или огорчаться из-за её упрямства. С ужасом смотрю в будущее: то ли ещё будет. Я понимаю, что такое поведение, это результат отсутствия твоей отцовской любви, отцовского воспитания. Ей очень тебя не хватает!

Я люблю тебя, я часто думаю о тебе, когда я иду в ванную, то я вдыхаю аромат твоего лосьона после бритья. Чувствую тебя даже на расстоянии, знаю, что ты так же скучаешь по мне.

Люблю. Твоя жена.

Р. С. Отправляю тебе мои фотографии и копии документов для получения Рабочего Разрешения для меня. Перспектива выглядит многообещающей, но на сердце такая странная тоска и ощущение тревоги.

Терзаемый переживаниями о возможном приезде жены я интересуюсь у своего ангела:

— Шинейд, скажи, а могла бы моя жена, как-нибудь, получить работу медсестры? У неё богатый опыт, и высокая квалификация.

— Честно скажу, я не знаю. Но вот что я тебе скажу. Моя тётя находится в доме престарелых, и там есть медсестра из Литвы, давай я спрошу у неё номер телефона, и если она не против, то ты ей позвонишь?

— Конечно, давай, — обрадовался я, — если она не поможет, то наверняка, даст дельный совет!

Через неделю Шинейд потянула мне маленький листок с номером телефона и именем. «Александр, буду рада вашему звонку. Инга».

«Красивое имя», — подумал я, что придало уверенности в том, что это добрый знак, и возможно, у нас всё получится.

Я надел на себя водонепроницаемый костюм и стал похож на моряка рыболовецкого флота, который тянет сеть с рыбой во время лёгкого шторма. Без такого костюма невозможно ехать на велосипеде, когда идёт дождь. На стареньком велике я добрался до ближайшего городка, где на единственной улице стоял единственный телефон в стеклянной будке.

Я рыба наоборот. Внутри будки не так чтобы было тепло, но, по крайней мере, сухо. А там за стеклом дождь льёт с такой силой, будто грозитя наполнить таксофон водой и утопить меня в нём.

— Здравствуйте, Инга, это Александр, вы можете сейчас со мной поговорить?

— Конечно, Саша, чем я могу вам помочь, что вас интересует? — приятным тоном профессиональной медсестры, ответил мне голос на том конце телефонной линии.

— Я знаю, что вы работаете медсестрой, скажите, как вам удалось получить такую работу, и получится ли у моей жены работать тут по профессии? Она медсестра с пятнадцатилетним стажем.

— Видите ли, Саша, мне так не хочется вас разочаровывать, когда человек хочется чего-то добиться, то он обязательно добьётся этого. Только скажите мне, ваша жена гражданка Евросоюза или она из России?

— Да, из России, это разве имеет какое-то значение?

— К сожалению, это имеет существенное значение, —

огорчённо и сочувственно вздохнула Инга. — Да, я работаю, потому что я из Литвы, а это государство — член Евросоюза, и потому моя квалификация тут признаётся.

— Но у моей жены опыт работы пятнадцать лет!

— Мне так не хочется огорчать вас, я приведу вам один пример. В нашем доме престарелых работает девушка из России. У неё тоже продолжительный опыт, мы с ней учились в одно и то же время в 1988 — 1992 годах, тогда, когда Литва была частью СССР. У нас с ней абсолютно одинаковая квалификация. Я могу работать медсестрой, а она нет, потому что я из Литвы, а она из России. Я скажу вам больше, я знаю, что она имеет более богатый опыт, но всё что ей доверяют, это менять памперсы.

— Что за вздор, Инга, почему? Неужели нет выхода?

— Саша, на самом деле это несурезица, но это реальность современного Евросоюза, одинаковые люди с одинаковой квалификацией, оказались по разные стороны применения законов. Вашей жене придётся переучиваться, то есть, фактически, учиться заново.

— А как это сделать?

— Ничего сложного, главное это ваша способность платить деньги за образование.

— Много? — спрашиваю я, заранее понимая, что спрашиваю, не для того, чтобы начать копить, а для того чтобы убедиться, что вся эта затея лишь моё очередное заблуждение.

— Ну, если, к примеру, не ехать далеко, скажем, если учиться на медсестру в Дандолкском Политехническом Институте, то образование вам обойдётся в тридцать пять тысяч евро.

— Тридцать пять тысяч евро? — с болезненным трепетом в голосе кричу я в трубку. Я чувствую, как пот струится по моей спине, и кажется мне, что я стою не в телефонной будке, а под открытым небом. Вокруг только дождь, ветер, я и телефонная трубка в руках с оборванным проводом.

В реальность возвращает меня голос Инги:

— Да, причём, конечно же, это, только оплата за саму учёбу, проезд, жильё и даже книги, приплюсовывайте сами и получите размер суммы ваших инвестиций в ваше «прекрасное далёко».

— Вы меня не просто разочаровали, Инга, вы меня убили. Вы знаете, чем ближе я к «далёко» тем менее прекрасным оно мне кажется.

— А чего вы хотели? Что вас тут будут на руках носить? Я вам другой пример приведу. На кухне, в нашем доме престарелых, трудится девчёнка из «наших». Пару лет тому назад она была беременна, конечно на кухне тяжело с пузом — кастрюли с супом поднимать и так далее. Она попросилась, чтобы

её перевели на время в прачечную — бельё гладить, чтобы как-то полегче было. Так, над ней всё начальство смеялось, мол ишь чего захотела, русская белоручка, и не перевели её на работу с меньшей нагрузкой. А когда через неделю после её просьбы, у неё произошёл выкидыш и она потеряла ребёнка, вот тогда-то они попересрали все. Испугались, что она их по судам затаскает. А она — бессловесная дурочка и думать не думала, хотя могла содрать с них такую сумму, что можно было бы потом и дом купить и бизнес устроить. Теперь то, вы видите, Саша, что мы тут всё равно рабы, и никто с нами считаться не будет, и всегда мы тут останемся людьми второго сорта, низшей расы. Всегда! ВСЕГДА!!!

Получаю свою зарплату, чек с подписью Падди на сумму 171 евро. За всю неделю 171 евро... я держу в руках этот скромный кусочек бумаги, со скромной суммой на нём и ощущаю себя маленьким мальчиком.

Мне было семь лет. Я увидел чудесный фонарик в магазине. С торца этого фонарика была встроена электрическая вилка. Этот фонарик можно было подзаряжать, воткнув его в электрическую розетку. Это было притягательное чудо. Фонарик манил меня. Я уговаривал маму купить его. Она долго отказывала, но поддалась моей просьбе.

Был чудесный день, светило яркое солнце. Зачем я взял фонарик с собой? Я потерял его через тридцать минут после того, как мама купила мне его.

Я реву, как девчонка, и что я вижу — идет высоченный парень, вертит в руках мой фонарик, и видно, что он невероятно доволен своей удачной находке.

Я гляжу вслед удаляющемуся парню, и понимаю, что бессмысленно доказывать ему, что это МОЙ ФОНАРИК. Бесполезно! Я беспомощен, бессилен, незащищен перед ударами судьбы.

То же и сейчас. Я держу в руках чек на 171 евро. И ощущаю себя тем мальчиком, который потерял фонарик. Я беспомощен, бессилен, незащищен перед ударами судьбы.

Снимаю куртку с крючка в углу своей клетушки. Чёрт! Два дня повисела, и плесень уверенно переползла с холодной стены вагончика на одежду. Какой крепкий у меня ещё организм — два года живу в комнате, в которой прогрессирует в своем росте зелёная и чёрная плесень, а никаких признаков новой аллергии.

Открываю дверку шкафчика со стаканами. Дверка рассыпается в опилочную труху от сырости и ветхости. Между стаканами снуют шустрые чёрные жучки с устрашающими рожками-кусачками на хвосте. Они называются Уховёртки. Говорят, что они заползают в ухо, там выводят своё потомство и съедают твой мозг. Я этому не верю. Они живут в моей мебели. У меня нет времени обращать на них внимания. Мы мирно сосуществуем.

По утрам в мою раковину на кухоньке сползаются слизи. Чёрные, жирные как поросята, они противны до невозможности. Они оставляют за собой след блестящих дорожек из слизи. Если бы у меня были зрители, то я бы повизгивал от ужаса, как девочка. Но на меня никто не смотрит. Я брезгливо, палочкой

выкидываю слизней в окно. С ними я не могу сосуществовать мирно. Они слишком противны и тошнотворны. Без спроса внедряясь на мою территорию, они оскорбляют моё достоинство. В присутствии этих слизней, я чувствую себя мальчиком, которого унижают задиры и хулиганы.

Бог всемогущий! Как же холодно. Я заправляю рубашку в трусы — так теплее. Когда я был подростком, я помню, как я потешался над отцом и дедом. Они заправляли рубашки в трусы. Мне казалось, что это выглядит забавно. Я смеялся над ними. Я думал, что когда я вырасту, я никогда не буду так делать, я буду элегантным, как манекен на витрине магазина.

Одеваюсь, и заправляю рубашку в трусы. Так теплее.

Я похож на отца. А теперь тем более, особенно, если раздеть меня до трусов и рубашки.

Как болят мои ноги!

Холодный бетонный пол, не согревающие резиновые ботинки и постоянные жуткие лужи на полу в тоннеле, делают свою разрушительную работу по «профилактике» ревматизма. Кроме того мои носки, точнее дыры в них. Это не просто дыры появились на пятках моих носков, это чёрные дыры во вселенной. Они такие огромные, что эти дыры на пятках, видно даже через верх моих ботинок.

Я всегда был очень опрятным. Я хорошо одевался. Я шил костюмы на заказ. До чего же я опустился... но это не так!

Мои носки не выдерживают этого ритма работы, а Падди не сдерживает своих обещаний: «Нет и не проси, завтра мы не поедem ни в банк, ни в магазин. У нас очень много работы. Магазин подождёт, а грибы не могут, они не могут остановиться расти. У грибов нет выходных и перерывов!»

У меня одна возможность выехать в город — только на такси. Я живу вдали от цивилизации. Я чувствую себя Маугли. Я мальчик, который потерялся в джунглях. Это очень удобно иметь раба в джунглях — он, никогда и никуда не убежит!

Как медленно тянется время, собирая грибы. Оно тянется как мёд. Настоящий мёд так и проверяют — льют мёд из чайной ложки. Если мёд тянется не прерываясь, как нитка, то это хороший настоящий мёд. А если эта струйка рвётся, то этот мёд наверняка разведён водой, для того, чтобы он стал больше в объёме и в весе. Так нечестные пчеловоды, обманывая покупателей, кладут в карман лишнюю монету.

Честные грибоводы тоже продают воду. Никакой хитрости. Чем больше польёшь, тем больше грибы всосут влаги, чем больше в грибах воды, тем больше вес, реализованных грибов, и как результат, возрастает конечная выручка.

— Алекс, мне нужно, чтобы ты полил грибы в час ночи! — приказывает мне Падди тоном, который лишает меня права на апелляцию.

Тем не менее, я пытаюсь защитить своё право на сон.

— Падди, это очень поздно, мне нужно выспаться, или это уже не в счёт?

— Александр, Эйнштейн спал всего четыре часа в сутки, ты что, умнее Эйнштейна? Польёшь грибы в восемь вечера, а потом в час ночи, грибы не спят ночью, а растут. Это, Алекс не просто грибы, а магические грибы. Я из воды и говна делаю деньги, разве это не магия? Любишь магические грибочки? — спросил Падди с хитрым прищуром, как бы сканируя меня.

— Падди, — перебивает его Шинейд, — что ты парню голову морочишь, лучше бы на самом деле выращивал магические грибы, чем эту белую плесень, от которой только тошнота одна.

— А ты, Шинейд, видимо, знаешь толк в магических грибах? Балуешься, наверное, по выходным дням, принимаешь грибочки для настроения? — Падди весело выпытывает признания из Шинейд.

— Ну, а почему бы тебе не выращивать магические грибы, а Падди? И спрос на них был бы выше, и цена подороже, и нам веселее бы работалось, если бы мы закусывали ими в обеденный перерыв. Ты, Алекс, видимо не в курсе, о чём идёт речь? — обращается Шинейд ко мне. — В наших лесах растут грибы галлюциногены. Примешь немного, и торчишь как от таблетки ЛСД. Бесплатно и эффективно. К нам даже туристы из Америки приезжают, побалдеть на халяву.

— Никогда не пробовал, но понятно, поганки и мухоморы и в наших лесах растут в изобилии. Даже школьники в первом классе изучают их в школе и смогут отличить от съедобных грибов.

— Ты хочешь сказать, что любой русский школьник, сможет прочесть нам лекцию по грибам галлюциногенам? — хохочет Падди.

— Любой школьник заведет группу американских туристов, в такое грибное место, где они смогут организовать себе новый Вудсток и открыть новую эру хиппи, — отвечаю я.

— Ладно, хорош болтать, пора делать деньги из этого говна, магия продолжается, волшебные грибочки растут, и знаете чем они хороши? Ещё никто не умер от передозировки моими грибами! — довольно прокричал Падди, выходя из туннеля.

Падди ушёл спать.

Шинейд ушла спать.

Все ушли спать.

Один я остался поливать грибы и задыхаться удушливым

раствором хлора, который впитывался в пористые тела грибов, заставляя их эрегировано торчать перпендикулярно полкам.

Я остался болезненно кашлять и растирать по лицу слёзы, которые лились градом из-за хлора, раздражающего слизистую оболочку глаз.

Я остался проливать жидкие сопли и сходить с ума от беспрерывного шума вентиляторов.

Размеренно и монотонно шумят вентиляторы в туннеле с грибами. словно я поселился в пчелином улье. Этот пчелиный рой жужжит у меня голове сутками. Полки с грибами бесконечны как Тайга в Сибири. Нет, неверно! Тайга где-то, да всё равно кончается. Полки с грибами бесконечны, как ветер на ирландских просторах.

В голове моей пчелиный рой: мама обнимает меня, словно в последний раз в жизни; Падди хохочет мен прямо в ухо, довольный своей хитростью; Володя набрасывается на меня с молотком, с целью приколотить меня, чтобы я не мучился в одиночку; я на грани сна и галлюцинации. Кто сказал, что грибы, которые мы выращиваем, не магические? Очень даже магические. Волшебные грибы уносят моё сознание, лишают меня свободы, воруют дни моей жизни.

Размеренно и монотонно проходит моя жизнь. Уходит моя молодость.

Что это значит — уходит молодость? Это значит, что я уже не поймаю притягательный, изучающий, интригующий, взгляд юной девушки. Мне не посчастливится перехватить взгляд, который отправлен мне украдкой, взгляд тайный и томный. Взгляд таинственный, но в то же время, желающий быть пойманным на месте. Взгляд, ищущий ответного взора.

В ведре с обрезками ножек грибов я хороню свою молодость.

Эти обрезки ножек грибов лягут в поле, перегниют и унесут с собой мою юношескую смелость, я перестану совершать необдуманные поступки. Легкомысленные поступки, за которые должно быть стыдно, но о них так приятно вспоминать, словно переживая их снова и снова.

Я боюсь того, что грядущая взрослость моя, влечёт за собой иные поступки. Это будут поступки, которые обходятся дороже, чем в молодости. Это будут не те легкомысленные поступки молодости, от которых приятно щемит сердце. Это будут поступки, от которых сердце останавливается. Останавливается навсегда.

— Александр, копи деньги! Играй в Лото, Александр!

— Падди, нежели и ты играешь в Лото?

— Да, два раза в неделю. На сорок евро каждый раз!

— У тебя ведь, стабильный доход, Падди, зачем ты играешь?
— недоумеваю я.

— Александр, я уже два раза выигрывал, один раз двести евро, в другой раз — пятьсот. Видишь, какой я удачливый! Скоро выиграю миллион!

— Но, ты и потратил, наверное, не мало. А что будешь делать с миллионом?

— Отправлюсь путешествовать, — сладострастно отвечает Падди.

Вот как странно получается. Существуют такие кочующие люди. Их так и называют — травеллеры. Они, как цыгане, кочуют с места, на место, убегая от бедности. Падди для того же самого нужны миллионы. Конечно, я лукавлю — ему нужно путешествовать с комфортом — вот в чём разница.

Именно для этого комфорта он и играет в Лото.

Именно для этого комфорта он идёт в церковь и молится, чтобы выиграть миллион. Он молится Святому Патрику и верит в то, что его трилистник символизирует три начала - \$ £ €.

А может, и мне стоит сыграть в ЛОТО?

Откроешь газету, а там реклама. Подумаешь. Вот ведь. Именно сегодня, когда у меня вообще нет ни цента, реклама предлагает мне выиграть несколько миллионов. И домой! Это неспроста, такое совпадение — увидеть рекламу ЛОТО, когда у меня ни цента. Это судьба! Надо сыграть! Выиграть! И больше нет страданий, нет Падди, нет грязи, нет вони, нет холода, а только любовь и благополучие.

Но нет, это всё не так! Выигрыш в ЛОТО, это испытание. Это испытание большими деньгами.

Господи, прошу, не испытывай меня деньгами. Я выбираю испытание покорностью, испытание смирением. Возможно, любое испытание полезно в равной мере, но испытание честным трудом, более богоугодно, а испытание лёгкими деньгами, это всё от лукавого.

Мы покупаем лотерейный билет, а сами молимся при этом: «Господи, отведи нас от искушения», сами того не осознавая, что билет лото это и есть то самое искушение, от которого мы просим Бога защитить нас.

Мы просим: «Господи, отведи нас от лукавого», а сами,

закрыв глаза на свои супружеские отношения, ищем приключения на стороне, не задумываясь о том, что в этом желанном случайном половом партнёре сидит сатана, и мы по собственной воле вступаем в сговор с ним.

Мы просим: «Господи, хлеб наш насущный дай нам», понимая, что самое необходимое для нас, это здоровье, и тут же сами губим себя табаком, водкой и ленью.

Мы просим: «Господи, да придёт царствие твоё, как на земле, так и на небе», которое есть, по сути, мир и любовь, а сами противоречим себе агрессивным поведением в быту, в делах, за рулём автомобиля. Мы хотим построить богоугодное царствие, пытаюсь обмануть его, воздвигая бесчисленные храмы на ворованные деньги, в то время как в наших душах храмы разрушены изначально. Такое можно увидеть в моём родном городе Йошкар-Оле. Величественные и прекрасные церкви возносятся к небесам то там, то тут, и любой таксист вам расскажет, что таким образом местный Президент замаливает грехи, собирая средства на строительство с местных бизнесменов в виде подати, используя коррупционные рычаги авторитарного управления.

Мы просим: «Господи, прости грехи наши», а сами и не задумываемся о том, что Бог не держит зла, он нас любит заранее, и потому ему нет необходимости нас прощать. Стало быть, в своей молитве мы обращаемся не к Богу, а к самим себе, к своей совести, дабы она услышала и не позволяла нам грешить. Бог, он ведь не учительница в школе, которая вызовет ваших родителей, и даже не мама, которая проницательна настолько, что по цвету кончиков ваших ушей определит получили ли вы двойку или украли пистоны для игрушечного пистолета у своего друга. Бог, он всевидящий и лукавить с ним бессмысленно, потому молитва наша это обращение к своим собственным принципам, к своим устремлениям, к своей воле.

Падди такой же, как и все мы, он не видит в Боге отражения своей совести, он не воспринимает своих молитв, как обращения к своему сознанию, он не задумывается о том, что оскорбляя своего чернорабочего, он оскорбляет целый мир, потому что все мы взаимосвязаны — мы все части одного целого.

— О, Александр, что это за жуткий запах? Какая-то очередная гадость из этого Восточно-Европейского продуктового магазина? — с явной неприязнью ругается Падди, заглянув в кухню на ферме.

— Всего-навсего кофе, ничего необычного, — с опасением отвечаю я.

— Что это за дерьмовый русский кофе такой? Воняет! — ещё

более раздражаясь, пытается меня Падди.

— Обычный жареный кофе, молотые бобы, — отвечаю я и показываю ему на упаковку «Bewley's Coffee».

— Что за блххская вонища, этот запах невозможно переносить. Откуда это, из России?

— Из местного магазина, — отвечаю я и понимаю, что он всё равно не верит. Падди рассматривает упаковку отличного кофе ирландской компании которая ведёт свой бизнес с 1840-го года «Bewley's», и не веря собственным глазам уходит, продолжая ругаться.

Третье тысячелетие! Мы живём в чудесное время, ай-пады и ай-фоны, Боинг-747 и АК-47.

У нас есть всё, чтобы быть счастливыми!

У нас есть всё, чтобы поделиться своим счастьем!

У нас есть всё, чтобы стремиться к счастью!

У нас есть всё, чтобы защищать своё счастье!

Чересчур много счастья. Мир сойдёт с ума от преизбытка счастья. Критическая масса счастья превысит предельно допустимую норму и наступит неуправляемая реакция тотального одурманивания счастьем.

Как говорят врачи, любое лекарство в большой дозе является ядом. Даже кислород, который нам необходим для жизни, в большой дозе — наркотик. Не верите? Попробуйте раздуть огонь из тлеющих углей, и вы почувствуете головокружение — кислородное опьянение. Так и счастье, оно необходимо, но в неумеренной дозе — оно ядовито.

Мой двухтысячный год начался с того, как я пописал контракт на собственное рабство. Рабство в век компьютеров и мобильных телефонов.

Я хочу увидеть трёхтысячный год. Мне не интересно, будут ли летать автомобили. Меня не волнует, какие ещё ай-что-то-умные появятся на прилавках магазинов. Нет нужды в том, узнаю ли я о том, заведут ли, наконец, дружбу земляне с инопланетянами в трехтысячном году.

Меня пугает то, что на перенаселённой планете, останутся островки средневековья. Останутся рабство, унижение, нечестность и бессовестность. Если они останутся, то я не хочу видеть трёхтысячный год.

— Как хорошо работать на грибах, не правда ли, Александр? — Падди заглядывает мне в глаза и находит в них покорное взаимопонимание. — Я не представляю работу на заводе, конвейер, всё мелькает, а тут грибок большой, грибок маленький — такое разнообразие и умиротворение! Правда? — пытается меня Падди, агитируя на проявление любви к работе.

Как тут не согласится, взглянешь на бесконечные полки с грибами, и понимаешь, что умиротворение, это как раз, то, что нужно для твоей души, чтобы не закрылась ширма, разделяющая сознание и окружающую действительность.

— Какая это хорошая работа — собирать грибы! Не правда ли, Александр? Руки работают, а голова свободна для размышлений. Думай себе, сколько хочешь! Правда, такая хорошая работа? Можно много думать! — смеётся надо мной Падди.

Я думаю. А что остаётся делать?

Не думаю, что Сократ и Вольтер^[18] начинали свой путь в философии с тяжёлой работы, которая заставляет размышлять от безысходности и физических страданий. Однако если я стану когда-нибудь философом, то про меня скажут: «Своим способностям в размышлении, Александр обязан фермеру Падди Смуту!»

— Быстрее, быстрее, быстрее! — Падди носится между полок со скоростью звука, — Александр, пока машина грузит коробки, ты должен собрать максимум.

Я собираю грибы так быстро, как, наверное, комбайн убирает кукурузу в поле. Грузовик должен увезти максимум. Что ж, на войне, как на войне.

Последний грибок уложен шляпкой вверх. Последняя коробочка, взвешена, пронумерована и поставлена на деревянный поддон. Дверь грузовика закрылась, обнаружив на пыльной поверхности надпись ИРА. Кто-то пальцем вывел русское женское имя. Видимо, на другой ферме, тайный поклонник, неведомой мне Иры, увековечил её имя, до следующего раза, когда вымоют машину.

Интересуюсь у водителя грузовика, Джона:

— Что за Ира, на какой ферме работает? Наверное, твоя поклонница расписалась?

Он нервно рассмеялся в ответ:

— Это ни какая не Ира, это ИРА — «Irish Republican Army»^[19].

— Ты что, служил в армии?

Мой вопрос ещё сильнее развеселил Джона, но он уехал, так мне ничего и не ответив.

Шинейд, грозно сверкнув глазами, сказала мне тихо:

— Алекс, не болтай много про ИРА.

— Я ничего не понимаю, Шинейд, что это за таинственный шёпот?

— Александр, про ИРА вслух не говорят. Про ИРА говорят либо только хорошо, либо ничего. Члены ИРА, это бойцы освободители Северной Ирландии от господства англичан. Их борьба связана с террором, поэтому их никто не должен знать в лицо, и про это не стоит говорить, от греха подальше.

Шинейд рассказала мне о сути противоречий. Чем глубже я вникал внутрь взаимоотношений между двумя Ирландиями, тем прочнее вырастала моя уверенность в том, что на карте не должно быть двух государств на том месте, где народ — один.

Что за извращения на карте мира:

Северная Корея и Южная Корея.

Северная Ирландия и Южная Ирландия...

Северная Ирландия — это последний оплот империализма. Северная Ирландия — это неумирающее эхо колонизации.

— Когда народ един, то всё что делается на государственном уровне, должно быть направленно на воссоединение, вот что я думаю, — после раздумий заявил я моей подруге.

— Александр, пойми, что англичане, за просто так не отдадут завоёванную ими землю. Это империя, Алекс. — Взгляд Шинейд продолжал метать искры.

— Я понимаю, что члены ИРА совершают свои поступки во имя воссоединения народов. В то же время, и правители государств должны к этому стремиться. В деле объединения двух государств нужен акт доброй воли. Нужен широкий жест.

— Не будь наивен, Александр, это огромные деньги, это полтора миллиона налогоплательщиков для королевы. Владеть страной, это огромный и вечный бизнес.

— Хорошо, ну а почему весь народ республики не поддержит членов ИРА? Ведь, наверное, все хотели бы, чтобы Ирландия была единой?

— С другой стороны, Александр, это если Северная Ирландия присоединится к нам, то вместе с этим на скромный бюджет республики, ляжет бремя из десятков тысяч безработных в Северной Ирландии. Нам это надо? Нет, Александр, не надо, потому мы и не стремимся к объединению!

— Я, возможно, скажу очередную глупость, но если бы я был ирландцем, то я бы непременно стал членом ИРА. Мне они напоминают русских партизан во время Второй Мировой Войны.

Они патриоты в тылу врага. Они борются за справедливость. Это даже, как-то вдохновляет на подвиг, и повышает самооценку — быть членом таинственной организации.

— Ох, Александр, ты многого не понимаешь!

— Я всё прекрасно понял, Шинейд. Члены ИРА, это современные Робин Гуды, и борются они за свободу своего Шервудского леса. Да, они сражаются за высшую правду в чёрных масках, но этой своей недоступностью они притягательны. Мы в детстве читали Вальтера Скота, и мастерили самодельные луки, мне интересно, а кого выбирают себе в кумиры современные ирландские детишки? Когда они играют на улице в мальчиковые игры, играют ли они в активистов ИРА?

— Они играют в трансформеров! Ты, Алекс вообще ничего не понимаешь, у тебя в голове та самая твоя кислая капуста!

— Что-то я сомневаюсь, что трансформеры объединят Ирландию! Как ужасно, Шинейд, что по истечении двух мировых войн, карта терпит такое средневековое заблуждение. Я верю в то, что какой-нибудь король Британии, сможет освободить народ Северной Ирландии и вернуть эту землю республике. К примеру, взгляни на принца Уильяма^[20], мне он кажется добрым малым! Он сможет совершить такой поступок, если станет Королём. Это будет поступок достойный Принцессы Дианы^[21], уж она бы точно смогла это сделать, будь она королевой.

— О, Алекс, Диана, была святой — так она была добра.

— Вот видишь! К тому же в истории есть такие примеры, причём, совсем в недавней истории. Знаешь ли ты, Шинейд, что руководитель СССР Хрущёв^[22], взял и подарил Украине райский уголок в тёплом Чёрном море — Крымский Полуостров. Там лежат десятки тысяч русских солдат, которые погибли, защищая эту землю. А Михаил Горбачев^[23]! Он объединил Западную и Восточную Германии. Вот какие примеры! Вот какие мощные люди!

— Ах, Алекс, я знаю, ты любишь памятники. Я, надеюсь, что этим лидерам — Хрущёву и Горбачёву стоят памятники на Украине и в Германии.

— Я тоже хочу надеяться, Шинейд. Знаешь, ну а почему бы и Принцу Уильяму не вписать своё имя золотыми буквами в историю объединения Ирландии? А? Верю, что ирландский народ, не поскупился бы на памятник, ради такого случая!

— Ладно, ладно, особенно не мечтай, вон Падди бежит к тебе, у него, наверное, хорошие новости для тебя, — с сарказмом произнесла Шинейд и спрятала свой взгляд в очередной кармашек с грибами.

— Александр! Ты, снова собираешься поехать домой на рождество? И не надейся. Я тебя не отпускаю. У меня будет необычайно много работы — Английским ресторанам в Рождество нужно много грибов. Я специально посадил в два раза больше. Мне нужно много денег, так что ты никуда не едешь. После Рождества — куда хочешь, но не дольше чем на десять дней!

В Рождественский вечер мы закончили убирать грибы в 23.30... я остался их поливать — грибам надо набрать вес на завтрашний день — грибы состоят из воды на девяносто процентов.

В Рождество я не мог не отметить святой, светлый праздник. Я принёс бутылочку ирландского виски карманного размера. Патриотично, хотя и нарушая трудовой распорядок, я отметил Рождество, отхлебнув несколько глотков, незаметно от глаз Падди. В рождество мы закончили собирать грибы в 1.30 ночи...

Я закрываю глаза, втягиваю воздух полной грудью. Я хочу почувствовать запах Рождества. Я хочу почувствовать запах хвои рождественской ёлочки. С каким запахом ассоциируется Рождество для вас? С горячим красным вином со специями, гвоздикой и корицей? Для меня, Рождество это запах мандаринов. Объясняется это очень просто. В моём детстве, как и в детстве миллионов русских детей прошлого столетия, мандарины присутствовали на столе только один раз в год — на Новый Год. Два мандарина это подарок Деда Мороза. Два мандарина один раз в год.

31-е Декабря. Вот и Новый Год. Я прошу:

— Падди можно я закончу сегодня в четыре вечера?

— Ты что, особенный? Работать! Работать, не хорошо, а упорно!

В семь вечера спрашиваю его:

— Может уже можно идти домой? Всё-таки Новый Год...

— Я тебя уволю, и не посмотрю, что ты лучший работник. Думаешь я не найду замену? Только вот вчера группа из пятнадцати румынских девушек просилась ко мне устроиться на работу.

В одиннадцать ночи мне позвонили друзья. Поздравили с Новым Годом.

— Что ты там делаешь, Александр? — придирается ко мне Падди.

— Видишь ли, я, как и ты, говорю по телефону. Кстати, мои

друзья поздравляют тебя с Новым Годом!

— Что, ты блхдь, сказал? Работай!!!

Полночь. Новый Год! Мне снова позвонили друзья. Как им объяснить, что я всё ещё на работе?

— Ебххь, Александр, ты, что снова не работаешь? — Падди решил меня доканать.

— А что я могу сделать? Я принимаю Новогодние поздравления.

— Ну, ни ххя себе!!! Он принимает новогодние поздравления, ну, ни ххя себе! — Падди плюёт себе под ноги и видно, как пар идёт из его ноздрей и ушей, словно из кипящего чайника.

Ну, вот и очередной отпуск. Нет, десять дней, это не отпуск, десять дней, это увольнительная. За эти десять дней я съел годовую норму пирожков с мясом и выпил годовую норму чая с душистыми травами, а как иначе, меня ждала жена, мама и тёща, они готовились к моему приезду, заготавливали продукты загодя. Я обнимался до остановки дыхания и играл до ночи с дочерьми, сходил с отцом в баню, кто ещё составит им такую весёлую компанию?

Десять дней это двести сорок часов. Двести сорок часов счастья. Если каждый час, условно принять за единицу счастья, то я получил 240 Условных Единиц счастья!

Я лечу обратно за границу, и эти скопленные за отпуск 240 у. е. потратятся в одно мгновение, и целый год я буду жить в долг. Целый год я буду тратить у. е. полученные из моих внутренних сил, отжатые из моей души, подобно тому, как ирландские фермеры дают растительное масло из рапсовых зёрен.

Почему «Аэрофлот» прекратил свои прямые регулярные рейсы в Дублин? Ирландским бизнесменам стало неинтересно вкладывать свои капиталы в Российский рынок, им что, тоже НАТО на горло наступило? Я лечу на перекладных самолётах. Швейцарская авиакомпания «SWISS», это вселяет уверенность в качественный перелёт, как швейцарские часы: «Сделано с умом». Девушка за стойкой регистрации билетов — лицо компании, эталон красоты, образец этикета, волшебная фея призванная служить пассажирам. Пассажиры — это суть её работы, это центр её вселенной.

— Вы летите в Дублин с посадкой в Цюрихе и с пересадкой в Женеве? — Спрашивает меня волшебная фея компании «SWISS».

— Да, уверенно отвечаю я, — Именно такой билет предложила мне ваша компания.

— А у вас есть Шенгенская виза^[24]?

— А зачем мне Шенгенская виза? Я не собираюсь в Шенгенскую зону, я лечу в Ирландию, посмотрите у меня в паспорте Ирландская мультивиза.

— Это хорошо, что у вас Ирландская виза, но вы будете лететь через два аэропорта в Швейцарии, и согласно нашим правилам, у вас должна быть швейцарская виза.

— Зачем? Мне не нужно в Швейцарию, я лечу трансфером, вы сами предлагаете пересадки в ваших аэропортах, зачем мне ваша виза, я лечу в Ирландию!!!

Волшебная фея компании «SWISS» не пустила меня на мой

рейс. Я призывал на помощь начальников всех служб аэропорта и компании «SWISS». Я умолял, я призывал к пониманию, но меня не пустили в самолёт.

Я их понял — У НИХ ТАКИЕ ПРАВИЛА. Я их понял:

— Хорошо, у вас такие правила, но вы предложили мне такой билет и не предупредили об этом, раз вы не пускаете меня на этот самолёт, то поменяйте мне билет, на другой рейс, с одной посадкой в Швейцрии, чтобы я не нарушал ваши правила.

— Мы не можем этого сделать, идите и купите новый билет!
— Грубо ответила мне волшебная фея компании «SWISS».

— Я уже купил билет, вы не даёте мне его использовать, дайте хотя бы ваучер, компенсацию...

— Нашими правилами это не предусмотрено!

У меня не было денег. Я позвонил жене:

— Дорогая, я оставил вам на жизнь четыреста евро, ты не успела их потратить? Пришли мне эти деньги срочным переводом, у меня проблемы в аэропорту...

Жена прислала мне последние деньги из семейного бюджета. Я полетел в Ирландию другим самолетом, другой авиакомпанией, плакали мои денежки.

У них такие, свои, правила.

У них такая, своя, правда.

У них такая, своя, честность.

У каждого своя честность?

Может ли честность быть честной для одного, и в то же время нечестной для другого? Честность должна быть универсальной и безусловной.

У них такие правила! Эти офисные работники, начальники и руководители считают, что они честны по отношению к своей работе, они повышают на тебя голос, учат тебя жить, но кто-нибудь из них когда-нибудь, подвергал свои слова сомнению? Задумывались ли они хоть раз, что их честность, это даже не две стороны медали, а игра в напёрсток и они — ведущие в этой игре? Причём, они хуже, чем мошенники на улице, мошенников, ты можешь, просто проигнорировать, но, с официальными лицами ты обязан играть, у тебя нет выбора.

Абсолютной честности не существует. Если в палате мер и весов задумают изготовить эталон честности, то он будет похожим на Луну, у которой одна сторона всегда в тени, а освещённая и та, не идеальна.

Вы думаете, что повязка на глазах богини правосудия Фемиды для того, чтобы она была беспристрастна? Неправда! Эту повязку одели ей специально для того, чтобы её было легче обманывать.

Те, сильные мира сего, начальники и руководители, те, кто одел повязку на глаза Фемиды, они настойчивы в своей упрямости, потому что терпеть поражение ниже их достоинства. Они спрашивают тебя о чём-то, но не для того чтобы понять тебя, а для того чтобы перебить и заткнув тебе рот, насладиться вседозволенностью, которая, как они думают, положена им, в силу высоты их положения.

Такова их правда, такова их честность.

Здравствуй, Александр, здравствуй, мой сын!

Я пишу тебе, для того, чтобы ты поразмыслил, для того, чтобы сделал соответствующие выводы.

Начнём с того, что ты, во-первых, мужчина, плюс к тому, по современным меркам достаточно образованный, и в настоящий момент, уже вполне зрелый. Мне бы твоё образование, я бы давно вершил великие дела!

Посмотри на себя со стороны. Ты гнёшь спину с утра до ночи, выполняя такую работу, с которой справится любой неграмотный и даже дебил. Мне стыдно, честное слово, и приходится врать людям, что мой сын в Москве, преподаёт юриспруденцию, и тому подобное...

Куда и к чему стремишься ты, мой сын? Ты ищешь райской жизни? Зарабатываешь ты, по-прежнему, мало, тратишь, всё равно, много, и накоплений у тебя нет. Твои годы идут, твои дети вырастают без тебя, здоровье твоё не железное, квалификация твоя прервана, и в результате, ты рушишь свою жизнь.

Я боюсь, что проблема в том, что ты не способен увидеть и определить цель своей жизни.

Сынок, хватит мотаться, вернись и начни всё сначала. Ты талантливый юрист и у тебя ещё многое получится! Ты непременно, накопишь денег, купишь себе жильё и заработаешь на пенсию. Я верю в тебя! Обнимаю и желаю тебе скорейшего возвращения.

Папа.

Я закрываю глаза, и вижу, как мой отец накатит рюмку и поёт на родном мариийском языке песню: «Мой Оте–е-ец! Моя Ма–а-ать! Ачийжа–а-ат, Авийжа–а-ат!» Пропевая последний слог протяжно и плаксиво. А следующие слова его уже не разобрать, потому что они тонут в его всхлипываниях и слезах. Его крупные мужские слёзы, это слёзы ребёнка.

Он такой же сын, как и я, он оставил своих родителей в их старом доме, а сам отправился навстречу судьбе.

Как это не справедливо, что дети уезжают от своих родителей!

Я не бросал моих родителей, я только уехал на заработки!...

Нет, я бросил моих родителей, и прощения мне нет!

Они поймут меня, но не простят...

Бог простит меня, но не поймёт...

Я сам никогда не прощу себе этого, и никогда не пойму, что же я наделал, кинув стареньких моих родителей, на произвол судьбы.

Вот идёт старенький человек, а рядом молодой поддерживает его заботливо под локоть.

Кто будет поддерживать моих родителей, когда они неуверенной походкой, шаркая ногами, пойдут в магазин за молоком и хлебом? Кто поможет им принять душ? Кто поможет приготовить ужин, если у них просто нет сил, для того чтобы стоять у плиты? Кто подаст им лекарства в нужный момент и вызовет скорую помощь, если не я?

Господи, как же мне стыдно за проявление такой вот сыновней нелюбви. Я думаю об этом и краснею, как ребёнок.

Мне стыдно перед самим собой.

Мне стыдно перед родителями.

Мне стыдно перед соседями родителей.

Мне стыдно перед роднёй моих родителей.

Мне стыдно перед собственной страной, которой придётся заботиться о моих несчастных родителях.

Я думаю об этом и краснею, как ребёнок. Я краснею, как мальчик, которого мама повела в женский туалет пописать. Идти в мужской туалет самостоятельно в четырёхлетнем возрасте — ещё рановато, а с мамой идти в дамский — стыдно. Иным мальчикам, может быть всё равно. Я же, будучи мальчиком, упирался и краснел, но предпочитал пописать в кустах, как мужчина, нежели, унижаться до того, чтобы обнажаться в женском туалете.

Где моя прежняя принципиальность? Я утратил её.

Я вырос и не разучился краснеть, только краснеть, теперь, приходится за более постыдные поступки.

Я, видимо, потерял совесть, или, по крайней мере, я научился совершать с ней сделку.

Тот человек, который, предаёт секреты своей родины в пользу какой-нибудь разведки, тот человек, который заключает подобную сделку со своей совестью, краснеет ли он, совершая подобное? По большому счёту, какая разница, краснеет он или нет? Ужасен факт предательства и это очевидно.

Ужасно то, что я терзаю свою душу, сравнивая себя с предателями родины.

Я РОДИНУ НЕ ПРЕДАВАЛ!!!

Я уже не верю сам себе. Казалось бы, ну, что тут такого — я честно работаю, просто на территории другого государства. Что, я, продан за одиннадцать серебряников? Нет, я же честно работаю. Тогда что же ещё мешает мне жить и работать?

Патриотизм?

Неужели коммунистическая пропаганда вдолбила в моё сознание, такую стойкую любовь к родине? Или это корни русской души так крепко и глубоко укрепились в моём сердце, что вытягивают из меня жизненные соки? Может, невидимые струны натянуты между душой моей, и тем местом, где я появился на свет, и всё это за пределами понимания?

Эти струны нам натягивали в детском садике, когда под аккомпанемент баяна, вытягивая тонкие шеи, мы дружно пели:

То берёзка, то рябина,
Куст ракиты над рекой.
Край родной, навек любимый,
Где найдёшь ещё такой?

Эти струны нам натягивали в школе на уроке чтения, когда первое слово, которое мы по слогам прочитали, было слово «Родина».

В какой ещё стране мира, первое прочитанное слово в жизни «Родина»? В какой ещё стране мира, первый школьный урок в жизни — урок под названием: «Жить — Родине служить!»?

Интересно, если ирландец, едет в Австралию работать, мучают ли его мысли о том, что он предатель Ирландии?

Сомневаюсь.

Кто-нибудь в родном краю, скажет ли такому ирландцу, который приехал домой из Австралии на каникулы: «Ты предатель, вот ты кто. Ты предал нашу любимую Ирландию!»

Сомневаюсь.

А мне говорили. В самом сердце России, в Москве, мне так и сказали: «Ты, Александр, предатель!!!»

Как мне жить с этим?

Я, как в старой сказке, стою у камня, который лежит на перекрёстке дорог. Надпись гласит: «Направо пойдёшь — коня потеряешь. Прямо пойдёшь — голову сложишь. Налево пойдёшь — жив будешь, да себя позабудешь».

Также, как в старой сказке, я должен пройти все испытания. Разница в том, что в старой русской сказке, герой всегда возвращается в дом родной. Вернусь ли я?

«Ты, Александр, предатель!!!»

«Ты, Александр, предатель!!!»

«Ты, Александр, предатель!!!»

Мудрецы утверждают, что наличие денег не есть счастье. Это правда, но отсутствие денег, это явное несчастье.

Принесут ли деньги свободу моему сознанию?

Может ли предатель быть счастливым?

Что произойдёт, если я вырву корни русской души из сердца моего, будет ли мне легче жить после этого?

Что же это за корни такие, сорняк ли это, или это тот стержень, благодаря которому, я всё ещё пока существую?

В популярной рождественской песенке поётся: «Пусть приходит Рождество к нам каждый день!» Замечательная песенка, это было бы здорово — каждый день получать подарки и веселиться. Жаль, что такого не может быть.

Русская православная церковь отмечает «Прощёное воскресенье», это последнее воскресение перед Великим постом. В этот день все православные просят друг у друга прощения, чтобы приступить к посту с доброй душой, и с чистым сердцем встретить Пасху. В этот день, поклонившись друг другу из глубины сердец, прощают православные взаимные обиды и согашения.

Я не уверен насчёт подарков и веселья каждый день, но я хотел бы, что бы Прощёное воскресение было каждый день. Чтобы в любой день, каждый день, все мы, любой из нас, мог попросить прощения, и был бы прощён, чтобы не было в сердцах взаимных обид, чтобы не было неприязни или взаимного осуждения. Я хочу, чтобы каждый день мы могли прощать друг друга, и тогда в наших сердцах был бы мир, который даровал нам Спаситель.

Если бы каждый день было Прощёное воскресение, я бы, наверное, мог бы надеяться, что, в конце концов, меня простят и родители, и моя родина. Жизнь устроена так легкомысленно, что легче каждый день устанавливать ёлочку и вешать гирлянды,

нежели прощать грехи и забывать обиды.

Как трудно признаваться в собственной слабости.

Как стыдно признаваться в собственной слабости.

Одни говорят: «Ты уехал за границу! Молодец! Вот какой сильный человек! Это же, сколько сил и воли нужно, чтобы так взять и уехать. Молодец! Завидуем, мы так не сможем».

Я скромно отмалчиваюсь. Я ничего не говорю, потому что и сказать то нечего. Что я им скажу?

Врать не хочу.

Правду?

А правда в том, что это не я молодец, не я человек с мощной внутренней силой и духом, не я, а ОНИ. Я уехал от трудностей в поисках лёгкого хлеба. Они остались получать один евро в день. Я бросил их. Они остались выживать и бороться с трудностями скромного быта, нищенской зарплаты, невыносимых жилищных условий, суровым климатом, разбитыми дорогами и с чиновничьим беспределом.

Они остались, а я уехал.

Они остались на своих рабочих местах, где страна доверила им выполнение гражданского долга, они не предали свой пост, они остались верны родине до конца, невзирая на возможный соблазн уехать. Они победили себя и преодолели преграды нелёгких перемен и потому они заслуживают уважения и почёта. Их имена должна сохранить история России. Им, людям 90-х, тем, кто не покинул страну в то сложное время, должны стоять памятники в каждом городе. Вместо памятников Ленину, который принёс России больше вреда, чем пользы, должны стоять памятники людям 90-х, тем, кто не уехал.

В Дублине, на левой набережной реки Лиффи, на пути по направлению к старому зданию таможни, стоят скульптуры нескольких истощавших человек, которые шагают на корабли, которые увозили эмигрантов из Дублинского порта. Один миллион человек умер и ещё один миллион человек покинул Ирландию с 1845 по 1852 год, в период Великого Голода охватившего Ирландию в результате эпидемии фитофторы поразившей картофельные поля.

Уберите памятники Ленина с площадей российских городов, воздвигните фигуры таких же, как в Дублине истощавших людей, шагающих... но не в порт, а на работу, туда, куда зовёт их гражданское сознание и вера в будущее страны.

Вычеркните моё имя из списков граждан, вычеркните без права на политическую реабилитацию. Я этого не достоин...

Словно пленник порочного круга,

Сам себе и судья и палач,
Я казнён в абортарии духа,
В утешение остался, лишь, плач.
Плод из чрева безжалостно вынут,
При безмолвном согласии ножа,
Оборвали мою пуповину,
И причала лишилась душа.
В портмоне пожелтевшее фото,
Да в кисетике горстка земли,
«Навсегда!» — предрекли самолеты,
«Без отчизны!» — гудят корабли.
Жаль, что поздно я истину понял,
Оглянувшись на прожитый век.
Эмиграция — вовсе не подвиг,
А бессильный, постыдный побег.

— Александр, на тебе лица нет! Что за серые мысли одолевают тебя, — озабоченно спрашивает Шинейд, не переставая дёргать грибы на полке.

— Не, спрашивай, Шинейд... я думаю о том,.. что я обрубил себе все пути домой... у меня нет пути назад, понимаешь? — отвечаю я в поисках её поддержки.

— А что ты так переживаешь? Заработаешь, накопишь необходимую сумму, и вернёшься, наконец, домой. С такими деньгами тебя ещё больше любить будут! — пытается вселить в меня уверенность Шинейд.

— Видишь ли... ты знаешь, что я юрист... я уже никогда не смогу работать по специальности... я был юристом,... а теперь я чёрнорабочий... я сам себя лишил будущего...

— Ну, не всё ещё потеряно, Александр. Почему бы тебе не стать юристом здесь, в Ирландии?

— Это так легко сказать, Шинейд, но как мне это сделать? Квалификацию, мне нужно будет повышать до уровня местных требований и это обойдётся мне в десятки тысяч, ты сама мне об этом говорила. Таких денег у меня нет, и не предвидится. А самое главное то, что в моём паспорте печать, которая не позволяет менять работу. Падди не отдаст рабочего разрешения мне никогда.

— Ну, как-нибудь, Алекс!!!

— Есть один вариант, Шинейд. Ты станешь феей, и превратишь меня из чумазого сборщика грибов в преуспевающего юриста в костюме «Гуччи» и с портфелем из кожи крокодила. Я всё ещё верю в сказки, дорогая Шинейд!

— Я тоже верю в сказки, и потому обещаю тебе для начала, Лепрекона^[25] в виде Падди, а с феей, придётся подождать — я сама ожидаю получить хрустальные туфельки и принца на белом коне, ты будешь вторым в очереди!

— Ну вот, как всегда, даже для того, чтобы помечтать, нужно становиться в очередь! — ответил я, вздохнув так глубоко, печально и искренне, что сам Станиславский^[26] был бы рад за мои актёрские способности.

— Александр, расскажи мне о России, что там всё так ужасно и дико? — спрашивает меня Шинейд между делом, не выпуская ножа из рук.

— Да нет, не так ужасно и не так уж дико. Я лучше тебе расскажу старый анекдот из коммунистического времени. Два червя в куче говна. Отец и сын. Сын спрашивает: «Папа,

некоторые черви живут в яблоке, в малине, почему мы живём в говне?» — «Понимаешь, сынок, есть такое понятие — Родина!»

— Ну и где тут смеяться, что Россия это говно? — пытается вымученно улыбнуться Шинейд.

— Нет, Россия не говно, это аллегория. В общем, должно быть смешно, хотя больше печально. Такой вот странный русский юмор — смеяться не над другими, а над собой. Дело не в том, что всё в России так дерьмово, а в том, что, будучи там, кажется что в других странах слаще, сочнее и счастливей.

— Точно, поле с другой стороны холма, всегда зеленей, — добавляет Шинейд.

— Мой отец сказал бы, что в штанах соседа, хрен толще!

— Алекс! Прекрати! Ты всегда всё опошлишь! — заржала как лошадь Шинейд, заходясь в истерическом хохоте.

Я не могу уснуть. Это состояние крайнего возбуждения, так бывает, когда долго и много работаешь, не спишь продолжительное время и организм, как по инерции катится бодрствуя, и не может, расслабившись, наконец, уснуть. Внутри пульсирует каждый орган. Как пуля со смещенным центром тяжести, ударяя в разные точки тела, колотит тяжелый, нечеловеческий пульс. Мысли крутятся в голове и гудят, как встревоженный улей.

Эксплуатация — это жестоко.

Ха-ха-ха — ничего нового! Эксплуатация, это жизненно важная необходимость работоспособности капитализма.

Александр, это твой собственный выбор.

Это мой выбор?

Ты сам этого хотел.

Я сам этого хотел?

Да, я сам этого хотел, но ЭТОГО ЛИ я хотел? Неужели я хотел, чтобы меня обманывали, унижали и эксплуатировали?

Ирландия не является страной третьего мира.

Это цивилизованная страна.

Это страна... это страна избалованная цивилизацией. Это страна, обласканная и избалованная цивилизацией.

Эксплуатация — это жестоко.

Падди — подпольный катализатор экономики.

Ради таких, как он, ради теневых китов, на которых держится экономика, жёсткая эксплуатация должна быть легализована. Да-да! Именно так!

Если капитализм не стремится испытать финансовый кризис, денежный дефолт и безработицу, жестокость должна быть легализована.

Так, к примеру, было сделано в России.

Когда, в июле 2000-го года, я уехал из России, Минимальный Размер Оплаты Труда в МЕСЯЦ, был установлен законом в сумме 132 рубля. 132 рубля это, в пересчете по банковскому курсу сегодня, составляет 3.5 евро в МЕСЯЦ. Вот это и есть узаконенная жестокость. Вот это и есть узаконенная эксплуатация.

Государству нужна легализованная эксплуатация такого рода. Растущий Минимальный Размер Оплаты Труда — это растущая безработица, это кризис бюджетной системы страны. Рабочий класс должен получать мало, чтобы государство не обанкротилось. Активизация профсоюзного движения за права рабочих — это тихая, бескровная революция без единого патрона.

Эта не стреляющая революция убивает капитализм изнутри, как червь точит яблоко.

Когда в 1880 году в Америке образовалась профсоюзная организация «Рыцари Труда», они тогда не знали, что в результате их усилий уже в 1960 году промышленники начнут выводить своё производство за пределы страны, туда, где рабочая сила стоит дешевле. В результате вся индустрия Америки окажется в Китае. Америка лишила себя рабочих мест. Этого добивались профсоюзы?

В 2000-ом году в Ирландии было 700 грибных ферм. В 2007-ом осталось всего лишь 70. Прогрессивная работа профсоюзов по увеличению МРОТ, привела 630 ферм к банкротству. Кому от этого стало лучше?

Эксплуатация нужна государству. Но почему я должен страдать от этого?

ПОЧЕМУ Я?

Кого-то интересует моя жизнь, мой мир?

Мой мир это вагончик, гниющий, несмотря на то, что я в нём живу. Мой мир, это освещённая лунным светом извилистая дорожка на ферму. Мой мир, это десять туннелей без окон, как в склепе. Мой мир, это десять туннелей с грибами, бледными, как лик смерти. Мой мир, это редкие глотки свежего воздуха, в тот момент, когда я выскакиваю с ведром грибных обрезков опростать ведро. Что я тут делаю? Я хочу быть рабом своей жены, своей любви. Я хочу быть слугой своих детей. Я хочу их любить.

Что я тут делаю? Папа прав. Те люди в Москве, правы — я предатель.

Да. Точно, я предатель. Я предал родину, покинув её.

Я предал маму, оставив её.

Я предал своё образование.

Я предал учителей, которые в меня верили.

Я предал собственные идеалы.

Я предал два мандарина из моего детства.

Я предал солдат, которые не вернулись с кровавых полей Великой Отечественной. Я предал солдат, которые освобождали нашу страну от захватчиков, **ДЛЯ МЕНЯ! ДЛЯ МОЕГО БУДУЩЕГО!**

Я как нацистский солдат, коваными сапогами иду по могилам предков. Своим предательством я втоптываю память о самоотверженном подвиге дедов в дорожную грязь.

Я дважды оборвал свою пуповину. Первый раз при рождении. Второй раз, когда покинул родину. Первый раз был во имя жизни. Второй раз во имя смерти — я умер для свой родины.

Неужели у меня не было иной возможности реализовать

себя? Было, я просто испугался временных трудностей.

Неужели предательство, это единственно возможное решение? Нет, не единственное, но самое опрометчивое.

Мне бы уехать. Всё бросить бы, но как я буду смотреть в глаза тем, за чьи жизни я в ответе. Что я скажу голодным детям своим? Извините, у вашего папы кишка тонка, он не смог убирать грибы?

Я должен быть для них героем. Я должен стать непререкаемым авторитетом. И я буду, буду! Пусть меня назовут предателем, у меня есть своя правда. Я честно зарабатываю свой хлеб. Родное государство кинуло меня, выплачивая за работу 1 доллар в день. Надо ещё разобраться кто тут предатель.

Надо разобраться... ведь неспроста же, я, теряя самообладание, метался между офисами московских агентств, оформляющих фальшивые документы, лишь бы человек имел возможность уехать на ЛЮБУЮ работу в Америке, Англии или где то ещё, неспроста же я написал тогда это стихотворение:

В механизме людей и людишек,
Стали туго затягивать гайки,
Повышая лимит на излишек,
Сокращая размер бедной пайки.
Зажимают нас шайбой неровной,
Чтоб занозы больнее вонзались.
Молотком по макушкам, любовно,
Бьют, чтоб выше не поднимались.
И я чую, как грани стираются,
И труднее нам в гнёздах вращаться.
Затянуть нас потуже стараются,
Но стремление есть упираться.
Направление нам уготовано,
Не хочу покориться судьбе.
Знаю я, что резьба будет сорвана,
И завертится, не по резьбе!

— Александр, у нас предстоят выборы в местные органы самоуправления. Выборы в местный совет, ты должен голосовать! — давит Падди на моё политическое сознание.

— Должен, значит, буду.

— А за кого ты будешь голосовать, ты уже знаешь?

— Ещё нет, ты мне подскажешь, за кого стоит?

— Александр, я скажу за кого голосовать, — вмешивается в разговор Шинейд. — Голосовать надо за того, кто даёт бедным людям дома!

Падди опускает нас обоих с небес на землю:

— Александр, я скажу тебе за кого надо, за того и проголосуешь, ясно? И не вздумай хитрить, ты должен проголосовать за нашего человека, у нас с тобой не должно быть разногласий, тебе понятен мой намёк?

Его намёк мне весьма понятен. Я уже узнал цену моего с ним разногласия. Это называется: «Голосуй или проиграешь!»

Мне не понятна, только, формулировка, поданная моей подругой Шинейд: «Голосовать надо за того, кто даёт бедным людям дома».

— Скажи мне, Шинейд, как это понимать?

— У нас уже есть депутат, и если кому-то нужно жильё, то он обязательно поможет. Вот за него-то и стоит голосовать.

— Ага, понятно! Тот, кто уже является депутатом и имеет косвенное отношение к распределению социального жилья, спекулирует на доверии избирателей, пользуясь служебным положением. Понимешь, Шинейд, создаётся видимость всесильности депутата. Простые люди голосуют за него снова и снова, в надежде на поддержку личных интересов.

Избиратели надеются на получение от депутата того, что и так полагается им по закону.

— Ты, возможно прав, Александр, но говорить об этом всё равно бессмысленно.

— Почему бессмысленно, ведь можно голосовать и за другого кандидата, разве не так?

— Вот именно, что не так, Александр. Вот, к примеру, я буду голосовать за своего кандидата.

— Что значит «своего», он, что твой родственник?

— Нет не родственник, просто, мой дедушка голосовал за кандидата из одной и той же партии, всегда! Мой отец, также, неизменно голосовал за эту же партию, иначе, его отец поколотил бы его, вот и я, по семейной традиции, также, голосую за эту же

партию! Теперь понятно? У меня нет вариантов, у меня нет выбора! Мой выбор предрешён традицией моей семьи.

— То есть это у вас такой семейный обычай — голосовать за одну партию?

— Да, это неписаное правило, и оно работает в каждой семье, Алекс, таково наше наследие.

— Голосовать за своего кандидата, а не за чужого, очень лёгкий выбор. Это такое ваше наследие — шагать в темноте держась запереди идущего?

— Грубо говоря, это так.

— А если самый первый в колонне — слепой?

— Нет, этого не может быть, Александр, мы всё равно выбираем между хорошим и отличным!

— Как знать, Шинейд, как знать, знаешь ли, пчёлы летят на мёд, а мухи, сама знаешь, далеко не на мёд. Пускай ты пчела, и ты выберешь свой мёд, но у мух есть своя альтернатива, и они уверены, что она лучшая.

Конечно, каждый проголосовал так, как ему велело его сердце. Мы с Шинейд наблюдали за этим процессом с интересом.

— Невероятно, Александр, взгляни на результаты. Тенденция, однако! В нашем районе выборы выиграл пабликан — владелец паба. В соседнем районе выборы выиграл пабликан — владелец паба. В соседнем районе с другой стороны, выборы выиграл пабликан — владелец паба.

— Ха! Видимо, у них мощная поддержка — «Партия Любителей Пива»!

— В городке, где я живу, Александр, — продолжала Шинейд, — в том самом, где выиграл пабликан — самая худшая дорога во всей Ирландии. Будет ли она отремонтирована?

— Конечно, будет, в этом нет сомнений, иначе выползая из-за барной стойки, посетители паба рискуют застрять в яме на дороге.

— Сомневаюсь. Лучше бы голосовали, за того, кто даёт дома. Теперь будем и без домов и без дорог.

— Не переживай, Шинейд. Будут и дома и дороги. Всему можно научиться. Что такое быть депутатом? Это искусство хитро делить бюджетные деньги между статьями расходов. Тот, кто способен убедить избирателей, в том, что он лучший кандидат, тот уж точно владеет приёмами хитрости, потому что настоящий лучший не умеет хитрить, и за него никогда не проголосует большинство.

— Напрасно не выдвигается в кандидаты, тот поляк, помнишь, я про него тебе говорила? Его знают все в округе, потому что он торгует нелегально привезёнными сигаретами. Он

так популярен!!! Он бы точно выиграл выборы.

— Знаешь, Шинейд, я понял твой юмор, но сигареты, это зло. Быть депутатом, значит делать добро. Добро надо делать бескорыстно. Если бы я стал депутатом, я бы отказался от всех полагающихся депутату денежных довозльствий. Нет. Я бы всё направлял на благотворительность! Да, именно так, на благотворительность! Жаль, что я не депутат...

— Так и выдвинул бы свою кандидатуру, почему нет?

— Боюсь, что не стоит. Я никому не умею отказывать. Я не умею сказать нет. Да, быть депутатом, значит делать добро, но я чересчур добр, а это значит, что у меня не получится хитрить с бюджетом в пользу чего- то. Я буду страдать, сочувствуя, тем, кому отказано. Чтобы быть депутатом, то лучше сразу не иметь совести, чем потом мучиться от её угрызений.

Холодно до жути. Чистим тоннель от отработанного компоста, который завершил свой цикл производства грибов. Вонючая, убийственно смердящая сероводородом жижа льётся на одежду, на головы. Я зол, но нет сил для того, чтобы ругаться. Сохраняю мирное состояние духа.

Падди подбегает с очередной проверкой:

— Быстрее, быстрее!

Я сохраняю мирное состояние духа. Я делаю миролюбивые глаза. Даже, нет, не миролюбивые, а жалостливые, как у Хью Гранта^[27].

— Падди, смотри, мы и так быстро работаем, у нас не было и минутки на перерыв.

— Александр, блхдь! Ты должен меня уважать! Ты видишь у меня плохое настроение? — Падди сжал свои зубы и обнажил их, как английский кокер-спаниель, в готовности к агрессии.

— Падди, извини, но я работаю очень быстро, на максимуме возможности.

— Александр, ебхть! Если закончите поздно, ТЫ БУДЕШЬ ВИНОВАТ!!!

Декабрьский холод, лёд хрустит под подошвами ботинок. Моя одежда мокра насквозь. Иду домой и леденею по пути. Мне видно моё ближайшее будущее — я кандидат на получение воспаления лёгких или менингита.

Возможно, в этот момент, мои дети сидят у рождественской ёлки. Они сжимают в худеньких ладошках свои мандарины и молятся, чтобы их папа приехал. Детки молятся Святому Николаю. Дети молятся, но я не приеду.

Чему я научился?

Ничему.

Что я получил, знание?

Нет, наказание.

Господи, какой я глупец! Я глуп, я совершил трудно исправимую ошибку, я признаю это, но поздно. Дети молятся, а я снова не приеду.

— Падди, не мог бы ты приобрести фартуки. Плотные, резиновые. Это нестерпимо мокро и холодно выполнять чистку тоннеля без фартука.

— Ты же, русский. У вас такие холода в России. Ты привычный! Тебе не должно быть холодно, ты же из России. У меня нет лишних денег на фартук. Если тебе надо, то покупай сам! — отошёл от проблемы Падди, а глаза его при этом такие

честные—честные, добрые—добрые.

Через два дня Падди пригласил коммерсанта. Я заказал у него фартук, резиновые сапоги, фуфайку.

— Я выставлю тебе на счёт, а, Падди? — спрашивает коммерсант.

— Нет, Александр всё оплачивает сам!

— Падди такой хороший человек. Он джентльмен, не так ли? — хитро подмигнул мне коммерсант.

Что он имел виду? Это был сарказм, или он был серьёзен со мной? Резиновые сапоги и фартук мне нужны для того, чтобы я на него работал. Если Падди джентльмен, то почему он не выполняет своих обязанностей по снабжению работника самым необходимым?

— Откуда ты, Александр? — спросил меня коммерсант заинтересовано и фокусировал на мне свой академический взгляд.

— Я из России.

— А где эта страна находится, где-то возле Литвы? — неуверенно продолжил коммерсант.

В этот момент было видно, как зрачки его пронзительных орлиных глаз повернулись внутрь и бегают так, как будто пытаются прочесть информацию, написанную внутри его черепной коробки. Но тщетно. Файл не найден. Таким образом, одна пятая часть суши планеты Земля осталась малоизвестной окраиной Литвы.

Я не стал его переубеждать. Бессмысленно.

— Да, — сказал я, — Россия это, примерно между Литвой и Китаем. Если будешь в неё целиться — не промахнёшься.

Как любопытно он сказал «Падди — джентльмен, не так ли?»

Мне верится, что на самом деле, Падди — джентльмен. Где бы он ни появился, с кем бы он ни общался, Падди — джентльмен. Однако, когда он повелевает — он диктатор. Когда он командует, он показывает себя таким, каков он есть на самом деле. Возможно, Падди был джентльменом, но сама возможность приказывать, сделала его диктатором, а по сути — негодяем. Безграничная власть развращает хозяина, а Падди развращён безграничной властью, уже абсолютно.

Здравствуй, моя душа, здравствуй Александр!

Как не хочется думать о проблемах, когда на улице лето. Вчера купила Насте велик. Я подавала объявление в газету, так как «Школьники» на рынке стоят \$25. Я же, купила за \$7, хорошенький славный велик, конечно, он бывший в употреблении, но вполне катаемый. Настя

вчера уже опробовала его.

Наконец-то переделала домашние дела. Как тяжело дома без мужчины! Я открутила сифон под раковиной на кухне, там опять почему-то плохо вода стала утекать, прикручивала обратно полдня, наверно. Замучилась невозможно, вроде всё подогнала, резьбу состыковала, прокладки поправила, так нет, зараза, теперь ОН начал протекать. Ну что ты будешь делать?!!! Обмотала я его тряпкой половой, пока жить можно.

Так быстро летят дни, что не успеваешь оглянуться, как наступают выходные. Анастасия мне однажды сказала, как было бы здорово, если бы было пять выходных и только два будних дня □. Своими философскими изречениями она заткнет всех за пояс.

В выходные пришла мама и спросила: «Что тебе подарить?» — Я говорю: «А зачем?» — Она мне: «Так у тебя же день рождения!» — Я ей ответила: «Мама, мне не хочется никакого дня рождения, ты лучше сохрани эти деньги». Знаешь, милый, я совершенно не хочу потратить очередную кучу денег на продукты для дня рождения. Денег жалко очень и потому, я уверена, я не получу от этого никакого наслаждения. Эти расходы только раздражают меня.

Я поливала в выходные цветы на балконе и, залезая на топчан, неудачно свалилась. Я так больно ободрала себе локоть. Теперь на локте большой синяк и приличная царапина. Звонит мне Настя вчера на работу с рёвом. Оказалось, что она свалилась с велосипеда. И тоже порядочно для того, чтобы ободрать руку, которая теперь вся измазана йодом и покрыта коростами от запекшейся крови.

Действительно, как будто судьба испытывает нас на прочность. А может быть, просто мы расслабились от того, что мы скоро будем с тобой, и ты сможешь нас защитить от всего. «Ещё немного осталось, нельзя расслабляться», говорю я себе. Все наши неприятности, я уверена, исчезнут, как только мы увидим улыбающиеся глаза нашего любимого мужчины.

Любим тебя безумно, жена и дочурки.

Р. С. Жду визу. Посетить Ирландское Посольство в Москве, это всё равно, что сходить в зоопарк — такие же ощущения, словно с хищными зверьми пообщался. Ожидание визы, как игра в «Красное и Чёрное».

Воскресенье. 5.15 утра. Не открывая глаз, я одеваюсь, нет, я просачиваюсь в свою одежду как привидение. Как хочется, проснувшись, знать, что сегодня, допустим четверг, и это значит, что завтра будет пятница. А пятница, это короткий рабочий день, это пиво и картофельные чипсы, это встреча с друзьями и спор о футболе, это продолжительный и сладкий сон на следующее утро.

Но моя неделя не делится на отдельные дни, у меня всегда воскресенье. У меня каждый день воскресенье, потому что, каждый день это осознание неизбежности. А по воскресеньям эта неизбежность ощущается необыкновенно остро. У меня 365 дней роковой неизбежности подряд.

Боже, я хочу быть полезным.

Как справится с чувством собственной ненужности? Кому интересна моя личность? Я просто рабочая единица!

А что я должен был ждать? Уважения?

Наивный!!! Уважения!

От добра, добра не ищут. Уважением следовало наслаждаться дома. Дома я получал уважение. Тут — деньги!

Почему, скажите, почему такое в груди ощущение, что уважение гораздо нечто большее, чем деньги. Кажется, что уважение, важнее, чем деньги.

Человеку важна самооценка!

Уважение. Пожалуй, это именно то, чем люди отличаются от животных. Животные тоже проявляют любовь, преданность и понимание друг к другу.

Животные так похожи на людей, ни одно животное не спросит: «Ты меня уважаешь?» — «Я тебя уважаю!»

Животные всегда честны. Они не умеют врать. Животные не знают обмана и именно поэтому попадают в капканы, рыбы попадают на крючки. Моя честность погубит меня. Моя честность и доверчивость — мои враги.

Моя честность это ещё одна из причин, почему я бросил работу юриста. Юрист это вовсе не означает справедливость. Юрист, это умение совершить несправедливость, законным образом. Юрист, это тот, кто отмазывает, оттирает от грязи, ищет обходные пути для того чтобы избежать правосудия. Юрист использует закон и получает за это зарплату, а в это время чиновник нарушает закон и получает за это мзду.

В налоговой инспекции я был чиновником, и моя честность не позволяла мне брать взятки. Я предпочёл страдать физически, собирая грибы, чем страдать морально от угрызений совести.

— Александр, ты, что так медленно работаешь? Пошевеливайся, Александр, быстрее, быстрее! — Подгоняет меня Падди.

— Падди, у меня очень болит голова.

— Выпей «Панадол», всё пройдёт.

— Я, конечно, могу выпить «Панадол», Падди. Только она у меня болит каждое утро. Это от недосыпания. Это самоуничтожение — лечить недосыпание «Панаолом». Мне нужно просто выспаться, хотя бы раз в неделю. Недосыпание лечить «Панаолом», это криминал по отношению к собственному здоровью.

Я заглядывал в глаза собак. Мне кажется, что во взгляде собак, явно, угадывается наличие совести. Я не знаю, как они её проявляют, но совесть у животных есть. У Падди совести нет.

Сто пятьдесят миллионов лет назад человек произошёл от обезьяны. В результате этих ста пятидесяти миллионов лет, я вижу, что человечество по-прежнему делится на людей и человекообразных обезьян. Как ещё можно объяснить желание некоторых особей кричать на других, унижать и выражать собственное превосходство над другими? Это стадный инстинкт, инстинкт подчинения вожаку.

Унижая меня, Падди пытается поставить меня на колени, он добивается закрепления статуса «я твой вожак, ты мой слуга». Это какой-то анахронизм, это рудимент, как остатки волосяного покрова на теле. Почему мы не можем сохранять взаимоуважение или просто цивилизованные человеческие отношения, работая вместе?

Это схватка один на один. Я борюсь, но я борюсь не с тем, кто меня унижает, я борюсь сам с собой. Это ещё труднее, когда враг — ты сам. Ты один в этом мире, а врагов много — гордыня, амбиции, неудовлетворённость собой. Чтобы бороться с такими врагами нужно хорошее оружие.

Алкоголь?

Алкоголь действует на меня, как жаркое солнце на кожу ирландцев — обжигает. Мой организм не в состоянии его переваривать.

К счастью, не алкоголь.

Любовь, надежда и вера. Только они способны сохранить мой рассудок в стремлении выжить.

Каждый вечер я собираюсь с духом, чтобы вновь переносить трудности моей внутренней борьбы. Каждое утро я спрашиваю себя: «Какое доброе дело я могу совершить, чтобы к вечеру я был счастлив?»

Работать, работать и ещё раз работать. Работать с любовью и

преданностью к своей работе, с любовью к моей семье. Работать с надеждой на встречу и с верой в добро.

Какое это счастье — любить! Любить детей и мне не нужно прыгать с парашютом, чтобы ощущать минуты кайфа. Мне не нужно карабкаться в горы, чтобы доказывать себе своё мужество. Моя разлука с детьми вполне достаточное испытание чувствам, и награда за это испытания, это радость общения. Наградой мне станет:

Возможность воспитывать своих детей;

Возможность наблюдать, как дети изучают окружающий мир;

Возможность замечать, как дети взрослеют;

Возможность ощущать на себе их восторженные взгляды, взгляды полные благодарности за счастье быть любимыми.

«Папа, а ты не пойдёшь сегодня на работу?» Боже, как мне хочется услышать такие слова.

— Папа, а ты останешься сегодня с нами?

— Да, конечно!

— Папа, а ты будешь спать с нами?

— Конечно, мой малыш!

— А ты будешь утром пить с нами чай?

— Только с тобой, моя сладенькая!

Боже, как радостно услышать такие слова. Я готов на любые физические страдания, только бы слышать этот детский голос, только бы видеть глаза, наполненные неподдельной любовью.

Какое это счастье — любить! Любить жену и мне не нужно жить шведской семьёй, для того чтобы получать ультра и инфра гамму спектра удовлетворения. Мне не нужно искать приключений с женщинами, которые не заботятся о своей репутации, для того чтобы чувствовать себя мужчиной. Моя разлука с женой вполне достаточное испытание чувствам и награда им — окрепшая любовь. Любовь, которую я и она, сами взрастили и укрепили. Наградой мне станет:

Возможность насыщаться не пресыщаясь;

Возможность наслаждаться не заблуждаясь;

Возможность взаимно ощущать свою необходимость, уникальность и незаменимость, и это, пожалуй, самое приятное из всех искренних обоюдных проявлений любви.

Закрываю на секунду глаза. Они тонут вглубь мозга. Голову тянет вниз в ведро с огрызками грибов. Глаза улетают вглубь черепа, они летят, словно наполненные гелием. В медицине есть такое понятие «Клиническая Смерть». У меня «Клинический Сон». Моё состояние, это уже не бодрствование, но ещё и не сон. Это новое качество — перерыв непрерывности.

Бывает так, грызёшь орешки и звук разгрызания грохотом отдаётся во всех уголках и сферах черепной коробки. Тебе кажется, что ты растревожил всех вокруг, однако нет, этот звук слышен только тебе и больше никому. Так и с головной болью. Ты ощущаешь её явно, как инородное тело в твоём мозге. Но никто не может разделить твоих страданий, никто этого не может заметить. Для сострадания нужен второй человек, такой, кто способен ощутить твою боль.

Секунда кажется вечностью. Секунда клинического сна. Через секунду я очнулся в ужасе — не увидел ли Падди!!! Я не хочу потерять работу. Слишком много я поставил на карту, чтобы выбывать из игры из-за сиюминутного проявления слабости характера. Слишком много человек зависит от меня. Судьбы нескольких человек зависят от того вытерплю ли я. Господи, мне не нужно богатства, дай Бог мне только вытерпеть всё это!

— Александр, что у тебя в душе? Мне не нравится твоё отношение! — Падди, как фейерверк, разбрасывает искры и сам готов воспламениться.

— Отношение к чему, какое отношение?

— Отношение к работе!

— Я не понимаю, что всё это значит, я встаю в 4.30 утра, работаю за троих, верчусь как юла, про какое отношение, ты говоришь???

— Если, что-то будет не так, Александр, то во всём будет твоя вина! И не смотри на меня так, как бы ты не глядел на меня, ты ошибаешься. Работать быстро! И главное, Александр, знай своё место!

Зачем он говорит мне это? Ведь, это неправда. Он наводит этот поклёп намеренно, умышленно. Он говорит не то, что есть на самом деле, а то, что может ранить меня. Он говорит так, чтобы причинить мне боль.

Я работаю на двести процентов. Я знаю, что если я, хоть что-то сделаю не так, я буду виновен даже в цунами, которое случилось в Тихом Океане. Это триумф абсурда. Ему неважно за что зацепиться. Он ищет причину для того, чтобы прийти в

ярость. Ему нужно придрататься ко мне. Он ищет повода, чтобы нанести мне оскорбление.

Падди напрасно ждёт, что я отвечу грубостью на его глупые нападки. Я достойный человек и никогда не позволю себе унизиться до плебейского уровня.

До плебейского уровня?

А чем я отличаюсь от плебея?

Я и есть плебей!

Нет, хуже, я проститутка.

Проститутка идёт на сделку со своей совестью, торгуя собственным телом. У неё, возможно, есть самолюбие, и она, может быть, будет иметь высшее образование, когда-нибудь... а сейчас она торгует телом, чтобы прокормить себя.

У меня-то тоже самое! У меня есть высшее образование, у меня есть самолюбие, а получаю я унижения и такой тяжёлый труд, который не назовёшь иначе, как изнасилование. Ничтожная сумма, которую я получаю, не оставляет никаких сомнений в том, что меня насилуют.

Желание уснуть превращается в боль. Почему если я болен, то, кажется, что я болею, как никто другой? Если я люблю, то почему кажется, что никто другой не испытывают любовь, подобную моей? Когда я знаю, что мой ребёнок самый лучший на свете, я не сомневаюсь, в этом.

Я знаю, почему это так. Потому что мы все Божьи дети, в каждом из нас искра Божья, Божья любовь. Бог в каждом из нас, именно поэтому каждый из нас прекрасен, каждый уникален и каждый самый лучший.

Люди ждут появления Бога, надеются на его пришествие. Не надо этого делать. Он уже здесь! Он среди нас. И даже это не правда, потому что мы и есть Бог.

Бог, как дерево, мы его листья, мы части целого. Именно поэтому он любит каждого, ценит каждого. Он никого не наказывает, разве можно наказывать, к примеру, собственную руку или ногу? Нет. Он любит всех и каждому помогает, а если кто-то этого не видит, то это от неверия.

Я лично виделся с Богом. Он остановил меня на дороге и сказал: «Не гони, парень, будь осторожен!» Он отдал мне честь, как положено сотруднику дорожной полиции, и я поехал дальше. Через некоторое время, я устал, потерял бдительность, ускорил автомобиль и не справился с управлением. Авария. Я сломал два ребра и угробил машину. Он предупреждал меня. Но я не понимал этого. Как часто это случается...

Я лично разговаривал с Богом по телефону. Он сказал мне: «Милый, не делай глупости. Не снимай денег со счёта, не отдавай

этим людям. Они мошенники!» Я ответил: «Жена, моя, любимая! Мне кажется, это будет выгодное вложение!» Меня обманули. Я не послушал её, как это часто случается...

Как часто случается, что мы сами не хотим сознаваться в том, что Бог нам помогал, а мы сами, не принимая во внимание его советы, ведём свою судьбу в неверном направлении. Нам кажется, мы преодолеваем препятствия, а на самом деле никаких препятствий нет. Это всё знаки, которые посылает нам Бог, дабы уберечь нас от очередной глупости.

Жена моя говорила мне: «Откажись от этой глупой идеи. Не стоит ехать никуда». Её устами говорил Бог. Как поздно я всё осознал. Я считал себя умнее Бога, как это часто случается...

«Господи, за что мне это наказание?» спрашиваю я себя. Я понимаю, что это не наказание, это моё собственное заблуждение в судьбе.

Я запутал свою судьбу. Я искалечил свою жизнь. Я инвалид жизни.

Я молюсь.

Я молюсь несколько раз в день.

Я не прошу Бога: «Дай, дай, дай!»

Я знаю, что Бог даёт всем, всегда всё то, чего мы достойны.

Моя молитва, это покаяние. Моя молитва, это поклонение перед Богом. Моя молитва, это тренировка души. Моя молитва это воспитание крепкого духа. Моя молитва, это попытка пробить дорогу в лабиринте вопросов и ответов: Как не стать безумным, когда ум уже отключается? Как стать счастливым, когда для счастья уже не осталось поводов? Как вернуться назад, когда мосты все сожжены?

Моя молитва, это гимн жизни. Моя молитва, это мелодия всеохватывающей любви.

Помните мелодию Нино Рота^[28] из фильма «Крёстный Отец»? Я подарил музыкальную открытку моей дочери. Когда эту открытку открывали, она проигрывала ту мелодию. Дочери было в тот момент три года. Она слушала волшебные звуки и плакала. Это были искренние слёзы. Это были сентиментальные слёзы.

Какие мысли тревожили душу маленькой девочки? Какие образы возникали перед её взором? Мысли о жизни и смерти? Картины прекрасного и омерзительного? Сюжеты человеческой глупости и искупления грехов? Она слушала музыку, и трогательная мелодия рождала жалость в её душе. Жалость по отношению к кому или к чему?

Девочка моя. Она плакала, отдавая себя этой прекрасной мелодии. Нино Рота услышал музыку Бога, и подарил нам. Это божественная музыка, это мелодия всеохватывающей любви,

чистая как молитва, именно поэтому она и рождает такие откровенные чувства. Господи, сделай так, чтобы я видел слёзы моей дочери только вот в такие прекрасные моменты. В моменты соприкосновения с прекрасным, в моменты разговора с Богом.

Все умирают. Умру и я. Что за глупая традиция хоронить и поклоняться мёртвым! Какая необходимость проливать слёзы? Я не хочу этого! Пусть, просто, зазвучит музыка Нино Рота и меня просто не будет, и всё...

Я знаю. Это не наказание. Теперь это испытание. Это испытание на прочность что победит в этом сумасшедшем мире? Честность? Разум? Деньги?...

Честность.

Для торжества честности на Земле еще не созданы условия. Людские пороки, как вспышки инфекционных заболеваний балансируют и нивелируют все тщетные попытки честности осласлнвнть чловечество.

Разум.

Нет на Земле ничего более ненадежного, как разум, пока... пока существуют деньги.

Деньги.

Деньги ослепляют разум. Деньги оглушают честность.

Чтобы не пытались класть на чаши весов, всегда перевесит та чаша, куда добавили денег.

Бог всегда мне помогает заработать денег. Вот и сегодня, повалил снег огромными хлопьями. Красиво, как в Голливуде, где умеют изготавливать снежные хлопья двадцати видов. Шинейд бросила свою работу едва начав. Мне досталось собирать её грибы. Мне достался её заработок.

Она кинулась домой с криками:

— Катастрофа! Я еду домой! Срочно!

— Шинейд, что случилось? — я в полном недоумении, гляжу на этот побег.

— Алекс, я должна бежать, иначе я рискую остаться здесь очень надолго! Ты ещё не знаешь что такое настоящая зима в Ирландии?

— Бог с тобою, Шинейд, я знаю, что такое настоящая зима в Сибири! Я уверен, что это две большие разницы, — не перестаю удивляться я.

— Александр, если снег не растает, то мы все тут в заточении! — прокричала она и исчезла на три долгих дня пережидать суровую ирландскую зиму.

Коварная ирландская зима.

Зимой в России движется всё и всё равно все замерзают. Зимой в Ирландии никто не замерзает, но никто и ничто не движется.

Три дня коварной ирландской зимы. Снег исчез, также внезапно, как и появился. Можно считать, что его и не было, потому что на следующий же день, на обочине дороге желтели солнечные нарциссы, под кустиками по дороге в мобильник,

белели подснежники, а над моей головой щедро раскинула свои ветви вишня, цветущая нежно-розовыми цветками, напоминая японскую сакуру.

Как не описать это в стихах? Я не мог оставаться равнодушным к красоте, и, улучив минутку, я записал в мой издававший виды блокнотик, охватившие меня чувства.

В Москве снег шапками лежит на ветках пышно,
Созвездия сугробов по земле,
А на Сент Стивен Грин цветёт шальная вишня,
И не подумаешь, что это в феврале.
Ругает непогоду дворник на Арбате,
А дублинский, приносит в дар сюрпризы:
Для девушек, под стать их лёгким платьям,
На клумбах распускаются нарциссы.
Не укрывались снегом зимние аллеи,
Метель позёмкой не кружила кольца,
Но восхитительны, под окнами белеют,
Подснежников весенних колокольца.
Я в книге меж страничек приберёг,
Отросток вереска зимой цветущий — чудо,
На память долгую — зелёный островок,
Пленил меня оттенком изумруда.

Три дня я собирал грибы на полке Шинейд. Спасибо небу, спасибо Богу за этот снег, спасибо за дополнительный заработок!

Есть только один враг у денег. Есть один подводный камень, на который, напоровшись, деньги теряют свою магическую силу.

Имя этому исполину — Жадность.

Чтобы не пытались класть на чаши весов, всегда проиграет та чаша, куда добавили жадности. Какие бы огромные деньги не вступали в игру, они всегда в проигрыше, если их союзник жадность.

Шинейд позвала меня с собой поехать на карбут^[29]. Это рынок где люди продают всё ненужное, избавляются от старья.

— Зачем я поеду, Шинейд? — недоумеваю я. — Мне нечего там делать. Денег у меня нет, и продавать мне нечего.

— У каждого есть что-нибудь продать. Я понимаю, что здесь у тебя почти ничего нет, но поверь мне, если покопаешься, то всегда найдёшь что-то что тебе уже не нужно. Запомни, если ты не пользовался вещью более полугода, значит, она тебе больше не нужна!

Я поехал с Шинейд и взял десяток ненужных компакт дисков — у меня были сделаны копии, как раз кстати. Это были

замечательные коллекции музыки, несколько альбомов в одной коробке. Подарочные издания. Удобно — лучшие альбомы в одном комплекте. Неожиданно для себя, хотя недорого, без выгоды, но я всё распродал.

Остался один диск группы U2^[30]. Его никто не хотел брать. На него никто не обращал внимания. Один человек проявил ленивый интерес, но так и не купил этот CD. Я с удивлением спросил его:

— В чём дело, почему никто не желает покупать этот диск? Я был уверен, что U2 продастся первым, ведь это ирландская группа, в отличие от других групп.

— Очень просто, — ответил мне незнакомец, — Боно^[31] никто не любит, поэтому ты и не можешь продать этот диск.

— Как не любят, я читал, что во всём мире его альбомы самые раскупаемые?

— Может быть и так, но здесь его не любят.

— Но почему?

— Очень просто — он не патриот Ирландии, он платит налоги в другой стране, в Нидерландах. Странное проявление жадности, не правда ли? Такой великий человек, и такие низменные страсти и позорящие его игры с налогами.

Жадность погубила многих. Жадность погубила многое. Жадность погубила империи. Жадность погубила маленькие страны.

Разбалованные люди хотят многое, нет, не многое — ВСЁ, и за короткий срок. Люди не хотят платить налоги. Люди хотят регулярное, безграничное денежное пособие от государства. Жадность поднимает зарплаты. Жадность понижает налоговые ставки. Жадность борется, упирается и не знает покоя. Жадность пилит сук, на котором сидит.

Жадность подтолкнула Ирландию открыть границы для дешёвой рабочей силы из небогатых стран Евросоюза. На дешёвой рабочей силе строятся капиталы, они залог успешной экономики. В государство с четырёхмиллионным населением, хлынул поток из восточной Европы, в которой проживает в совокупности более пятидесяти миллионов человек.

Жадность подтолкнула Ирландию открыть границы для дешёвой рабочей силы. Вместе с ней в Ирландию хлынул криминал.

Открываю местную газету. Что я вижу! Мои старые знакомые Ажолас и Гедриас. Напились с друзьями до скотского состояния. Подрались между с собой. Убили одного товарища от нечего делать. Погрузили в багажник легковой машины и повезли в поле закапывать труп. По дороге труп ожил, стал стучать из багажника. Ажолас и Гедриас остановили машину и решили добить несчастного. Тот оказался ловчей. Вырвался, убежал и нашел спасения в одном из домов неподалёку от дороги. Таким образом, и раскрылась эта история. Я рассказал о прочитанной статье всезнающей Шинейд.

— О, Александр, ты не поверишь, таких историй сотни. Моя старшая дочь работает секретарём в суде. Она мне такие истории рассказывает, как услышишь, сразу поседеешь. Извини, но твои соотечественники — «Новые ирландцы» так сказать, садятся за руль с бутылкой водки в руке и никого не боятся. Они насилуют беззащитных девушек, тех, кто работает за гроши, собирая клубнику на сезонных работах. Они торгуют подпольными сигаретами и спиртным, контролируя весь рынок контрабанды. Сама удивляюсь, к чему стремился парламент, открывая границы для всех?

— Шинейд, извини, ты обвиняешь всех иностранцев, измеряя всех одним шаблоном.

— Да, это ты меня извини, я не имела в виду тебя.

— Нет, причём тут я? Я понимаю, что если закон нарушил иностранец, то это сразу заметно, и кажется, что все иностранцы — бандиты.

— И всё равно, Алекс, твои земляки, все какие-то подозрительные. Не улыбаются никогда, и не здороваются, а когда разговаривают между собой, то я чувствую по интонации, что они ругаются. Они постоянно ругаются. Нет, не нужно было впускать такое количество иностранцев. Какие тёмные и непрозрачные очки жадности должны быть на глазах наших министров, чтобы не предвидеть очевидного? Во всех парламентах мира столько общего. Все парламенты мира работают одинаково — на авось. Авось сойдёт!

— Ты во многом права, Шинейд. Когда я собирался приехать сюда, то мне пришлось получить справки о несудимости из милиции, и даже, я сдавал кровь чтобы получить справку об отсутствии таких опасных заболеваний, как СПИД и гепатит. До открытия границ 1-го Мая 2004-го года, компания "Wide Gates International» снабжала Ирландию дешёвой рабочей силой вообще

без конкуренции. Эта компания господствовала на рынке труда, но зато, существовал жёсткий контроль. Ты, не поверишь, Шинейд, но когда мы проходили собеседование, то рекрутинговое агентство выбирало только одного кандидата из четырёх. Первые эмигранты были лучшими из лучших.

— Да, Алекс, Когда наш парламент планировал получить выгоду от приезда эмигрантов, думали ли они о том, что за этим последует? Они не учли возможные риски, они не думали, о том, что возникнет неуправляемая цепная реакция.

— О чём, ты, Шинейд? Конечно, нет. Госдума, это не лаборатория, по изучению ядерной энергии. Если бы в парламенте Ирландии работал штатный предсказатель будущего, может всё сложилось бы по-другому?

— Да, Александр, то, что пустили в Ирландию иностранцев, это, бесспорно, демократия. Но, я то точно знаю, что за всем этим стоит корыстный интерес, который они прикрыли законом. Такие иностранцы, как ты — трудяги, всё-таки ещё ничего, вы хорошие люди и может, нужны стране. Как бы выразиться повежливее? Знаешь, кто-то может сказать: «Я не расист, но...»

— Да, Шинейд, я понимаю, это «НО» именно и означает: «Да, я расист», ты это имеешь в виду?

— Именно, Александр, знаешь ли, я не расист, но как разобраться с этим, вот смотри. Пару дней тому назад ко мне постучала в дверь женщина, на вид румынка, цыганка. Она, ужасно коверкая слова, попросила денег, мол, мне не на что есть, много детей и муж безработный. Я ответила: «извините, ничем вам помочь не могу, у самой зарплаты скромные». Она ушла. Вернулась через минуту и на идеально чистом английском языке поинтересовалась, не продам ли я ей мою машину, видите ли, её брату нужна машина! Представляешь Алекс? Минуту назад она была бедна, а теперь она мою машину покупает!

— Ну и что ты ей ответила?

— Разумеется, я её прогнала. Но осадок в душе остался.

— Я понимаю тебя, Шинейд, румыны попрошайничают, возможно, воруют. Однако, я не стал бы утверждать, что все румыны плохие. Среди любых народов есть хорошие люди и не совсем.

— Знаешь, они такие чёрные и неопрятные. Они, наверное, даже спят не раздеваясь, прямо в одежде.

— Я тебя понимаю, Шинейд. Тебе кажется, что если поедешь в Румынию, то там, вообще все люди только и делают, что попрошайничают и спят в коробках на улицах. Поверь мне это не так. Я помню, в Москве был огромный магазин «Бухарест», в котором продавались товары, произведенные в Румынии. Это был

один из самых лучших Московских магазинов. Там продавались качественные и модные товары, которые были очень популярны. У меня самые лучшие воспоминания об этом, и я верю, что румынский народ, это интересная и самобытная нация, достойная уважения.

Я и Шинейд работаем как две газонокосилки, параллельно двигаясь вдоль полок. Украдкой я бросаю взгляд на неё, и мне кажется, что я чувствую, о чём она думает. Она моя подруга, но я вижу, что она думает о том, что не хотела бы видеть меня рядом с собой. Она не хотела бы видеть румынов на улицах родного города, и вообще, она хотела бы, чтобы всё вернулось вспять, на десять лет назад.

Она очень добрый человек, но в душе у неё живёт маленький Гитлер. Я уверен, что и у меня в душе живёт маленький Гитлер, и вообще нет такого человека, у которого в душе не жил бы маленький Гитлер. Маленький Гитлер есть в душе у каждого.

У бедного и незащищенного оборванца калеки, который просит милостыню сидя у аппарата для выдачи наличных, тоже есть свой маленький Гитлер. Любит ли он всех тех, кто не положил монетки в его кепку? Скорее всего, он их ненавидит. Те, кто отвёл свои глаза, чтобы не видеть его глаз, тоже не любят его, а скорее всего, ненавидят. Эта ненависть взаимна. Любовь может быть безответной, а ненависть одного к другому взаимна. Чем сильнее мы не любим этого попрошайку, тем сильнее он ненавидит нас, ненависть не принесёт ничего кроме ответной ненависти.

У каждого из нас в душе живёт маленький Гитлер, и разница в нас заключается лишь в том, чем мы его кормим. Найди в себе силы полюбить грязного попрошайку и дай ему монетку, и ты почувствуешь, что твой Гитлер становится меньше и незаметнее, а когда нищий оборванец благодарно улыбнётся тебе в ответ, Бог заметит это и приблизит тебя. Но если ты кормишь своего Гитлера ненавистью, тем сильнее ты ощущаешь своё бессилие, тем сильнее становится Гитлер, который будет диктовать тебе условия совершения сделок со своей совестью.

Ночной звонок разбудил меня:

— Саша, ты, помнишь меня? Меня зовут Сергей, мы вместе уезжали из Москвы через компанию «Wide Gates International». Этот Брайан, хозяин компании, обещал меня устроить в автосервис — я механик высшей категории. В результате на заправочной станции я вставлял шланги с бензином в баки автомобилей. Через неделю мне сказали: «Работы для тебя больше нет». Я кинулся к Брайану, и он сказал: «Я найду тебе работу. Заплати мне 800 евро за услуги и 600, за то, что месяц будешь жить у меня, пока я ищу работу». Саша, у меня дома недееспособные родители, жена не работает — смотрит за детьми, но я всё заплатил ему. А через два дня его кинули Московские партнеры, и в результате нет ни моих денег, и никаких предложений о работе. И, ты знаешь, Саш, я рад! Наплевать на деньги, когда-нибудь я их заработаю! Зато, справедливость восторжествовала! Его жадность его же и погубила!

Мне было жаль этого Сергея. Мне было жаль этого Брайана.

Восторжествовала ли справедливость? Нет, полагаю. Если бы Брайан устроил Сергея без обмана, тогда бы была справедливость. А то, что произошло с самим Брайаном, это не торжество справедливости. Это возмездие. Кара. Карма.

Я с детства помнил одну истину: «Никогда не стремись за чужой денежкой со своим кошельком, потому что в этот момент Чёрт будет стремиться за твоим кошельком со своим мешком». Карма.

Гляжу на печать в паспорте. «Владелец этого паспорта не имеет права менять работу, и должен работать, согласно выданному рабочему разрешению». Это что моя карма? Рабство — моя карма?

Нет, рабство это всего лишь зависимость от ситуации. Я свободный человек. Захочу — брошу всё и вернусь домой. Но я не могу вернуться домой с пустыми руками.

Я должен поменять работу. Как-нибудь поменять работу. Если у меня на руках будет МОЁ рабочее разрешение, то я как-нибудь раздобуду другую работу.

— Падди, ты не мог бы дать мне моё рабочее разрешение, пожалуйста. — спрашиваю я хозяина.

— Это, Александр, не твоё, а МОЁ рабочее разрешение! Это Я его получил, и я его тебе не дам! Я заплатил за него пошлину, и оно будет храниться у меня!

Стоп! А с этого момента попрошу поподробнее. Вот это вот и есть рабство. Я могу только сбежать. Я не могу поменять ситуации.

Так было при Сталине семьдесят лет тому назад: колхозников удерживали в деревнях. Не давали им паспортов — не позволяли покинуть деревню и перебраться в город.

Так было при крепостном праве сто пятьдесят лет тому назад: работника покупали и перепродавали. Точно: «Брайен приехал к нам, разложил фотографии по столу, как колоду карт. Мы берём вот этого!»

Меня продали. Я заплатил за услуги агентству двадцать сотен, и меня вдобавок продали... я крепостной...

Что же это?

Феодалный строй!

Как же мне стыдно! Мне хочется провалиться сквозь землю, чтобы меня никто не видел, чтобы я сам себя не видел. Как мне стыдно за то, что я — товар!

Падди никогда не отдаст мне моё разрешение на работу и мне стыдно, что я такой беспомощный как ребёнок.

Я думаю об этом, и пот градом катит по телу. Мне можно уже не отапливать мой вагончик — мне и так жарко.

В моей памяти старая чёрно-белая фотография. На ней моя мама, ещё ребенок, может быть подросток. Ей, наверное, десять — двенадцать лет. Рядом брат, сестра, подруги. Они все одеты в невзрачные вещи. Многие вещи с чужого плеча. Многие дети в откровенных обносках. Только что окончилась вторая мировая война.

Моя мама, худенькая девочка, в простеньком платочке. Моя младшая дочь — её отражение. Эта девочка — моя мама стоит гордо, подбородок поднят высоко и глаза её наполнены верой. У неё и имя Вера. На ней очень дешёвая одежда, возможно штопанные чулочки. У неё трудное детство. А точнее у неё и нет детства, потому что с самых ранних детских лет ей пришлось работать, работать и ещё раз работать. Невзирая на трудности, голод и холод, в её глазах вера. И эта вера, не просто в успех и удачу.

Это вера в то, что, у неё будут счастливые дети и внуки. У них будет достойная работа. И ещё в её глазах вера, что НИКТО И НИКОГДА НЕ БУДЕТ ПРОДАВАТЬ ЕЁ ДЕТЕЙ!

Я хочу посмотреть на детские фотографии Падди. Заглянуть в его детские глаза. Думал ли он, что когда-нибудь, когда он станет взрослым, он будет покупать людей? Будучи ребёнком, смог бы он поверить в то, что он будет платить людям зарплату, нарушая государственный закон, пренебрегая уставом божественным и

правилами гуманизма? Взрослея и посещая церковь, допускал ли он, что в борьбе между Законом Божиим и страстью наживы, он будет предпочитать материальную выгоду?

Неужели у любого гражданина, прикасающегося к соблазну деньгами, происходит утрата духовного начала? Неужели и я также, забыв про вечный закон, предпочту плотское и буду делать то, за что должно быть стыдно?

Почему же я такой несчастный? Наверное, в том доме, где я родился, кто-то держал открытый зонтик над моей головой. Известная ирландская примета.

Нет, неправда! Я счастлив!

Я здоров, у меня здоровые дети, и за это я благодарен господу. У меня есть руки для работы, у меня есть глаза, чтобы иногда видеть солнце, у меня есть уши, чтобы слушать музыку!

Я влюбился в ирландскую музыку. Я настраиваю радио RTE^[32] и слушаю народные ирландские мотивы. Музыка на первый взгляд проста. Кажется, что если услышать журчание лесного ручейка, звонкое пение утренних птиц и добавить к этому шорох ветра в луговых травах, и жужжание шмелей облетающих ирландский клевер, то как раз получится ирландская мелодия. Хочется обязательно научиться играть её на каком-нибудь национальном инструменте, свирели или банджо. Я программирую себе приятные сновидения и сладко засыпаю под приятный мотив ирландского радио.

Ночной звонок снова разбудил меня:

— Саша, ты, помнишь меня? Я тебе звонил, меня зовут Сергей, мы вместе уезжали из Москвы через компанию «Wide Gates International». Ты представляешь, я пытался пригласить сюда свою жену. В гости на недельку. Отказали! Я заручился письмом начальника. Отказали во второй раз. Наверное, мало денег на моём счету в банке. Накопил сумму побольше. Отказали в третий раз. Что они там себе думают, что она проститутка, едет сюда торговать телом? Что за несправедливые бюрократы сидят в этом министерстве справедливости?

Справедливость, это то, что нужно всем и каждому. Во имя торжества справедливости наши деды отдавали свои жизни. Слава Богу, у нас теперь есть министерство, в котором можно получить себе кусочек справедливости. Где оно расположено? О, невозможно ошибиться в его месторасположении!

Если рано утром встать на мост О'Коннел^[33] и повернуться к восходу солнца, то увидишь многолюдную очередь, кольцами опоясывающую здание на правом берегу реки Лиффи^[34]. Зачем может стоять триста — четыреста человек в центре Дублина, если это не демонстрация протеста? Скорее всего, там дают очень редкий и необходимый продукт. Дефицит. Какой у нас самый ходовой товар? Справедливость! Не хватает только коммерсантов выкрикивающих: «Кому справедливость? Отдаём недорого!»

Загляните в лица людей стоящих в этой очереди. Раскосые китайцы и филиппинцы с приплюснутыми носами, крепко сбитые нигерийцы и тщедушные кенийцы, русоволосые украинцы и ясноглазые русские люди. Все озабочены. Все напряжены. Всем нужно одно и то же. Справедливость! Скромный зелёный кусочек справедливости с надписью «Въезд в Ирландию разрешён».

«БЕЗ ДЕЛА НЕ СЛОНЯТЬСЯ» вот такой предупреждающий знак висит в туалете иммиграционного отдела в министерстве справедливости. Заходишь в туалет, и сразу становится понятно, что здесь шутить не любят. Это не министерство юмора. *Dura Lex Sed Lex!*

Я уверен, что в этом министерстве работают замечательные люди. Они честно выполняют свои обязанности. Это не их вина, что государственная машина вращает своими колёсами, не особенно обращая на сор под гусеницами. Симпатии невозможно вписать в букву закона. Симпатия, это не законно!

— Почему ЖЕНА НЕ МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ ВИЗУ НАВЕСТИТЬ МУЖА? Саша, не поверишь, мне оказывали пять раз!!! Я бросаю

всё. Это выше всех человеческих сил, это за пределами терпения. Мы любим друг друга, и всё что нужно, чтобы она могла приехать и посмотреть, как я живу и работаю. Всё! Плевать на деньги, я уезжаю...

Рушится гармония семьи. Рушатся супружеские связи.

Какие-то бессердечные и бездушные Ирландские Министерства регулируют рынок труда, уродуя молодые семьи иммигрантов.

Какие-то безжалостные и бездушные работники Ирландских Министерств не дрогнувшей рукой ставят подпись под бумажкой «В визе отказано». Эти бессердечные и бездушные работники никогда не увидят заплаканных глаз тех людей, которые ненавидят этих работников министерств. Они их никогда не увидят, и это хорошо, потому что, увидев эти глаза, они не смогли бы спать, а уснув, они видели ли бы только ночные кошмары полные слёз иммигрантов.

Как уберечься от отчуждения друг друга?

Как спасти любовь друг к другу?

Любящие сердца должны быть рядом.

У каждого из нас должен быть амулет, волшебный талисман, который не позволит нам расставаться. Я верю, что мой амулет, всегда мне поможет. Этот амулет — ключ от нашей квартиры, где мирно спят жена и мои детки. И какие трудности не испытывали бы нас, я всегда вернусь домой, к моим любимым. Господи, упаси нас от последних слов, от прощальных слов...

Сергей на самом деле уехал. Он вернулся домой, забрал жену и они уехали на крайний север России. Они уехали туда, где он смог найти заработок.

Они уехали туда, где зимой температура опускается до минус 50 градусов по Цельсию. Где метут метели двести дней в году. Где в течение декабря вообще нет солнца — сплошная полярная ночь. Там нет травы. Там не щебечут птицы. Но зато там они могут быть вместе. Даже в таких несовместимых с жизнью, условиях, они любят друг друга и рожают детей.

Это какое-то немыслимое человеческое устройство. Это сплав характера, воли и жажды жить. В то время, когда очень и очень многие ЖЕЛАЮЩИЕ ЖИТЬ, косяками, как перелетные птицы, мигрируют в Австралию, русский человек едет в вечную мерзлоту. Они не задумываются ЗАЧЕМ? А я знаю. Это такая форма самобичевания. Чем мучительней ты страдаешь, тем ближе к Богу. Тем больше шансов, что ОН тебя услышит, когда ты будешь молиться о всепрощении.

Мой милый, милый, милый, Александр, здравствуй!

Так я по тебе соскучилась, дорогой. Музыка на твоих компакт-дисках невольно возвращают меня в твои объятия. Я наслаждаюсь музыкой и тогда я смотрю на твои фотографии и с ностальгией вспоминаю наши встречи. Это было так прекрасно! Ты знаешь, как сильно я люблю тебя. Мне кажется, что я давно тебе не говорила об этом.

Твоё замечательное послание я прочла только сегодня, и так сердце защемило. Спасибо тебе дорогой за то, что ты вспомнил столько приятных для меня мгновений. Я уже давно не вспоминаю ничего, живу только настоящим.

Вчера приходили мои школьные друзья. Столько тёплых слов, я почти что чувствовала, что меня окружил вчера ореол любви и дружбы. Я просто светилась от счастья, и мне хотелось только отдавать всю свою нежность и любовь окружающим. Ты знаешь, что мне больше всего желали? Чтобы ты всегда был со мной и никуда не уезжал.

В субботу мы ездили на дачу к бабушке, где обрабатывали клубнику. Ты бы видел, как мне помогала Саша. Она таскала сорняки и мусор, оставаемый нами после переработки кустов клубники. За это она получила массу похвалы.

Ты спрашиваешь, что нам подарить? Ничего нам не надо, только получить тебя, в наши, давно уже раскрытые, объятия. □ Я полна размышлениями о нашей встрече. Я часто из-за этого не сплю, потому что немного волнуюсь, это точно. Ты не представляешь, как ждут этого девочки.

Сегодня Саша пришла с прогулки и спрашивает: «А когда папу встречать пойдем на вокзал?» Я ответила: «Скоро». А что ещё я могу ответить?

Опять дети кашляют. Чему удивляться? В стране, где шесть месяцев свирепой зимы, кашель, наверное, не победить. Тем не менее, я лечу Анастасию горячим молоком с луком, она снова кашляет, напоминая лающую собачку. Молоко с луком противное, она не хочет его пить, но я грожу ей наказанием. Самое большое наказание у нас теперь, это мои обещания не взять их к тебе в Ирландию, где мы, надеюсь, с тобой наконец-то встретимся! Все дети становятся шёлковыми, если я говорю им об этом.

Столько сказать тебе хотелось ещё, но я так сегодня

устала. Ты не будешь корить меня за небольшое письмо?
Целую тебя, Саша. Твоя жёнушка.

P. S. Визы в Ирландию всё нет и нет, нам наверное откажут. Возможно, это знак свыше, что мне не стоит ехать к тебе? Ты знаешь, нужно уметь читать знаки судьбы.

Сергей уехал. Я остался.

Я остался получать письма с отказами.

Когда получаешь конвертик невзрачного цвета с изображением арфы на нём, внутренне содрогаешься. Это не приглашение в музыкальную школу, это не билеты на симфонический концерт. Арфа — герб Ирландии. Стало быть, письмо из какого-нибудь министерства. Всегда веришь и надеешься на лучшее, но опасаясь худшего. Поэтому каждый раз, когда почтальон приносит невзрачный конвертик, перед его открытием, я внутренне содрогаюсь.

Каждый раз, когда передо мной лежит коричневый конвертик с изображением арфы, рука сама тянется поддержать за дерево. Очень милая ирландская примета, жаль, действует с переменным постоянством, наверное, есть какие-то ещё условия, которых я не знаю. Может быть, чтобы подействовало наверняка, нужно потереть о дерево какую-нибудь иную часть тела, а не руку?

Герб арфа — это очень красиво.

У современной России старинный герб — двуглавый орел с широко распростертыми крыльями. Имперские амбиции не дают покоя новоявленным царькам. Мы никого не обижаем, но заключаем, если вдруг понадобится!

Лучше бы Россия выбирала герб, так, как это сделала Ирландия. Тогда бы герб России был — балалайка. Получаешь конверт из министерства, а на нём изображена балалайка. Не грозно, и для любого иностранца сразу понятно откуда этот конверт. Балалайка, значит Россия!

Давно пора России поменять герб, а то я российского орла, постоянно путаю с американским. Видимо, американцы тоже любят клеваться.

Во время перерыва Шинейд сунула кусочек картона в карман моего фартука.

— Александр, это бизнес карта сотрудника СИПТУ^[35]. Это профсоюз. Он защищает права рабочих! Ты обязательно найди контакт с этим человеком, его зовут Майкл.

С Майклом мы встретились в атмосфере строжайшей секретности за столиком в пабе.

— Значит, ты работаешь на грибах? Великолепно, грибные фермы — мой профиль! — не дожидаясь ответа, оживлённо тараторил, Майкл, сотрудник многообещающего СИПТУ.

— Вы сможете мне помочь?

— Мы твоего фермера за яйца подвесим! Добьёмся выходных

дней и честной оплаты. У тебя есть налоговая форма Р60^[36] и квитанции о выплате зарплаты?

— Знаете ли, я семь лет в Ирландии, но я никогда не слышал об этой Р60, что это такое? И у нас не бывает никаких квитанций о выплате зарплаты.

— Как, нет квитанций? Безобразие, но мы этот вопрос решим. Трудно будет доказать, конечно, сколько он вам недоплатил, насколько обманывал, но мы сдерём с него шкуру! Дай-ка мне номер телефона твоего хозяина, я с ним договорюсь.

Я дал номер моего Падди.

Я звонил Майклу на другой день. Он не отвечал.

На следующий день. Он не отвечал.

Я звонил ему неделю. Он не отвечал.

Через две. Он не отвечал.

Больше я никогда его не видел.

Видимо, он на самом деле договорился с Падди...

Я наивно надеялся. Зачем? Уже на второй день всё было понятно. Падди подошёл ко мне и с коварной нотой в голосе прошипел мне в ухо:

— Ну что, Александр, ты никак не успокоишься? Ищешь приключений? Запомни, Александр, мне не нужны твои фокусы. Они слишком дорого мне обходятся.

Как я опустил! Я потерял своё профессиональное достоинство.

Ведь, я же юрист. Как я могу позволить ТАК обманывать себя?

Все мы, приехавшие в поисках лучшей доли, мы так слабы. Мы слабы своей доверчивостью. Нам обещали одно, а мы получили другое. Нам снова обещают, мы снова доверяем, и снова наступаем на те же грабли.

— Все твои приключения, мне известны. У тебя ничего не получится, Александр! — сказал мне Падди с довольным выражением лица. Его глаза светились радостью, и всем своим видом он выражал ехидную и презрительную насмешку.

Я беспомощен, бессилен, незащищен перед ударами судьбы.

Я снова ощущаю себя маленьким мальчиком, который не может постоять за себя. Когда меня обижал во дворе какой-нибудь задира, я ревел, а мама мне говорил: «Дай сдачи! Ты должен дать сдачи!»

А как это «Дать сдачи» она не объясняла. Это означало следующее: Если тебя обозвали гадким словом, то ты должен толкнуть обидчика так, чтобы тот упал и навсегда запомнил, как ему было больно. Если тебя толкнули, и ты упал, то ты должен ударить обидчика, так, чтобы ему стало очень больно, а лучше, если у него пойдёт кровь из носа. Жаль, что я не понимал этого,

может, мне было бы легче жить.

Я не мог дать сдачи. Ведь, если человеку дать по лицу кулаком, то ему будет больно. А как я могу сделать человеку больно? КАК? ВЕДЬ ЕМУ БУДЕТ БОЛЬНО!!!

Я беспомощен, бессилен, беззащитен перед ударами судьбы.

Я стою перед Падди и снова ощущаю себя маленьким мальчиком, который не может постоять за себя.

Мне было восемь лет. Два мальчика старше меня купались на пруду. Вечерело, становилось прохладно. Выбравшись на берег, они дрожали от лёгкого бриза. «Пацаны», — крикнул один из них, — «кто принесёт дров для костра больше всех, тому я подарю вот этот ножик!»

Это был чудесный ножик. Я всегда мечтал о личном карманном ножике со складывающимся лезвием. Я разглядывал ножи в магазине, и хотя выбор был не велик, у меня не было ни малейшего шанса заполучить даже самый недорогой из них.

Ножик в руках мальчика был необыкновенным. В нём было несколько лезвий, рукоятка чёрного цвета, и уже представлял, что будь у меня такой нож, то я был бы самым авторитетным мальчиком во дворе и уж точно, самым счастливым.

Костёр полыхал жаром, мальчишки согрелись. Я носился, как Соня О'Сулливан^[37], я принёс дров больше всех, и они это признали. Ножик мой!

Но не тут-то было, это была шутка. Злая шутка. Меня обманули. Меня поймали. Как это обидно быть обманутым. Как это обидно, когда тебе смеются в лицо. Кому-то в этой жизни судьба улыбнулась, надо мной она надсмеялась.

Как это обидно, когда с довольным выражением лица тебе говорят: «У тебя ничего не получится, Александр!» Говорят, что Фортуна слепа, но её удары по мне точны и болезненны. Как это обидно быть беспомощным, бессильным, беззащитным перед её ударами, ведь отомстить то некому.

Когда Падди вышел, и дверь тоннеля с шумом захлопнулась, Шинейд спросила меня:

— А ты не слышал, что случилось с Евгением, знаешь такого?

— Нет, не знаю, кто это, что с ним случилось?

— Да ты что, все об этом говорят. Тут недалеко, на маленькой фабрике работал парень из Белоруссии. Евгений его зовут. Так вот у него крышу снесло.

— Я ничего не слышал об этом.

— Ты представляешь, он решил купить себе дом, сам знаешь, что платить аренду, это выкидывать деньги на ветер.

— Это точно, у меня вообще ничего не копится — всё сплошные расходы.

— Он просил банк дать ему ссуду, но ему не дали, потому что у него нет никакого статуса для проживания в Ирландии, одно лишь разрешение на работу. Тогда он попросил своего хозяина оформить дом на него. Его хозяин получил ссуду и оформил дом на себя. Дом стоил девяноста тысяч. Когда Евгений выплатил восемьдесят тысяч, хозяин уволил его с работы и велел убираться подальше. Вот у него крышу и переклинило. Сейчас его увезла скорая психологическая помощь.

— И как он?

— Не знаю, но говорят очень сложный случай.

— А как дом?

— А никак! Дом принадлежит его боссу. У Евгения нет ни одного документа в его пользу, деньги то он выплачивал хозяину наличными из рук в руки. Даже если он удачно поправится и придёт в себя, то наша судебная система загонит парня в могилу. В его случае судебная тяжба растянется на годы — у нас такая «совершенная» судебная система!

— Вот скажи, а, ну где справедливость? Почему бы банку было не дать парню эту дурацкую ссуду, ведь банк ничем не рисковал — дом в Белоруссию не вывезешь, он потому и называется — недвижимость.

— Мне ужасно жаль этого парня. Ты, конечно, не в курсе, неприятности преследуют Евгения, — сказала Шинейд с глубоким сочувствием. — Он работал сварщиком, и что-то там делал на высоте шесть метров. Евгений просил хозяина выделить ему помощника, тот не дал, как всегда. Лестница, на которой он стоял, заскользила по стене, и бедный Евгений оказался в больнице с переломом тазовой кости.

— Господи, помоги ему!

— Это ужасно, он пролежал в гипсе три месяца, истратил все свои сбережения. Если бы хозяин заботился бы о нём, то Евгений мог получить хорошую денежную компенсацию. Беда в том, что сам он ничего не потребовал с босса, потому что по-английски вообще не говорит. Кому он нужен, если не может постоять сам за себя?

— Боже Святой! Я не понимаю, ну как вот так можно отправиться в чужую страну и не попытаться выучить триста — четыреста слов, самое необходимое. Эти люди — безумцы. Да, они находят работу, каким-то образом работают, видимо Бог помогает во всём. Но и сами они должны хоть маленькое усилие приложить для того, чтобы уметь изъясняться. Вот потому нам и платят мало, и работаем без выходных, отпускных и без больничных, что мы сами себя не хотим защитить, и не знаем, как это сделать...

Ура! Наконец-то у меня появились настоящие соседи! Супружеская пара из Украины Олег и Олеся, да две дочери. Старшей дочери восемнадцать лет, младшей три года. Падди пришлось купить ещё один мобильный домик.

Олег очень доволен перспективой:

— Представляешь, Саш, он обещал нам платить до 15 евро в час! Это здорово!

— Да, Саша, новости, знаешь ли, противоречивые, — добавляет Олеся, — В Дублине разразился скандал — чудовищная эксплуатация бригады румынских строителей. В Муллингаре состоялась демонстрация польских и литовских рабочих, которым выплачивали заработную плату с нарушениями трудового законодательства, а тут 15 евро в час! Наконец-то Бог услышал наши молитвы!

— Вы, конечно, сможете зарабатывать соответственно приложенным усилиям — чем быстрее работаете, тем больше заработаете, — я не спешу разочаровать моих новых друзей.

— Ты, знаешь, Саня, — продолжает Олег, — такое создаётся впечатление, что если ты не из европейской страны, «Non EU-citizen»^[38], как мы называемся на сухом языке министерств, то значит, нас можно унижать, оскорблять безбожно.

— Да, кажется, как будто пренебрегать правами человека это норма для работодателей. Это не нормальная норма! — вторит мужу Олеся.

— Ребят, вы молоды, у вас всё получится! — я решил их поддержать, они ещё успеют узнать всю правду сами.

А что ещё я должен был им сказать? Трудолюбивые оптимисты, стоило ли мне рушить их веру? Они знали куда ехали. Они ехали не за лёгким хлебом. Олег сварщик высшего класса, до приезда сюда варил газопроводы. Олеся — бухгалтер. Это ничего, что они будут работать ниже своей квалификации. Главное то, что у них есть шанс... шанс зарабатывать по... 15 евро в час.

— Мы столько намучались в этой жизни, — жалуется Олег. — Нам уже успели отказать в натурализации. Мы всегда работали не покладая рук. Представь себе, был короткий период, когда у нашего прежнего работодателя было мало работы, и он не обеспечивал нас сорокачасовой неделей. Конечно же, в течение тех трёх месяцев государство доплачивало нам, чтобы, элементарно хватало на еду и квартплату. В результате мы получили отказ в натурализации. Это что справедливо?

— Это нечестно и просто, наплевательски. Они плюнули в вашу судьбу, они плюнули в ваши души.

— Более того, Александр, как только нашей дочери исполнилось восемнадцать, мы подали заявление на её натурализацию, индивидуально. И что ты думаешь? Её документы даже не приняли.

— А какие основания, в чём причина?

— Абсолютная заумь. Бессмыслица. Написали, что у неё должен быть период непрерывного пребывания в стране в течение года до подачи заявления. ОНА ВООБЩЕ НИКУДА НЕ ВЫЕЗЖАЛА!!!

— Так в чём же дело?

— Очень просто. Ты сам знаешь, мы должны регистрироваться в отделении полиции раз в год. Так вот, мы бегали за иммиграционным офицером в течение шести недель, потом пять недель, ждали от него регистрационную карточку. Таким образом, у нашей дочери, «ЯКОБЫ», нарушен период непрерывности проживания. Абсурд? Она же училась, школа может дать справку, но им в отделе натурализации, до этого нет дела. Им в министерстве справедливости гораздо легче сослаться на односторонний и субъективный закон, лишь бы меньше работать и испортить людям жизнь на долгие годы.

— Что нам теперь делать? ЧТО ДЕЛАТЬ? Идти в институт она не сможет, потому что это стоит невероятных денег, которых у меня нет и быть не может! — В панике кричит Олег.

— Может ей пойти просто поработать где-нибудь? — неуверенно предлагаю я.

— Как? Знаешь ли ты, что ей нужно будет организовать Рабочее Разрешение, а условия теперь таковы, что новое разрешение даётся только при условии, что тебе гарантирована зарплата 30.000 евро и более! Кто ей будет платить такие деньги? Если у меня ещё есть разрешение на работу, то мой ребёнок пускай вымещается из страны, вот такие тут порядки, вот так тут ценят твоё усердие и самопожертвование на работе, вот так это «Европейское» государство думает о наших детях.

— Да-а-а, это называется, они защищают рынок рабочей силы, сохраняют рабочие места для местного населения.

— Именно, защищают! Сначала они нас пригласили, в Киеве объявления в газете публиковали: «Приезжайте на заработки в Ирландию!» а теперь они от нас защищаются! Они не хотят тут видеть наших детей! Эта планка в 30.000 сделана специально для того, чтобы наши дети не смогли получить работу, и уехали из страны, а мы вслед за ними.

— Конечно, уедешь, разве бросишь родное дитя?

— Вот именно — не бросишь! А в Министерстве Справедливости и Равноправия, права соблюдают так, как соблюдают права уличной кошки: прикормил и вышвырнул за дверь!

— На самом деле, так получается, что все, что они делают, это унижение иммигрантов и просто издевательство над ними.

— Что ты! Они из нас сосут кровь, как вши. Ты знаешь, сколько стоит процедура натурализации в других странах?

— Никогда не интересовался.

— Я расскажу тебе. В США это стоит 680 американских долларов, в Канаде 200 канадских долларов, что ещё меньше.

— Неужели тут это стоит дороже?

— Да, и притом значительно!

— Что же, ирландское гражданство круче, чем американское?

— Не знаю, только сначала они берут 175 евро за подачу заявления, потом, в случае удачи, 950 евро за саму натурализацию. Это легализованный рэкет, это двойное обложение пошлиной. Чувствуешь себя таким быдлом!

Я смотрю на Олега, обхватившего голову ладонями. Он погружён в терзающие его душу раздумья. Я его понимаю. Я такой же, как и он. Я такая же мишень пополнения бюджета, я такой же объект издёвок и насмешек.

Я сижу рядом с Олегом, обхватив свою голову ладонями. Я погружён в терзающие мою душу раздумья. Я думаю о том, что как это выгодно государству иметь иммигрантов. Иммигранты сами работают, платят налоги, осуществляют демографическую программу, пополняя население трудоспособными членами общества, и кроме того, несут в казну денежки за визы, за ежегодную регистрацию в полиции, за натурализацию в итоге. Это выгодно иметь ненатурализованных иммигрантов. Выгодно! Кому нужны коровы, которые не дают молока?

Олег привёз с собой мобильный телефон с длинной антенной. Такая, почти антикварная трубка. Большая антенна. Большой телефон, но слышно в него, всё равно плохо. Олег встаёт ногами на деревянный садовый стол и кричит так, что, пожалуй, можно было бы услышать его в Москве и без телефона.

Олег звонит сестре — она тоже хочет приехать на заработки. Наивная девочка, она полагает, что Олег стал большим начальником с обширными связями.

— Наташа, Наташа, нас так обманули! Бог с ними с пятнадцатью евро, было понятно, что это была наивная реклама. Представляешь, у нас выходит в среднем, по два — три евро в час... нет, нет, нет, потому что качество грибов и расценки за работу, не позволяют получить больше, как быстро ты не работай. Каждый рабочий день Падди жёстко нас прессует. По его приказу мы вынуждены ежедневно начинать работу... нет, нет, Наташа, не в шесть или семь. Он просто и жёстко указывает нам на наше место, представляешь, он говорит: «Вы должны окончить основную работу к десяти утра, потому что в 10.00 грузовик забирает урожай. А во сколько вы начнёте, меня нисколько не волнует!» При этом, Наташа, это совершенно не означает, что к обеду мы будем отдыхать после того, что в четыре утра уже были на ногах... нет, нет, нет, Наташа, даже не думай, это невозможно! Какая к чёрту премия, какие проценты, о чём ты, Наташа? Знаешь, что он нам сказал вчера? «У вас нет будущего! Я не продлю вам ваш «WORK PERMIT!»^[39] Вы поедете домой в Белоруссию!» по всей видимости, нас ожидает именно это. На днях он объявил, что закрывает ферму до осени. И нет никаких надежд, что мы можем рассчитывать на гарантированный труд.

Олеся забирает у него трубку и продолжает разговор, но на таком эмоциональном накале, что становится понятно, что я снова скоро останусь один. Совсем один.

— Наташа, тут нечего делать, милая, на самом деле, это сложно понять, как можно быть таким бесчеловечным. Он на второй месяц нашей работы стал пугать нас возможным банкротством его шаткого бизнеса... да, да, да, а сейчас он запрещает нам приобрести собственную легковую машину: «Я скоро обанкрочусь! Как вы расплатитесь за автомобиль?» я на грани нервного срыва, Наташа... да, да, да, мы по ночам, пугаясь собственных теней и привидений, которыми он нас пугал, пешком добираемся до фермы и назад домой. Мобильный дом, за который он дерёт с нас плату, как за комфортабельную квартиру,

протекает по всем швам... дождь? Постоянно... да, да, да, плесенью покрываются не только стены, потолок и пол. Плесень съела половину нашего гардероба, Наташа, половину вещей мы выкинули, они напрочь испортились, почернели... да, да, да пол ледяной, у Олега обострился гайморит, у меня вообще не проходит ОРЗ, у ребенка, это ужас — болезненные мочеиспускания! Наташа, та сама мать, ты меня поймёшь. Наш ребёнок, вообще, для Падди, болезненная тема. Мы обязаны работать всегда, когда он этого желает, вне зависимости от времени суток... да, да, да такого понятия, как ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ, на этой ферме не существует! По крайней мере, для нас и Александра... Наташа, сколько слёз было пролито. Сколько объяснений, что я не в состоянии платить беби-ситтеру пять евро в час, когда получаю сама три евро. Представь себе, от него мы только слышим: «Это ваши проблемы! От вас требуется, чтобы грибы были убраны! У грибов не бывает выходных!» Наташа, какие магазины? Этот злосчастный мобильник — наше жилище, стоит среди диких лугов и полей. До ближайшего городка расстояние семь километров. Если нам что-либо необходимо, у нас прямое указание: «Это не мои проблемы! Берите такси!»... да, да, да, при этом он УГОВАРИВАЕТ нас не приобретать автомобиль! Глубину маразма этого человека постичь невозможно, Наташа!!!

Закончив разговор, Олеся принялась ругать бельё, которое не сохнет на бельевой верёвке уже пять дней, а Олег бессильно затолкав мобильник в глубину кармана, соорудил мне кислую гримасу. Поддерживая его, а может быть в большей степени себя, я попытался перевести общее настроение мысли в иное русло:

— Как ты думаешь, Олег, может вернуться уже домой? Знаешь, у нас, к примеру, правительство России выдаёт материальную помощь каждому, кто вернулся из эмиграции!

— Здорово! Тебе, может быть, стоит вернуться, а мы-то не из России. Возьмёшь нас с собой?

— Запросто! Правда расселяют таких переселенцев где-то в районе полярного круга, примерно так, как это сделал Сталин с евреями создав для них Еврейскую автономную область «Во глубине Сибирских руд».

— Да, это было своего рода гетто, но не стоит за это ругать Сталина. Когда Гитлер любезно предоставлял евреям печи крематориев, Сталин создал для них свой Израиль, причём не в выжженной пустыне, а в благодатном крае богатом природными ресурсами и с благоприятным климатом. При этом его не нужно было защищать с оружием в руках, отбиваясь от иноверцев. Живи в удовольствие.

— Гитлер, конечно, был безумно жесток, и нам очень повело, что он уже в прошлом. Но, Олег, где гарантия, что сегодняшняя Ирландия, не справившись с неподъёмным бременем трудовой эмиграции, не выкинет нас, ну, не в Холокост конечно, но в резервацию где-нибудь в глубинке бедной страны, скажем в Албании? Будет им платить копейки на наше содержание, что будет гораздо меньше, чем платить нам пособие по безработице.

— Да, вполне возможно, об этом уже говорят в Великобритании.

— Веришь ли, мне кажется, что Ирландия, скорее будет платить иммигрантам, чтобы уехали, но никогда не предложит грант тем ирландцам, кто покинул страну, чтобы они вернулись. Ты знаешь, сколько ирландцев в мире? Если все вернуться, то этот остров утонет, как Титаник.

— Да, это точно, количество ирландцев в мире превышает количество иностранцев в Ирландии в сотни раз! Наверное, именно поэтому ирландское министерство иммиграции занимается, по всей видимости, профилактикой невозвращения назад, — усмехается Олег.

— Каким образом? — недогоняю я.

— Они помогают другим министерства принимать такие законы, чтобы в Ирландии было непривлекательно жить! — с печалью в голосе произнёс Олег, — Знаешь, ну типа, повышение цен, налогов и так далее.

— Я что-то никогда не слышал про министерство иммиграции.

— Есть-есть. Удивительно, но у них был совет иммигрантов. То есть представители разных народов из числа иммигрантов входили в этот совет. И цель его такова, чтобы иммигранты могли влиять на иммиграционное законодательство. К сожалению, этот совет перешёл под руководство министерства Справедливости и Равноправия и там этот совет был похоронен заживо.

— В каком смысле?

— А в таком, совет иммигрантов существует лишь в виде страничке в интернете и конец! Министерству Справедливости и Равноправия не выгодно, чтобы иммигранты были вовлечены в законодательский процесс относительно интеграции иммигрантов.

— Это называется... — хотел было я произнести свою версию, но Олег перебил меня:

— С их стороны это такой вот сценарий: ты сидишь в баре, и очаровательная незнакомка соблазнительно смотрит на тебя, сочно облизывает свои губы, и снова смотрит на тебя, ты набираешься смелости, подходишь к ней, пытаешься

познакомиться, а она тебя игнорирует, и её друзья смеются над тобой.

— То есть, ты хочешь сказать, что министерство справедливости смеётся над нами?

— Ты сам это сказал, Саня, оно дразнит нас, так как дразнят собаку — хорошо дразнить, когда она на цепи.

— Олег, ну а не получится у них вот так, как это бывает с женщиной. Она сначала дразнит, а потом жалеет, что не дала.

— Нет, Саша, министерство никогда не пожалеет, скорее пожалеет мы, потому что в этой Кама-Сутре, как ты не изворачивайся, министерство всегда сверху оказывается.

— Да... мне так кажется, что эмиграция вообще, это побег от несправедливой бедности к бедной несправедливости... и веришь ли, Олег, эта бедная несправедливость усугубляется отсутствием уважения к тебе. А хуже всего, что пока ты терпишь это унижение, ты теряешь самоуважение. Я перестал себя уважать, понимаешь? Я сам себя ощущаю яхтой, которая осталась без паруса, без вёсел, и что страшнее всего — без якоря. Меня несёт на скалы, и я чувствую, что вот-вот и разобьёт в щепки. Я решился. Я вернусь на родину точно! Скоро, надеюсь, приедет жена и детишки. Недельку поездим по Ирландии, наверняка тут есть что посмотреть, какие-нибудь исторические памятники, культурные достопримечательности. Веришь ли, несколько лет живу здесь, а кроме травы ничего не видел, да и та всегда серого цвета, потому что по пути на работу — ещё ночь, возвращаюсь — уже ночь. Короче неделька, и домой! Домой навсегда!!!

Падди нанимал дешёвых работников, в надежде заработать больше и больше, тратить меньше и меньше. Чтобы платить меньше законного минимума, Падди подбирал ласковые слова, как жених ухаживает за невестой: «Какая ты, хорошая работница, Вильма! У тебя такие честные и добрые глаза, не то, что у этого Александра — злые и хитрые!»

Какой цинизм! Какая явная двуличность, выпирающая наружу как открытый перелом. Какая оборотистость и прижимистость!

Падди увеличивал количество грибов, нарушая технические возможности и все санитарные нормы: «Я же ничего не теряю, работникам расценки устанавливаю сам, и плачу за вес по минимуму! Мне платят по максимуму. Экономия 600%. Ну не умница ли я?!!»

Падди был горд за себя. Наверное, он считал себя хитрее других, но думал ли он о том, что судьба обманет его самого?

Падди умножал количество полок: «Чем больше полка — тем больше грибов, чего тут непонятного. Чёрт! Много непонятного!!! Почему так много больных грибов? Как остановить эту эпидемию? Учёные, караул!»

Новая волна грибов выросла очень необычной. Все грибы в тоннеле были покрыты ржавчиной. Паразитирующий грибок оранжевого цвета ровным слоем покрыл собственно грибы. Все грибы вместе с компостом пришлось выкинуть на помойку.

Следующая волна грибов выросла ещё более необычной. Уродливые, как дети рождённые после атомной бомбардировки Хиросимы, и вонючие какдохлая кошка, лежащая на обочине дороги, не оставляли никакого шанса на какой-либо доход. Все грибы вместе с компостом пришлось выкинуть на помойку.

Очередная волна грибов наполнялась водой, подобно морской губке и оплакивала смерть предыдущих грибов. Все несколько тысяч плодовых тел, расправив свои могучие шляпки, умывались слезами: тяжёлые капли просачивались сквозь пластинки на нижней части шляпки и плакали, плакали, плакали. Зонтики наоборот. Все грибы вместе с компостом пришлось выкинуть на помойку.

Минус двадцать тысяч евро.

Минус сорок тысяч евро.

Минус шестьдесят тысяч евро.

«Я закрываю ферму. Она обречена. Я банкрот».

...И тогда воздаст каждому по делам его.

Дай, Бог всем фермерам, да по прибыльной ферме! Бог

свидетель я не молился о закрытии фермы и разорении Падди. Я не хотел его побеждать, я всецело желал ему счастья. Я не хотел его побеждать, но он сам мне помог сделать это. Я получаю желанную, долгожданную, многострадальную свободу!

Ура!

Ура!

Ура!

Я люблю людей. У меня никогда не было врагов. Я хотел бы быть другом Падди, и он платил бы мне честно. Я хотел бы быть его другом, но это невозможно. Если учесть, сколько я должен был получать, и сколько он мне платил, то должен он мне много. Если он должен мне много, а отдавать не собирается, то это означает, что он никогда не пожелает стать моим другом.

Я нашел другую работу на следующий день после объявления о предстоящем закрытии фермы. Ещё бы, того, кто работал на грибной ферме, возьмут куда угодно. Это стойкие духом люди, приспособляющиеся к любым условиям труда. Это работники, выдерживающие любой график, способные выдержать и жару и холод, способные смириться и с грязью и с вонью. Тот, кто работал на грибной ферме, сможет работать и с живыми змеями, и сдохлыми коровами, и с морально-неустойчивыми неврастениками, и с буйно-помешанными психопатами — всё ему нипочём!

— А тебя, Александр, я попрошу остаться! — С явной злостью в голосе, сказал мне Падди. — Ты идешь на стройку к восьми утра? Отлично. Значит, сначала каждое утро будешь приходить к четырём на ферму, у меня есть ещё для тебя фронт работ, а потом, заканчивая у меня, с восьми, будешь работать на стройке! Формально, ты пока ещё мой работник. Рабочее разрешение на твоё имя, пока ещё не аннулировано. Грибы кончились, но осталось много грязной работы, так что, перед тем, как идти на новую работу, ты будешь приходить ко мне, ты, пока ещё, мой!

Бессмысленно соперничать со своенравным ирландским ветром. Он мне не по зубам. Я не смог победить этот ветер, я не стал ветряной мельницей, я флюгер, беспомощно болтающийся на ветру, я чёртик на резиночке.

«Алекс, ты, пока ещё, мой!»

«АЛЕКС, ТЫ, ПОКА ЕЩЁ, МОЙ!»

Господи! За что? «А тебя, Александр, я попрошу остаться!» Да, это у меня дурная наследственность. Да, это среди моих родственников никто нормально не умирал!!! Неужели он хочет добить меня здесь? Господи, какое варварское коварство! Какая унижительная беспомощность перед этим мерзким тираном!

Последние дни моего тирана, как последние минуты

терминатора, это апогей борьбы. Рассыпаясь на куски, из последних сил, он старается нанести неожиданный и смертельный удар, он должен выполнить свою миссию.

Его миссия уничтожить меня.

Я не смогу уничтожить его, но я смогу его опозорить.

Моя миссия опозорить его!

Добив меня, он не возвратит утерянного, он лишится ещё большего. Я ни разу не оскорбил его. Я ни разу не поднял на него руку. Когда он бил меня по щеке, я подставлял другую щёку... я не мстил ему. Пусть он думает он об этом всю жизнь, пусть переживает, пусть боится, Бог расставит всё по своим местам.

«Ты будешь приходить ко мне, ты, пока ещё, мой!» — сказал мне Падди и в этот момент я почувствовал, аллергию. Аллергию на рабство. Аллергию на предательство. Аллергию на «близорукость» — неспособность видеть своё собственное будущее. Аллергию на несостоятельность. Я понял, что она НЕ неизлечима.

Она излечима. Навсегда излечима. Одно маленькое неудобство — средство её лечения чрезвычайно радикальное. Я должен подчиниться воле Вуду черемисских лесов. Последние язычники Европы, вы подобны кофейной гуще — чем вас меньше, тем крепче действуют ваши заклинания.

Я не смог поймать ветер и стать ветряной мельницей. Я не хочу быть флюгером, мне осталось одно — слиться с ветром, стать ветром и поднять бурю.

Здравствуй, мой ненаглядный, Александр!

Ура! Мы получили визы! Наконец! Билеты куплены и через неделю, зелёный поезд повезёт нас в Москву, а там, в Шереметьево нас ждёт самолёт с серебристыми крыльями!

Вчера, по такому поводу, испекла твой любимый яблочный пирог. Он получился такой вкусный, что прямо загляденье. Пирог был пышный, лёгкий, я сама съела, наверное, три куса сразу, и деткам тоже он очень понравился.

Ты можешь представить, как сильно меня радует перспектива нашей встречи, но я не знаю, как сказать об этом родителям и Лене... я так боюсь расстроить их...

К нам приходила Марина с её дочерьми. Детки стали скакать по комнате, играть и визжать так оглушительно, что я ещё раз с сожалением подумала о том, что как это ужасно, что мы живем в квартире, состоящей из одной комнаты, которая является и

детской, и гостиной, и спальней комнатой и кухней одновременно... значит, всё-таки надо ехать, вдвоём мы сможем заработать гораздо больше... Я соглашаюсь с этим, но борюсь внутренне — мы же дружно жили четвером в одной комнате и никогда не ссорились, нужна ли нам квартира большего размера???

Когда гости ушли, Анастасия попросилась идти спать к Лене, так как у нас так тесно. Мы, по-прежнему спим все вместе, в одной кровати. Только я уснула, звонит Настя, а время полпервого-ночи. Говорит: «Хочу домой». Поругала я её, поругала, а что делать? Мне пришлось тащиться за ней. Спали, как всегда, втроём. Вот так и закончился наш очередной день без папы.

Люблю я тебя и всё тут. Не терпится увидеть тебя окрепшим на нелёгкой работе. Ты, наверное, просто красавец? А твои волосы... Они действительно такие длинные, что собираются в хвост? Ты наверное здорово теперь смахиваешь на Батырхана Шукенова^[40]. Я уверена, что Саше обязательно понравятся твои длинные волосы. Она по-прежнему как маленькая, любит делать различные причёски и причёсывать куклу пластмассовыми расчёсками.

Ты знаешь, все иные вопросы, несвязанные с нашей встречей, сейчас на втором плане, потому что я думаю о нашей предстоящей поездке, о нашей с тобой встрече, и больше ни о чём другом думать не могу. Совсем немного осталось времени. Как мы счастливы!

Как здорово, что скоро мы будем все вместе! Мы все тебя целуем и торопим нашу встречу, до которой осталось только десять дней! Встречай нас с объятиями!

Твои девчонки.

Проволочная петля долго ждала меня, слегка покачиваясь, как бы приветствуя, по-дружески и величаво. Я запрыгнул в неё ловко, как Елена Исинбаева^[41] берёт свою высоту.

Проволока свешивалась с округлого свода туннеля, в котором мы выращивали грибы шампиньоны. Она висела всем своим видом давая понять, что её предназначение в этом месте неслучайно. Каждый раз, проходя под ней, чувствовалось её затаившееся дыхание и голодный скрежет.

Она ждала. Она покрывалась холодным потом, когда я взад и вперёд ходил под ней, поливая полки удушливой жидкостью для активного роста грибов и подавления патогенной микрофлоры.

Я запрыгнул в проволочную петлю, она с любовью обвила

мою шею, как шерстяной шарф в ветреную погоду, и мы слились с ней в одно единое, гармоничное, целое. И аллергия выскочили из меня как по громоотводу, с характерным звуком натянутой тетивы: «Туннннн!»

Смерть моя, сможешь ли ты изменить мою жизнь? Нет, ты, лишь, последний крик о помощи, который никто не услышал вовремя.

Пожалуйста, извлеките из конверта мой любимый винил. Пусть над моей могилой звучит погребальный голос Пола Ди'Анно.

Unchain the colours before my eyes,
Yesterday's sorrows, tomorrow's white lies.
Scan the horizon, the clouds take me higher,
I shall return from out of fire.

Завтра меня уже не будет. Либо я сгорю. Либо я вырвусь из огня.

notes

Примечания

Пол Ди'Анно — солист группы «Iron Maiden». Здесь и далее процитирована песня группы «Iron Maiden» «Помни о Завтра». (Перевод автора)

С красок оковы скиньте долой,
Новый день лжёт, как и былой.
Вдаль погляди, облака унесут меня,
Вырваться должен я прочь из огня.
Слёзы поминок и слёзы радости,
Слёзы о ком-то, но нет ко мне жалости.
Выход в безумие, всевидящий глаз,
В небе мерцает, чтоб осветить нас.
С красок оковы скиньте долой,
Новый день лжёт, как и былой.
Вдаль погляди, облака унесут меня,
Вырваться должен я прочь из огня.

«Хлеб из марихуаны?», «Вам нужны шпалы??? Это не у нас, мы торгуем только одеждой» — Игра слов: Пшеница по-английски «wheat» марихуана на сленге «weed», звучит почти одинаково. Шпалы — «Sleepers», тапочки — «slippers».

Кельтский Тигр — Экономический термин, используемый для описания экономического роста Ирландии, синоним экономического чуда, когда в период с 1996 по 2007 год внутренний валовой продукт Ирландии увеличивался на 7,1% в год, что превышало мировые показатели.

Копперфильдовская магия — Дэвид Копперфильд, известный американский иллюзионист, в Нью-Йорке вёл телепередачу «Магия Дэвида Копперфильда», внук эмигрантов из Одессы, (родился 16/09/1956).

Гарвард — Гарвардский университет — один из самых известных университетов США и всего мира, старейшее частное учебное заведение в США, был основан 8 сентября 1636 года.

Very difficult life — стихотворение автора, ниже перевод на русский язык, перевод автора.

Жизнь настолько сложна
Если ты не женат
Тряпка в левой руке
Ножик в правой руке
Должен сам постараться
Кашеварить, убратся,
Сколько раз ты, ответь,
Брался всё враз успеть?
Ты в тоске нарезаешь за кругом круг
И в холодной постели
Не спится, мой друг
Навсегда–навсегда
Сам себе поклянись
Никогда–никогда
Не посметь развестись!

Мери Харни — член Правительства Ирландии с 1997 по 2011 год. Её работа министром здравоохранения связана со скандалами злоупотребления служебным положением и плачевным состоянием в системе здравоохранения Ирландии.

Dura Lex Sed Lex — Латинское выражение «Закон суров, но это закон».

Король Англии Вильям третий — Король Англии, Шотландии и Ирландии, (годы правления 04/11/1650–08/03/1702).

Миша рассказал свою непростую историю — Письмо Миши прилагается в полном объёме:

Письмо Миши

Ну, приветик, Саня!

Наконец-то я нашёл тебя, не верил, переживал, что мы расстались навсегда, как ни как, десять лет прошло.

Что бы развеять туман, расскажу, почему я раньше не искал встречи — были на то причины большие и настолько тяжёлые, что мы вообще ни кому не писали и на связь не выходили, кроме родителей конечно.

Стыдно рассказывать, иммиграция у нас была очень тяжёлая. По приезду сюда начиналось всё не плохо, но с самого начала у нас появились завистники из числа якобы друзей. Они подали на нас ложный донос в департамент иммиграции, и вместо того что бы получить визу — ПМЖ, мы получили — отказ! И начались наши мучения на долгих девять лет.

В общем, итог такой: мы прошли через все суды, и дошли до прошения к министру иммиграции и тоже получили отказ. Нас стали готовить к депортации, и выживать из страны. Забрали разрешение на работу и на учёбу, визу стали продлевать на три месяца, потом на месяц потом каждые две недели, короче издевались, как могли, рассчитывая, что мы сами уедем.

Когда нам объявили, что нас будут депортировать, то я пошёл на радикальные меры. Я перерезал себе вены и съехал на дурку. Я написал предсмертную записку, всё как положено, чтобы они знали. Конечно же, скорая помощь и полиция понаехали. Отвезли меня в больницу, зашили и начали якобы лечить, успокаивать. Снова волокита, и на утро обо мне говорили уже все от полиции до правительства в Канберре.

Департамент иммиграции взъелся на меня пуще прежнего. Они стали врачей уговаривать, чтобы меня закармлили таблетками и потом депортировать. Было приятно, что наш семейный врач заступился за нас, пошёл за помощью к сенатору и написал письмо министру иммиграции. Но это не помогло, и я был уже наготове ко всему. Я раздобыл сорок упаковок таблеток транквилизаторов, ходил постоянно с ножом и

предупредил врачей, что если придут меня депортировать, то я вскрою себе вены.

Обложили меня со всех сторон, и опять нам дали отказ от министра. Тогда я выпил все таблетки и опять вскрыл себе вены, причём на глазах у всех офицеров, и сказал, что лучше я умру, но мои дети останутся жить в Австралии. Опять скорая, шесть машин полиции, отвезли меня в больницу, но таблетки стали действовать и через пару часов я отъехал. Мне воткнули капельницу, и спасли. Меня в очередной раз зашили, поместили в дурдом, и сказали, что после второго раза они уже не могут выпустить оттуда.

Шесть недель в дурке меня пытали и уговаривали. Я упорно настаивал на том, что если меня посадят в самолет, то я вскрою себе вены прямо в салоне самолёта, но сначала я вскрою сопровождающих меня офицеров. Врачи были в шоке, собрали симпозиум и решали, что со мной делать. Писали письма министру, чтобы нашу семью оставили в покое, что у меня дети и жизнь загублена. Это нас не спасало. Злые офицеры департамента иммиграции пуце прежнего стали злиться и решать, как меня победить, так как, с таким мусором как я, они ещё не сталкивались.

Пока меня держали в дурдоме, одна наша знакомая, совершенно случайно, познакомилась с человеком, который работает в министерстве юстиции, и оказалось, что он ходит каждые две недели на доклад к министру иммиграции. Она рассказала ему про нас, как нас оклеветали и как департамент над нами издевается и не пропускает наше дело к министру на рассмотрение. Он с нами встретился, поговорил, я ему всё объяснил, как и кто нас оклеветал, и он пошёл к министру и всё ему рассказал. И вот в результате такого необычного стечения обстоятельств, через месяц, мы получили письмо от министра иммиграции, что мы должны пройти медицинскую комиссию, полицейские проверки, начиная от полиции штата, потом федеральная полиция, потом Австралийское КГБ, потом запрос в Белорусское посольство.

Ура! 16-го Мая 2010-го года моя семья получила визу ПМЖ и мы стали постоянными жителями Австралии! Ровно десять долгих лет, день в день как я сюда прилетел 16-го Мая 2000-го, и в этот же день через десять бесконечных лет, мы получили то, к чему мы стремились.

Я ПОБЕДИЛ!!! И я горжусь собой.

Нам помог случай. Я боюсь представить себе, а сколько же ещё таких неудачников, как я, воюют с иммиграционными офицерами в Австралии. Почему я так думаю? Потому что, я почти уверен, что такой вот «ложный донос и последующая депортация», являются государственной программой борьбы с нежелательными иммигрантами.

Веришь ли, Саня, эта горькая победа не принесла мне радости. Я представляю, как нас вызовут на церемонию, мы принесём клятву, и споём гимн вместе со всеми, и нам вручат сертификат натурализации, и на утро австралийский паспорт, а на душе кошки скребут. Вот в руках мой паспорт, вот под ногами австралийская земля, а мысли мои в Белоруссии, дома, среди родни. Кому я тут, на фиг, нужен? Кругом чужие лица, английский язык, как кость в горле, в горле застревает, много на нём не пообщаешься. Убогий язык, скудный, тошнит от него.

Кроме того, я тут кровь проливаю, а мама моя до сих пор в Греции... Представь себе, Саш, она уж девять лет в Греции собирает апельсины, работая за еду. Я себе никогда не прощу того, что мы позволили ей поехать туда. Когда она попала в рабство, я сам ничего не мог сделать. Её хозяин отобрал у неё паспорт, а я был повязан войной с Австралийским законодательством.

Хочешь, верь, а хочешь не верь, но вся эта нервотрёпка, эта моя «победа», это моя душевная боль, это горе, которое я совершил своими руками. Я раньше верил Чацкому, что «Хорошо там, где нас нет». Я понял главное, Саня, хорошо там, где нас УЖЕ нет, понимаешь? К сожалению, уже нет.

Я хожу по чужой земле и ношу родину в сердце. Я думал, за границей я расправлю крылья и полечу, а оказалось, не могу, перегрузка в моей груди. Все десять лет я бежал от родины, а убежав от неё, оказалось, что начался новый забег — побег от самого себя, и это невыносимо.

Это не иммиграционное законодательство Австралии меня мучило, это Бог посылал мне сигналы, что тут мне не место, а я его не понимал. Я всё переосмыслил, Саня, я возвращаюсь! Я вызволю мать из рабства, и мы, все вместе едем домой!

Желаю тебе найти себя там, где тебя будут любить и уважать таким, какой ты есть. Удачи тебе и здоровья!

*Миша и вся моя семья.
До встречи на родине!*

Кевин Костнер, Бред Питт — Известные киноактёры Голливуда. Кевин Костнер (родился 18/01/1955), обладатель «Оскара» 1990 год. Бред Питт (родился 18/12/1963), Лауреат премии «Золотой глобус» 1995 год.

Пэрис Хилтон — Известная своей скандальной светской жизнью, «главная» светская львица Америки и всего мира (родилась 17/02/1981).

Паблик холидей — Определённые дни в течение года, когда банки закрыты, и эти дни законом признаются выходными днями во всей стране. Паблик холидей ведёт историю с 1871 года.

Стаб Суми — «Stab City» печальное прозвище города Лимерик. «Stab» переводится на русский, как «удар ножом», «City» — «большой город». Своего рода криминальная столица Ирландии.

«No Blacks! No Dogs! No Irish!» — в переводе на русский означает: «Неграм, Собакам и Ирландцам вход воспрещён!»

Виктория Бэкхэм — Английская певица, автор песен, танцовщица, модель, актриса, модный дизайнер и деловая женщина, (родилась 17/04/1974).

«Proud to be Irish» — в переводе на русский означает: «Горды тем, что мы Ирландцы».

Сократ и Вольтер — Сократ — древнегреческий философ (годы жизни 470/469 — 399 до н. э.). Вольтер — Французский мыслитель, писатель и публицист эпохи Просвещения (годы жизни 21/11/1694 — 30/05/1778).

ИРА — «IRA» — Irish Republican Army — Ирландская национально-освободительная организация, целью которой является достижение полной независимости Северной Ирландии от Соединённого Королевства. В качестве способа политической борьбы ИРА практикует террористические методы, такие как: угроза убийства, нанесения увечий или разрушений.

Принц Уильям — Принц Уильям Артур Филипп Луис, Герцог Кембриджский (родился 21/06/1982) — герцог Кембриджский, граф Стратхэрнский и барон Каррикфергюс, старший сын принца Уэльского Чарльза и принцессы Дианы, внук королевы Великобритании Елизаветы II.

Принцесса Диана — Урождённая Диана Фрэнсис Спенсер (годы жизни 01/07/1961 — 31/08/1997). Активный борец со СПИДом и движения за прекращение производства противопехотных мин. Одна из самых популярных женщин своего времени.

Хрущёв — Никита Сергеевич Хрущёв — Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 годы (годы жизни 15/04/1894 — 11/09/1971). Период правления Хрущёва называют «оттепелью».

Горбачёв — Михаил Сергеевич Горбачёв — Глава КПСС, первый и последний президент СССР (родился 02/03/1931), (период правления СССР 11/03/1985 - 25/12/1991). С его деятельностью связаны «перестройка» СССР, крах мировой социалистической системы, окончание холодной войны, ввод в СССР политики гласности, свободы слова хозрасчёта.

Шенгенская Виза — Шенгенское законодательство — законодательство об отмене паспортно–визового контроля на границах ряда государств Европейского союза с 26/03/1995 года. Ирландия не разделяет взглядов на свободное перемещение, так как считает, что для островного государства пограничный контроль является более эффективной мерой в борьбе с нелегальной эмиграцией.

Лепрекон — Персонаж ирландского фольклора. Согласно одноимённому американскому фильму ужасов, Лепрекон хитроумен и коварен, расправляется со своими жертвами с невиданной жестокостью.

Станиславский — Константин Сергеевич Станиславский — русский театральный режиссёр, актёр и преподаватель. Основатель знаменитой актёрской системы, которая на протяжении 100 лет имеет огромную популярность в России и в мире, (годы жизни 05/01/1863 — 07/08/1938).

Хью Грант — Британский киноактёр, известен своим амплуа сердцееда — как на киноэкране, так и в жизни, (родился 09/09/1960).

Ноно Рота — Итальянский композитор, автор музыки ко многим фильмам Феллини, а также к фильму «Крёстный отец» Копполы (годы жизни 03/12/1911 -10/04/1979).

Карбут — «Car Boot Sale» — В переводе на русский: «Продажа из багажника автомобиля» — фактически «блошиный рынок», распространенный в Великобритании способ распродать ненужные в домашнем хозяйстве предметы быта и т. д. непосредственно из багажника легковой машины.

U2 — Произносится по-русски: Ю Ту — рок-группа из Дублина, сформирована в 1976 году. В их активе двадцать две премии «Гремми», больше чем у любой другой группы в мире, группа распродала 145 миллионов альбомов во всём мире.

Боно — настоящее имя Пол Дэвис Хьюсон — ирландский рок-музыкант, вокалист группы U2, известен своей гуманитарной активностью в Африке, (родился 10/05/1960).

RTE — Радио и Теле вещательная компания Ирландии. Некоммерческая организация, принадлежащая Ирландскому народу.

Мост О'Коннел — мост в самом центре Дублина через реку Лиффи. Построен в 1791 — 1794 г.

Река Лиффи — Главная водяная артерия Дублина. В переводе с ирландского языка означает «Жизнь». Река Лиффи делит Дублин на северную и южную части, соединённые десятью мостами.

СИПТУ — «SIPTU» — Профсоюз рабочих и служащих. Защищает права более 200.000 рабочих практически всех категорий занятости. Помогает в отношениях с работодателями и правительством.

Форма Р60 — В Ирландии сертификат об уплаченных налогах, выдаётся работодателем ежегодно по окончании года.

Соня О'Сулливан — Ирландская спортсменка, легкоатлетка, специалист в беге на длинные дистанции. Чемпионка мира и Европы, серебряный призёр Олимпийских игр в Сиднее 2000, (родилась 28/11/1969).

«*Non EU-citizen*» — в переводе на русский: «Гражданин из стран не Европейского союза». Статус, который, скорее, свидетельствует об отсутствии прав, нежели об их наличии.

«*WORK PERMIT!*» — В переводе на русский: «Рабочее разрешение». Обладатель рабочего разрешения получает визу на въезд и имеет право работать в Ирландии. Получить его могут только высококвалифицированные инженеры, врачи и специалисты редких специальностей.

Шукенов — Батырхан Камалович Шукенов, эстрадный певец, композитор, до 2000 года солист группы А'Студио, (родился 18/05/1962).

Елена Исинбаева — Елена Гаджиевна Исинбаева, российская прыгунья с шестом. Двукратная Олимпийская чемпионка (2004, 2008), обладательница 28 мировых рекордов в прыжках с шестом среди женщин, (родилась 03/06/1982).